0130 - 8742

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

МОСКОВСКИЙ ордена ДРУЖБЫ НАРОДОВ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ имени МОРИСА ТОРЕЗА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 331

СЕМАНТИКА ПЕРЕВОДА

1143750

Москва 1989

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Московского ордена Дружбы народов государственного
института иностранных языков имени Мориса Тореза

Св.план 1989 г., поз 8

Год основания издания - 1940

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор филол.наук, проф. Л.А.Черняховская (ответственный редактор),
В.К.Ланчиков (зам.ответственного редактора), канд.филол.наук, доц.
А.Л.Коралова, канд.филол.наук А.В.Батрак (ответственный секретарь)

В В Е Д Е Н И Е

Сборник "Семантика перевода" продолжает тему, начатую в сборниках "Смысл текста как объект перевода" и "Теория и методика перевода", выпущенные в МГИИЯ им.Мориса Тореза. В настоящем сборнике рассматриваются переводческие проблемы, связанные как с общей задачей передачи смысла оригинала в переводе во всей его полноте, так и частные проблемы перевода.

В первой части сборника, именуемой "Смысловые компоненты текста как переводческая проблема", рассматривается проблема текста как единого целого, которое подвергается переводческому анализу для изъятия из него той явной и скрытой информации, которая побуждает переводчика к определенной стратегии действий, заставляет эксплицировать в переводе информацию, имплицируемую оригиналом, подвергать текст стилистическим модификациям.

Во второй части, названной "Смысловые связи в тексте в ракурсе перевода", обращается особое внимание на те аспекты текста, которые не охватываются рамками традиционной лингвистики - смысловые связи, которые не всегда бывают непосредственно вербализованы в тексте, но которые требуют тщательного изучения и особенного внимания переводчика, поскольку манифестируются в языке оригинала и языке перевода далеко не всегда совпадающими способами.

Особое внимание в сборнике уделяется смыслообразующей роли значений языковых знаков, включенных в контекст. Этим проблемам посвящена третья глава, в которой рассматриваются те изменения, которые претерпевают эти значения в процессе перевода, когда целью является не максимально возможное сохранение в переводе исходных значений оригинала, а воспроизведение их смыслообразующих функций. В этой главе, как, впрочем, и в первых двух, содержится много интересных материалов, которые привлекут внимание не только переводчиков, но всех, кто интересуется изучением иностранных языков.

Б.С.Кандинский

АСПЕКТЫ ТАКТИКИ ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Коммуникативный подход к тексту обнаруживает в данном объекте два различных круга явлений. Первые из них соотносятся с функционированием текста в качестве целой коммуникативной единицы и представляют собой набор неких глобальных свойств, коррелирующих со всем коммуникативным процессом. Их мы в предыдущих публикациях предлагали называть стратегией текста. Вторые обнаруживаются лишь на нижних ярусах текстовой структуры и представляют собой определенные закономерности оформления речевых отрезков, не сводимые в значительной степени к традиционным лингвистическим принципам их построения. Рассматриваясь в лингвистике текста как один из его параметров, они стоят вне совокупности причинно-следственных связей, касающихся процесса коммуникации в глобальном аспекте. Данную совокупность явлений мы предлагали называть тактикой текста.

Для перевода, понимаемого как коммуникативный процесс представляют интерес оба указанные круга явлений. Стратегия текста особенно существенна для понимания механизма устного перевода, поскольку он сориентирован на достижение адекватного коммуникативного эффекта при невозможности абсолютно точной передачи оригинала. Именно стратегия текста служит основой выделения опорных смысловых пунктов, что затем находит свое выражение в характере компрессии, неизбежной при устном переводе. Неадекватное понимание стратегии текста может привести к сокращению тех его частей, которые согласно авторскому замыслу являются существенными, а иногда, как показывает практика, самые существенные части текста даже снимаются совсем, что естественно не может не затруднить коммуникативный процесс.

Тактика текста в устном переводе трудно наблюдаема в связи с расхождением между словесным оформлением текста на ИЯ и ПЯ, объясняющемся свойствами памяти, что привносит в перевод элемент перифразирования. Тем значительнее ее роль в письменном переводе, где глобальные свойства текста остаются твердо фиксированными (нельзя, например, перекомпонировать текст в соответ-

ствии с пониманием авторского замысла). В то же время средства тактики текста, применяющиеся с достаточной регулярностью и играющие немаловажную роль в процессе оформления текста и его редакторской правки, бесспорно представляют существенный интерес для понимания коммуникативного статуса письменного текста вообще.

Если понятие стратегии текста в последнее время употребляется все чаще и при всех разногласиях авторов является в какой-то степени ясным, этого нельзя сказать о понятии тактики текста. Данное понятие можно было бы в общем плане сформулировать как текстолингвистические свойства текстового континуума (если его трактовать в терминах И.Р.Гальперина). Иными словами, речь идет об оформлении и взаимодействии в потоке речи некоторых базовых единиц, служащих для формирования текста в целом. В теоретических работах принято именовать такую единицу "высказыванием", однако для прикладных целей критерии ее выделения оказываются не вполне ясным, что будет показано ниже. Поэтому в исследовательской практике чаще опираются на представление текста в качестве последовательности элементарных предложений.

Второй подход к текстовому континууму подтверждается и экспериментальными исследованиями. Так, в исследованиях по патологии речи неоднократно отмечалось явление сохранения дискурсивности речи при сохранении ее глагольного состава несмотря на нарушение номинативной функции, а также явление нарушения дискурсивности при распаде глагольного состава [I.С.189]. Это обстоятельство свидетельствует о б азовости предикатно-аргументной структуры как основывающейся на глаголе, то есть подтверждает указанную роль элементарного предложения.

Экспериментальные исследования синхронного перевода свидетельствуют о том, что единицей принятия решения, видимо, является предикативная группа [2.С.167]. В таком случае элементарное предложение является как бы смысловым шагом в развитии текстового континуума.

С подобным пониманием речевого континуума фактически связан и анализ текстовых структур на базе "пропозициональной основы" текста, дающий сегментацию, аналогичную членению текста по элементарным предложениям. Аналогичный подход к исследованию языко-

вого материала используется и в некоторых исследованиях коммуникативных процессов. Здесь на первый план выступает функция "обозначения события ..., того что происходит в мире", отмечаемая Н.Д.Арутюновой. Нам представляется, что при таком подходе может быть учтена и коммуникативная многоаспектность текста, в частности, многослойность его восприятия - от цепи неких событий(как самой примитивной трактовки текста) до прочтения достаточно глубокого подтекста. Иначе говоря, на первый план выступает понятие событийности текста, которое, с одной стороны, позволяет вовлекать лингвистический материал в коммуникативный анализ, как это происходит с другим материалом в иных видах коммуникации (С.Эйзенштейн) а с другой стороны, делает возможным коммуникативно ориентированный анализ текстового континуума.

Итак, в своем анализе тактики текста мы основываемся на том, что текстовой континуум основывается на определенной совокупности или последовательности событий, которым в тексте соответствуют элементарные предложения. Последние объединяются в высказывания, соответствующие целым комплексам событий, связанных как логическими, так и чисто пространственно-временными связями. Это явление можно проиллюстрировать на следующем примере.

Die Angara ist ein einzigartiger Strom, der einzige Abfluss des siebzig Kilometer entfernten Baiklsees. 337 Gebirgsflüsse speisen den Baikal mit Wasser, aber allein der Angara ist es gelungen, die Felswände, die den See einkesseln, zu sprengen. Fast alle Flüsse der Welt verändern im Wechsel der Jahreszeiten ihren Pegelstand, nur die Angara ist das ganze Jahr über wasserreich. Und sie ist einer der energiereichsten Ströme der Erde. Vom See bis zur Mündung in den Jenissej beträgt das Gefälle mehr als vierhundert Meter; Grund genug für die Kommunisten, den Fluss durch eine ganze Kaskade von Wasserkraftwerken zu bändigen und mit der gewonnenen Energie die sibirischen Bodenschätze ans Licht zu heben, (P.Schütt, S.122)

Отрывок включает в себя одиннадцать элементарных предложений, которые не соответствуют одной непрерывной цепи событий. Высказывания, из которых он образован, представляют собой событийные комплексы, в которых элементарные предложения сгруппированы

следующим образом: I, 2+3+4, 5+6, 7, 8+9+I0+II. Получается как бы пять смысловых блоков: характеристика реки - первый признак реки (причем четвертое элементарное предложение выражает вспомогательное событие, характеризующее дополнительно один из описываемых предметов), показываемый через сопоставление двух событий - второй признак реки, также характеризуемый через сопоставление двух событий - третий признак, описываемый через отдельное событие - четвертый признак реки, позволяющий сделать логический вывод относительно возможностей использования реки, также оформленный в качестве отдельного события.

Приведенный пример позволяет сделать определенный вывод о коммуникативной роли высказывания и о его функции в тексте. У элементарного предложения и у высказывания фактически обнаруживаются разные текстообразующие свойства. Если элементарное предложение представляет собой своего рода переменный знак, дающий при различном заполнении образ различных событий, то высказывание выступает в качестве минимальной композиционной единицы, уже содержащей в эксплицитном виде авторское отношение к событийному материалу, что выражается в определенной группировке событий и произвольной их подаче четко очерченными группами. Только при четком разведении функций элементарного предложения и высказывания удается преодолеть тот парадокс, который возникает при попытке перенесения принципов анализа материала средствами лингвистики текста в область изучения реальной спонтанной речи. Справедливо указывается на то, что устная речь, по сути дела, не может быть отнесена к той области, где данные методы применимы, так как устный текст фактически текстом не является. Тем самым создается непреодолимое препятствие для коммуникативных теорий текста, поскольку, если признавать текст основной коммуникативной единицей, окажется, что она не соотносима с реально наблюдаемыми первичными коммуникативными процессами (так как письменная коммуникация совершенно бесспорно представляет собой вторичное образование), более того, оказывается, что устная и письменная речь имеют разные коммуникативные единицы. Противоречие может быть снято, если допустить, что формирование четких высказываний в письменной речи и более строгое оформление текстовых форм (зачин, концовка и т.п.) являются своего рода компен-

сапией отсутствия на письме целого ряда факторов, наличествующих в устной речи (интонация, поведение говорящего и пр.). Данное положение имеет свое косвенное подтверждение в том факте, что запись устного текста практически не может быть использована в качестве полноценного письменного текста и, как правило, требует доработки. При таком подходе к материалу можно говорить о разных средствах формирования текстового континуума в устной и письменной речи.

Предлагаемый способ объяснения механизма функционирования тактики текста позволяет говорить о двух видах явлений - свойствах самых элементарных предложений, а также свойствах процесса формирования высказывания из элементарных предложений и объединения высказываний в более крупные единицы. Данные явления сложно даже обнаружить при описательном подходе к объектам лингвистики текста, что находит свое подтверждение хотя бы в том факте, что они даже при рассмотрении отдельных их сторон в традиционной лингвистике всегда оставались для нее весьма неудобным объектом и получали нередко довольно противоречивую характеристику.

В нашем анализе использовались два способа исследования тактики текста, при которых выступает на передний план именно процессный характер последнего: 1) сравнение параллельных текстов на разных языках, 2) озвучивание письменных текстов. В обоих случаях наблюдался целый ряд разнообразных, отчасти идентичных явлений. Поскольку для понимания процесса собственно переводческой деятельности представляет интерес первый способ анализа тактики текста, мы в данной статье ограничимся рассмотрением именно его.

Сравнение параллельных текстов обнаруживает четыре группы разнообразных явлений. Вполне вероятно, что дальнейшие исследования в данной области увеличат их число.

Первая группа явлений связана с оформлением границ единиц речи. Само по себе это явление хорошо известно как в теории, так и в практике перевода, новой, однако, является его качественная характеристика. В предыдущих публикациях мы отмечали, что определенным модификациям такого рода подвергаются все отрезки речи - от элементарного предложения до абзаца. Наибольшую устойчивость обнаруживает элементарное предложение. На нашем материале его

границы подвергались изменениям лишь в 0,5% всех случаев. Изменение границ предложений и абзацев во многом зависит от характера перевода (и не в последнюю очередь от установки редакции), но составляет чаще всего около 10% всех предложений (на материале художественной литературы). Нередко ставился вопрос о том, что данное явление характерно лишь для художественной литературы. Исследования, проведенные на кафедре перевода немецкого языка МГИИЯ в рамках выполнения дипломных работ, свидетельствуют о том, что это не так. Такие трансформации при переводе установлены не только в художественных переводах, но также в публицистическом и научном стилях. То же самое касается и изменения границ абзацев. Опрос информантов показал, что все эти изменения объясняются целым рядом причин, связанных с психолингвистическими критериями оценки текста.

Вторая группа явлений соотносится с тем, что мы предлагали назвать кульминативной организацией текста. Суть ее состоит в том, что различные элементы текста имеют разную весомость, что дает возможность для получения определенного коммуникативного эффекта путем ее градуирования в тексте. Данный принцип организации материала касается как тактики, так и стратегии текста, однако наиболее оформленное его проявление мы наблюдаем на уровне элементарного предложения.

На данном уровне рассматриваемое явление чаще всего трактовалось в различных концепциях актуального членения предложения. Обширная литература по данному вопросу дает весьма различные способы интерпретации материала, однако в последнее время все чаще ставится вопрос об ограниченности двучленной модели смыслового членения предложения. Более того фонетические исследования, дающие объективную картину смыслового членения, предоставляют обширный материал, характеризующий информационный член предложения (рему, фокус и т.п.) или - как мы предлагали именовать это явление (для соблюдения единства подхода на разных уровнях) - его кульминацию, и дают мало надежной информации о других компонентах смысловой структуры (теме и т.п.)

Сравнение параллельных текстов обнаруживает целый ряд дополнительных явлений, не укладывающихся в традиционные схемы актуального членения. Для иллюстрации приведем пример явления, которое

ми именовали расширенной кульминацией. Суть его состоит в том, что в элементарном предложении подвергается выделению достаточно протяженный отрезок:

Из кухни неслышно появилась старуха (Адамов, 149)

Unhörbar kam seine Frau aus der Küche gehuscht (A.Adamov,207)

Аналогичные преобразования обнаруживаются и в переводах с немецкого языка на русский:

Lautlos glitt Anton durch die Bodenluke in den Heuhaufen.

(B.Seeger,14)

Антон бесшумно соскользнул через люк на копну. (Б.Зеегер,34)

Двучленная модель актуального членения непригодна для объяснения подобных случаев, так как здесь возникает следующая альтернатива - или признать произвольность выбора темы при формировании смысловой структуры предложения (что само по себе эквивалентно утверждению об одночленности смысловой структуры) или признать возможность расщепления темы и ремы, что, с одной стороны, приводит к невероятному усложнению анализа, а с другой, - неприменимо к ряду других случаев, на которых мы здесь не останавливаемся за недостатком места.

При выходе за границы элементарного предложения кульминативный принцип относится с более протяженными отрезками речи (вплоть до кульминации текста в целом). Это явление было уже давно обнаружено в театральном анализе речи. Так, К.С.Станиславский прямо говорит о том, что целые предложения выделяются в тексте подобно тому, как слова выделяются в предложении. Здесь особенно четко обнаруживаются недостатки двучленной модели, поскольку соотношение кульминаций между собой носит скорее градуальный характер.

Кульминативная организация текста имеет особую функцию на уровне сверхфразового единства. Поскольку формальных критериев определения границ сверхфразового единства не существует, именно кульминационная организация различных частей текста позволяет разным образом расчленять его на сверхфразовые единства. Рассмотрим следующий пример.

Ein paarmal gibt er ganz geringe Mengen von seinen Arzneien.Glückstrahlend ziehen[1] die Mandigos ab. Nun werden sie bestimmt gesund werden: Andere[2] muss er auf morgen vertrösten. Ihre Krankheit[3] ist schwierig. Es bedarf[4] zur Heilung

sorgfältigster Auswahl unter [5] den Heilmitteln. Über Nacht wird er nachdenken [6] und ihnen geben, was nötig ist. Wahr daran [7] ist, dass René ihnen ungefährliche [8] Mittel verabreichen [9] will, aber die wird er sich erst [10] aus der Umgebung zusammensuchen [11]. Sie werden zerrieben [12], unkenntlich [13] gemacht [14], so dass die Schwarzen glauben sollen [15], es sei etwas ganz Besonderes [16], das ihnen der Fremde verordnet hat [17]. (W.Légère,195)

Этот текст, в котором мы для удобства ориентировки пронумеровали элементарные предложения, допускает весьма различные интерпретации. Решающим оказывается выделение кульминационных пунктов. Например, при выделении в качестве таковых элементарных предложений I,4 и 7 на первый план выступает внешняя сторона событий, а последняя часть приобретает характер комментария к событиям, приводимого как бы в скобках. Текст распадается на следующие сверхфразовые единства: I+2+3 (общий случай), 4+5+6+7+8+9 (сложный случай), I0+II+I2+I3+I4+I5+I6+I7 (объяснение подоплеки событий).

Возможно также в качестве кульминационных пунктов элементарных предложений I и II. Тогда в нем выделяются сверхфразовые единства I-9 и I0-I7, в событийном плане соответствующие двум различным поступкам действующего лица.

Механизм данного явления, на наш взгляд, объясним следующим образом: если принять, вслед за У.Кинчем, что членение текста на смысловые отрезки осуществляется на основе категоризации, то вполне очевидно, что процесс категоризации зависит от того, какие явления оказываются главными, а какие второстепенными. Тогда выделение различных кульминационных событий даст различную трактовку и группировку элементов событийного континуума, и соответственно членение текста на различные смысловые отрезки в случае его различной кульминационной организации.

Как можно убедиться, данное явление, четко выявляемое на уровне элементарного предложения, фактически оказывается более широким и пронизывает все текстовые уровни, однако именно на уровне элементарного предложения оно обнаруживает весьма специфические черты.

Третья группа явлений касается модально-коммуникативной фактуры элементарного предложения. Различие этого параметра элементарных предложений в различных языках обнаруживается при срав-

нении параллельных текстов в виде немотивированного добавления в текст на язык перевода (ПЯ) модальных элементов (преимущественно глагольных конструкций и эксплетивных частиц), не имеющих аналога в исходном тексте. Один из аспектов данного явления известен в теории перевода под названием скрытой модальности, однако фактически оно значительно шире и включает в себя также некоторне видовне и временные параметры элементарного предложения, в разной степени эксплицируемые конструкцией предикатной дескрипции.

Сравнение параллельных текстов показывает, что число предикатных дескрипций содержащих эквивалент модального глагола, в русском тексте может быть более, чем на 30% меньше числа аналогичных дескрипций в параллельном немецком тексте. При переводах на немецкий язык это обстоятельство приводит к тому, что часто в предикатные дескрипции добавляются модальные глаголы, не имеющие в исходном тексте эксплицитного эквивалента. Аналогичным образом при переводе на немецкий язык в текст добавляются частицы. Естественно, что при переводе с немецкого языка на русский происходит пропуск ряда модальных глаголов и частиц. Аналогичное явление наблюдалось также при сравнении немецких текстов с параллельными текстами на английском, французском, испанском и польском языках. Интересные результаты дали психолингвистические эксперименты, произведенные на кафедре в 1985 году. Например, совершенно нейтральные русские вопросы приобретают настойчивый или подчеркнуто официальный характер, а при переводе на русский язык сохранение указанных элементов придает соответствующим элементарным предложениям несвойственную им в тексте на ИЯ расплывчатость или уклончивость.

Полученные данные позволяют, видимо говорить о том, что предикатные дескрипции, которые, собственно говоря, наиболее непосредственно связаны с событийностью текста, имеют некую узуальную форму (на уровне нормы в понимании Э.Косериу), придающую элементарному предложению некий коммуникативный статус, для поддержания которого при переводе оказываются необходимыми некоторые добавления в тексте на ПЯ в неких "критических точках".

Четвертое явление, относимое нами к тактике текста, пред-

ставляет собой наличие некоторых ритмических тенденций в организации текста. Этот вопрос следует считать разработанным в недостаточной степени, несмотря на усиленно ведущиеся в этой области изыскания как теоретического, так экспериментального характера.

В настоящее время можно говорить лишь о том, что ритмическая организация связана с развитием прозаического текста (в процессном его понимании) определенными смысловыми шагами, аналогичным в некоторой степени выделяемым в устной речи так называемым речевым тактам.

Возможно, что наличие подобных групп в письменной речи обусловлено ограниченным объемом оперативной памяти человека, принуждающим автора текста "квантифицировать" его относительно равномерными отрезками, что создает своеобразный "смысловой ритм", естественную пространственную основу, которая приводит к организации текстового континуума вполне определенным образом.

Подобная квантификация связана еще с одним параметром , выявленным нами в ходе психолингвистических экспериментов - степенью развернутости/сжатости таких групп. Выяснилось, что такие смысловые шаги оцениваются информантами как оптимально оформленные, когда они выдержаны с одинаковой степенью подробности или сжатости. Бывает, однако, что сжатые и развернутые группы чередуются в тексте, что, со своей стороны, создает своеобразный ритм. При переводе приветствуется сохранение характеристик данного параметра, свойственных оригиналу. В ряде случаев для более точной передачи смысла данный принцип приходится нарушать, и тогда необходима компенсация, позволяющая преодолеть ритмическое нарушение.

Подводя итоги настоящего изложения, следует отметить, что совокупность рассмотренных факторов влияет на текстовой континуум вполне определенным образом. Выстраивание текста в соответствии с определенной стратегией требует, чтобы указанные параметры способствовали созданию оптимальной формы текста для достижения коммуникативной цели. Поэтому описание тактики текста является существенной частью его коммуникативной характеристики.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

I. А.Р.Лурия. Основные проблемы нейролингвистики. - М.: Изд-во МГУ, 1975. - 253 с.

2. Г.В.Чернов. Основы синхронного перевода. - М.: Высшая школа, 1988. - 256 с.

Цитируемая литература

P.Schütt. Ab nach Sibirien. - Dortmund: Weltkreis, 1977.

A.Adamov. Ein Uhr nachts. - Berlin: Volk und Welt, 1983.

А.Адамов. Вечерний круг. - М.: Воениздат, 1982.

B.Seeger. Herbstrauch // Roman-Zeitung, N 175 (1/64),

Б.Зеегер. Осенний дым. - М.: Радуга, 1985.

W.Légère. Ich war in Timbuktu. - Berlin: Altberliner Verl. Lucie Groszer, 1955.

Г.В.Аликаева

ИМПЛИЦИТНОСТЬ ОРИГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА

Понятие перевода, в его современном толковании, включает в себя не передачу слов, предложений и более крупных единиц речи соответствующими средствами другого языка, а извлечение и передачу содержащейся в тексте информации.

Термин "информация" имеет различные определения, но для исследования смысла произведения его можно рассматривать как устранение неопределенности (энтропии), связанной с тем, что порядок следования элементов текста заранее не известен получателю, так как заранее известное сообщение не нуждается в передаче

Устранение энтропии может происходить как эксплицитно, так и имплицитно. Та часть информационного содержания текста, которая включает в себя факты, события, процессы (содержательно-фактуальная информация - СФИ [I. С.27]), чаще всего передается вербально, а устранение неопределенности при ее толковании автором и получа-

телем осуществляется с разной степенью имплицитности.

Информация, связанная со снятием энтропии при интерпретации событий и процессов, сообщаемых текстом, разделяется на содержательно-концептуальную СКИ [I. С.28] и содержательно-подтекстовую СПИ [I. С.28].

Содержательно-концептуальная информация сообщает читателю индивидуально-авторское понимание фактов, представленных средствами СФИ, их причинно-следственные связи, взаимодействие и развитие.

Содержательно-подтекстовая информация представляет собой невидимый текст, выраженный между строк, извлекаемый из СФИ путем суперлинеарного анализа. Эта информация создается на основе скрытого ассоциативного мышления автора и рецепиента, а также благодаря способности единиц текста приращивать смыслы во взаимодействии друг с другом.

Содержательно-концептуальная информация не всегда выражена вербально, и для ее актуализации часто необходимо специальное исследование.

Содержательно-подтекстовая информация всегда имплицитна и присутствует не во всех жанрах. Самое небольшое ее количество имеется в научных текстах, где содержание должно быть выражено с предельной точностью, исключающей всякую двусмысленность, а самое большое - в художественной литературе и поэзии.

Оригинальные и переводные произведения могут содержать определенный "зазор" между имплицитной СКИ и СПИ, и целью настоящей статьи является изучение способов адекватной передачи имплицитности в соотносимых текстах.

Исследование проводится на уровне авторского содержания, оставляя в стороне ассоциативную подтекстовую информацию, связанную с личным и общественным опытом получателя и с его фоновыми знаниями. Изучению подлежит ситуативная СПИ [I. С.45], которая возникает в связи с фактами и событиями, описанными ранее, а также та часть содержательно-концептуальной информации, которая не выражена эксплицитно. Предметом изучения является "скрытая информация", имеющая опору в вербальном тексте и образующая свою систему, налагающуюся на СФИ своеобразным контрапунктом, а материалом исследо-

вания служат художественные и научные тексты, которые являются основой для сравнения.

Операции с информативным содержанием должны базироваться на анализе основных коммуникативных единиц, которые содержат законченную мысль и которые могут равняться или быть больше предложения, как первой из лингвистических данностей, обладающих возможностью самостоятельного использования в речи [2.С.141]. Анализ литературы показывает, что по поводу этих единиц существуют значительные разногласия.

За единицу анализа смыслового содержания текста принимается "коммуникативный блок" [3], абзац [4], сверхфразовое единство [1], сложное синтаксическое целое [5], компонент текста [6], прозаическая строфа [7] и т.д.

Привлекает внимание расплывчатость определений основной единицы информативного содержания, что затрудняет ее изоляцию при изучении смыслового наполнения текста.

Вызывает возражение и выделение только одной единицы, вне зависимости от видовой принадлежности исследуемого произведения.

Анализируя разные текстовые образцы, можно сделать вывод о том, что в научной и художественной литературе нужно выделить разные коммуникативные единицы, что объясняется разницей в объектах научного и художественного высказывания и различной методикой их изучения.

Как известно, объектом рассмотрения науки является природа, включая человека, который исследуется "снаружи", как ее часть, а методом анализа - эксперимент. Объектом художественного произведения представляется человек, изучаемый "изнутри", описываемый путем создания образов, которые служат языком художественной литературы. Разница в объектах высказывания и методике отражения реальности в научных и художественных текстах вызывает необходимость выделения разных их единиц.

Методика изолирования строевых элементов смысла текста описывается в диссертации Л.А.Черняховской [8]. Критерием выделения стандартной текстовой единицы автор считает отсутствие в пределах выделенного текстового отрезка нового доминирующего имени, помимо имени отображаемого в нем сегмента реальности и имен "предметов"

реальности, выступающих в роли информационных параметров отображаемого в этом отрезке. Вторым критерием ограничения текстового отрезка, выделяемого как стандартная усложненная смысловая единица (УСЕ) текста, является стабильность пространственных, временных и модальных параметров соотношения предметного имени с отображаемым "предметом" реальности. Изменение хотя бы одного из параметров свидетельствует о начале новой стандартной УСЕ [8. С.18-19].

Применение указанных критериев при анализе научных текстов[I] показало, что стандартной смысловой единицей в них является абзац и четкое деление на абзацы облегчает быстрое и точное извлечение информации, исключающее двусмысленность понимания, противопоказанное данному стилю.

Абзац как центральная коммуникативная единица научного высказывания обычно определяется как "группа предложений, в которых обсуждается одна единственная мысль" [4 . С.20] . Центральное предложение абзаца должно четко выражать эту мысль, остальные предложения служат для ее объяснения, доказательства и повторения другими словами, чтобы облегчить запоминание.

Абзац скрепляется "тематическим словом", которое обозначает предмет высказывания. Обычно им является существительное или его эквивалент в виде слов-заместителей, синонимов, соответствующих словосочетаний и даже придаточных предложений.

Проанализируем абзац из книги П.Лиди "Читайте быстро и точно" [4] и выделим в нем наиболее важные компоненты: тематическое слово и предложение, выражающее основной смысл.

"Like a drone bass through the polyphony of a chant, throughout every paragraph one <u>noun</u> is predominant. Upon this <u>noun</u> the paragraph weaves thought variations of intricate design. This major <u>noun</u> we may consider as representing the <u>thing</u> which the

---

I Были проанализированы несколько глав из книги П.Лиди [4], статья Дитера Розе (Dieter Rose) "CFRP - Wing for the Alpha Jet" из журнала "Aircraft Engineering" (Januery, 1987), статья "Microcomputers in Education, the State of the Art", написанная Дж.Глисоном (Gerald Gleason, "Educational Technology", v.21, N 3, 1981) и другие источники.

paragraph discusses. This thing may be as tangible as houses or land, or as tenuous as love of infinity or the phantasmagorial wavering of thought itself. But however the ideas may shift and shimmer, at the dead center of every paragraph is a noun. It is this which is the substance and the heart of the central, or main, thought. In fact, the whole central idea is but a complete assertion, amplified and elaborated, made by the paragraph itself about this polar noun" (P.Leedy, 116).

Тематическим словом в данном абзаце является существительное "noun", а его первое предложение выражает главную мысль.

Основная единица художественного стиля не связана с границами абзаца и выделяется с помощью специального анализа, по критериям Л.А.Черняховской. Мы называем ее "высказыванием в художественном тексте" (ВХТ).

Проведенное исследование показало,[I] что в ВХТ, наряду с четко выделяемым тематическим или доминирующим именем и предложением, выражающим основную мысль, очень часто присутствует и "скрытая" часть информации, состоящая из невербализованной доли СКИ и всего объема СПИ.

Скрытая, контрапунктная структура ВХТ, имеет свое собственное строение - свое тематическое слово, свою собственную главную мысль.

Проанализируем первую главу второй части романа Д.Голсуорси "Сдается в наем" по методике Л.А.Черняховской. Как упоминалось выше, основой выделения ВХТ служат изменения доминирующего имени или пространственных, временных и модальных параметров соотнесения предметного имени с отображаемым фактом реальности.

Исходя из указанной процедуры, главу, которую автор назвал "Мать и сын", можно разделить на I2 частей, границы которых очень часто находятся внутри абзацев. Исследуем одно из выделенных ВХТ, в вербализированной структуре которого описывается посещение музея Прадо на обратном пути Ирэн и Джона из Испании (с.99-I00). Анализируемое ВХТ начинается со слов "condemned by Spanish Providence..." и кончается предложением "thus did he first learn

---

I Исследование проводилось на материале романа Д.Голсуорси "Сага о Форсайтах"("Сдается в наем").

how much better than men women play a waiting game".

В "открытой структуре" этого ВХТ доминирующими словами являются имена собственные - Ирэн и Джон, а также их заместители. Основная мысль выражена в последнем предложении.

"Скрытая информация" имеет другое тематическое слово - существительное "subtlety". Характеризуя Ирэн с помощью этого слова, которое переводится как "тонкость, утонченность, ловкость, проницательность, хитрость, коварство", автор выражает и вторую главную мысль этого ВХТ, представленную в его невербализованной структуре - путешествуя вместе с Джоном, Ирэн ведет себя очень хитро и коварно, пытаясь отвлечь сына от мыслей о Флер.

Делая перевод художественных текстов, необходимо самым тщательным образом выделять тематические слова невидимой информации, адекватный перевод которых позволяет создать правильную догадку об основной мысли невербального содержания.

Как же выделяются эти тематические слова?

Обычно доминирующее слово контрапункта текста повторяется не только в отдельной его единице, но и в целом ряде составляющих, скрепляя скрытую информацию всего отрезка произведения, и наталкивая на постижение главной мысли.

Но слова, в большинстве случаев, многозначны, и для правильного перевода тематических компонентов необходимо анализировать их употребление в составе отдельных единиц. Столкновение различных смыслов тематического слова позволяет автору выразить главную идею всего текста с необходимой полнотой.

В главе I второй части книги Голсуорси повторяются упомянутое выше существительное "subtlety", а также однокоренное прилагательное "subtle". Автор употребляет их, описывая отношения основных персонажей - Ирэн и Джона.

Когда прилагательное "subtle" употребляется в составе первого ВХТ, кончающегося словами "wishing to do so", оно характеризует Джона, и переводить его как "коварный" нет никаких оснований, как нет оснований употреблять слова "утонченный, проницательный". В переводе Н.Вольпин [I] предложение "the fellow was

---

I См.Д.Голсуорси "Сага о Форсайтах".

subtle besides being naive"("...в нем уживалась с наивностью хитрость"-Голсуорси,5)передано совершенно правильно,такой перевод выражает основную мысль скрытой информации - защищая свою любовь, Джон впервые действует исподтишка.

В составе третьей единицы, начинающейся со слов "in this isolation...", слово "subtlety" характеризует Ирэн. Джон чувствует себя виноватым, потому что скрывает от нее что-то очень важное и это заставляет его по-новому восхищаться красотой матери и способностью ее так тонко его понимать. Поэтому перевод предложения "he appreciated, too, as never before, his mother's subtlety of instinct", в котором существительное "subtlety" передано как "чуткость" (Д.Голсуорси, 6), вполне адекватен.

Если же мы рассмотрим слово "subtlety" в составе единицы, начинающейся словами "condemned by Spanish Providence", мы убедимся, что перевод Н.Вольпин - "но он лишний раз убедился, что далеко уступает ей в самообладании и чуткости" (Д.Голсуорси, 17) - не правомерен, так как Ирэн здесь представлена в виде какого--то охотника в засаде на собственного сына, она без труда расшифровывает все его надежды, страхи и желания, но не сочувствует им и с легкостью ведет выжидательную игру. Существительное "subtlety" следует перевести хотя бы как "скрытность", если нельзя употребить слово "коварство", обладающее слишком большой эмоциональной насыщенностью, несмотря на то, что для носителя языка это значение более или менее очевидно. Если такой перевод не адекватен, то (при отсутствии лексического соответствия) приходится расшифровывать тематическое слово с помощью толкования.

Неправильный перевод опорного компонента не позволяет вскрыть контрапункт соответствующей единицы, а также всего текста, его точная передача дает возможность читателю уловить главную мысль невербальной информации, создавая равноценную имплицитность оригинала и перевода с некоторым креном в большую эксплицитность при отсутствии соответствующего слова на языке передачи.

Адекватный перевод слов "subtle" и "subtlety" в первой главе второй части романа "Сдается в наем" в составе различных единиц помогает нам осознать, как автор описывает борьбу Джона против Ирэн за свое чувство, противопоставляя наивную хитрость

Джона, это оружие слабых, чуткости и коварству матери, и это приводит нас к пониманию того, что Джон обречен на поражение.

Точный перевод тематических слов контрапункта, входящих в состав единиц вербального произведения и скрепляющих его сублинеарную информацию, дает возможность раскрыть основное содержание этой информации как на уровне всего текста, так и на уровне его составляющих.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. И.Р.Гальперин. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. - 139 с.

2. Л.С.Бархударов. Структура простого предложения современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1966. - 200 с.

3. Я.М.Колкер. Теоретическое обоснование последовательности обучения письменному выражению мыслей на иностранном языке - английский язык, языковой вуз : Автореф. дис..канд.пед.наук / МГПИИЯ им.М.Тореза. - М., 1975. - 240 с.

4. P.Leedy. Read with Speed and Precision. - New-York: McGraw - Nill Book Company, 1963. - 402 p.

5. А.М.Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.

6. И.А.Фигуровский. Структура текста произведений и обучение школьников элементам структуры письменных работ: Автореф.дис.... д-ра пед.наук./МОПИ им.Н.К.Крупской.- М., 1957. - 43 с.

7. Г.Я.Солганик. Синтаксическая стилистика. Сложное синтаксическое целое. - М.: Высшая школа, 1973. - 214 с.

8. Л.А.Черняховская. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: Автореф.дис. ... д-ра филол. наук / МГПИИЯ им.М.Тореза.- М., 1983. - 34 с.

Цитируемая литература

J.Galsworthy. To Let. - M.: Progress Publishers, 1975.

Д.Голсуорси. Сага о Форсайтах. Собр.соч. в 8 т. - М.: Правда, 1983.

Т.Б.Дудина

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Мысль о том, что теория перевода является концепцией междисциплинарной, пожалуй, не требует особых доказательств. Любое исследование по переводу по определению основывается на привлечении данных таких лингвистических теорий, как фонология (или графология), морфология, синтаксис, лексикология, семантика, лингвистика текста и т.п. Однако коммуникативная равноценность, (а именно это является целью межъязыкового общения)[1] часто зависит не от факторов, непосредственно связанных с обеспечением адекватной передачи смысла текста теми или иными лексико-грамматическими и структурно-композиционными средствами, а от более общих, надтекстовых, закономерностей.

И хотя на первый взгляд данное положение не представляется ни новым, ни оригинальным, оно нередко не учитывается в современной теории перевода и переводческой практике.

Среди основных причин бытующей недооценки надтекстовых факторов при переводе следует назвать признание, декларируемое [2] или имплицитное, примата семантической эквивалентности. Несмотря на многочисленные работы о важности прагматических, стилистических, социолингвистических и других факторов при выборе тех или иных эквивалентных вариантов, уже сама такая постановка вопроса предполагает зависимую, то есть подчиненную семантике, роль всех этих аспектов, представляемых как "дополнительные" и "вторичные."

Таким образом, и на практике, и в теории, перевод сегодня - это прежде всего адекватная передача содержания текста оригинала на языке перевода, с большей или меньшей степенью оговорок у разных авторов, или с большей или меньшей (как правило, меньшей) терпимостью контрольных редакторов к тому, что в издательствах принято называть "вольностями" переводчиков.

Возможно, такой подход и не вызывает особых возражений в тех случаях, где между нормой ИЯ и ПЯ не существует серьезных расхождений в плане выражения. А если такие расхождения есть, например между стилистической нормой русского и английского языков?

Насколько в таком случае соображения и учет нормативных несоответствий могут и должны пошатнуть примат семантического компонента коммуникации между двумя языками, двумя культурами? А пошатнут они его непременно, особенно в части содержательно-концептуальной информации (СКИ), то есть имплицитно выраженной общей тональности текста, его "содержательной интерпретации" [3.С.28] Вполне очевидно, что вопрос этот имеет важное теоретическое и практическое значение.

Одной из наиболее популярных разновидностей текстов, переводимых на английский язык, являются тексты публицистические, а именно журнальные статьи, политического и так называемого "общепублицистического" характера. Актуальность исследования этих текстов определяется не только количественными соображениями их распространенности. Публицистика, сочетающая в себе функции воздействия и информирования, является одним из основных каналов межнационального общения, направленного на достижение понимания между народами, распространения информации друг о друге, и, в конечном счете, укрепления доверия друг к другу. Именно поэтому эквивалентность перевода публицистики представляется особенно важной проблемой.

Сопоставительный анализ публицистических текстов на русском и английском языках[1] обнаруживает ряд значительных стилистических различий в их традициях. Следовательно, достижение коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода, предполагающей их "функциональное, формальное и смысловое отождествление коммуникантами" [I. С.8] в данном случае, когда тексты предназначены для англоязычной аудитории, "воспитанной" на иной стилистической норме, требует существенных преобразований в плане выражения, которые неизбежно окажут влияние и приведут к модификации плана содержания. Иными словами, при переводе публицистических материалов с русского языка на английский, в силу особенностей английской

I. В работе исследовались тексты общепублицистического характера из журнала "Советский Союз", предназначенные для перевода на английский язык, и аналогичные по стилевой отнесенности оригинальные материалы на английском языке из журналов "Космополитан", "Компани", "Лиснер", "Санди таймс магазин", "Харперс энд куин" и т.п. - по I0 журналов на каждом языке.

стилистической традиции, соображения семантической эквивалентности должны, по теории, уступать первенство соображениям стилистической адекватности со всеми вытекающими отсуда последствиями.

Важнейшим свойством построения публицистического текста в обоих языках является их диалогичность, которая "обеспечивает непосредственность читательского восприятия" [4. С.181], а, следовательно, является мощным средством реализации основной функции данной сферы общения - функции воздействия. Сопоставительный анализ материала, однако, показывает, что это общее свойство публицистики реализуется в двух языках далеко не аналогичными средствами, что влечет за собой расхождение в структуре, членении, формах содержательно-фактуальной информации (СФИ) и качестве СКИ, и других композиционных и лексико-грамматических параметрах текста.

В русской традиции диалогичность текста в публицистике обеспечивается преимущественно на формальном уровне, за счет внешней организации основной части текста. При этом в текст, (как правило, после зачина-вступления) вводятся контекстно-вариативные формы чужой речи - диалог, цитация[1] и оформляются в виде отдельных СФЕ и абзацев.

Типичный пример такого построения публицистического текста представляют собой получившие достаточное распространение тексты - интервью, где, по мнению исследователей "сама диалогическая форма (выделено нами - Т.Д.) становится средством оценки и интерпретации сопоставленных аспектов темы, точек зрения, позиций участников диалога" [4. С.168] . Тенденция к подобному диалогическому построению текста настолько сильна, что предлагается рассматривать диалог как "особый художественно-публицистический жанр" [4. С.168].

Нетрудно заметить, однако, что тексты-интервью, так же как и тексты, включающие цитации, за исключением их внешней несколько "диалогизированной" формы, в языковом и коммуникативном отношении мало чем отличаются от традиционного повествующего монолога (по В.В.Виноградову)[2]. В силу "крайней неравномерности участия говорящих в диалоге" [6. С.51][3], преобладания недиалогических контекстно-

---

[1] В работе принята классификация контекстно-вариативных форм, предложенная И.Р.Гальпериным [3. С.52] .
[2] См., например [5. С.42]
[3] В соотношении 1:10, 1:15 по исследованному материалу.

вариативных форм и неразговорных языковых средств, они по сути ни в композиционно-речевом, ни в коммуникативном отношении не обнаруживают той обращенности к читателю, которая составляет основу диалогичности текста в английской публицистике.

Важнейшую роль при этом также играют лингвостилистические характеристики зачина текста и образ автора. Вполне понятно, что зачин, являющийся "сильной" позицией текста, оказывает большое влияние на формирование читательского восприятия, образа автора, прагматики текста и его СКИ. В русской публицистике диалогичность зачина иногда создается за счет вопросов в повествовании (20% текстов) . В остальных случаях зачины диалогичностью не обладают. Образ автора - не индивидуализирован. Наиболее типичными случаями являются:

I) "безличные" описательно-повествовательные зачины, например: Юрий Власов - легендарный советский штангист, неоднократный победитель мировых первенств, обладатель 3I мирового рекорда. Глядя на этого стройного, подвижного атлета, доброй, открытой улыбкой отвечающего на восторги зрителей, трудно было поверить, что перед вами самый сильный человек планеты. Власов-спортсмен поражал своей целеустремленностью, корректностью в общении, глубиной суждений, свидетельствующих о разносторонней культуре ... (Советский Союз №5, 74).

2) описательно-повествовательные зачины, например с авторским"мы" нет на свете женщины, которая не хотела бы хорошо одеваться. Увы, в век, когда производство одежды превратилось в отрасль индустрии, непросто обрести свой стиль, сохранить индивидуальность, чувство меры, не поддаться соблазнам рекламы. Стремясь внести поправки в поточное изготовление одежды, женщины ищут выход из положения разными способами ...

Нам (подчеркнуто автором Т.Д.) всегда интересно услышать объективное мнение постороннего человека ...(Советский Союз №6, 77).

3) описательно-повествовательный зачин с вопросом в повествовании, например:
Три натюрморта французских мастеров разных эпох живописи ... Что объединило их на этих страницах? (Подчеркнуто автором-ТД).

Все они из коллекций советских музеев. Когда полтора года назад в Москве свели в единую выставку лучшие образцы этого жанра, хранящиеся в наших музеях, стало особенно наглядно, какими сокровищами мы владеем ...(Советский Союз, №5, 67).

Интересна специфика авторского "мы" для русской традиции, которое, кстати, часто наблюдается и в цитации, то есть при воспроизведении высказывания отдельного лица(!). Суть образа автора, так же как и образа читателя в русском языке - их обобщенность. В то время как автор публицистического текста воспринимается как "обобщенное лицо, уполномоченное государством высказывать мнения, оценки" [4. С.5I] , адресат в публицистике - такое же обобщенное, "неопределенное множество людей" [4. С.5I] .

В отличие от формальной диалогичности, сочетающейся с обобщенными образами автора и адресата текста, типичных для русской публицистики, английская публицистика отличается диалогичностью внутренней, ингерентной, которая сочетается с индивидуализацией образов автора и адресата. Диалогизация создается введением в саму ткань текста различных аппелятивных средств - форм императива, прямого обращения к читателю, расчлененных вопросов т.п., интеграцией форм авторской и чужой речи в более равномерных, естественных для диалога, пропорциях, преобладающей тенденцией к авторскому "я". Такие принципы построения характерны для различных типов публицистических текстов - от проблемных и редакционных статей до интервью и рецензией, и являются важнейшим средством формирования СФИ, СКИ и прагматики текстов.

Типичными зачинами в английской публицистике являются:

I) зачин-диалог с авторским "я"

Do you want to know something?

I don't.

Well, all right, I want to know some things, but on the whole I'm trying to cut out all surplus facts and drastically reduce my information intake ... (Космополитан, I988, №3, 55);

2) зачин-диалог с прямым обращением к читателю и авторским "я".

If I see a trailer for yet another film about American adolescents going to party-parties, I shall scream. Have you

been to the cinema recently? Has the happy thought occurred to you that a visit to the flicks might be a pleasant way to pass an evening? Well, if you're over 20 with an IQ larger than a garden pea, forget it. (Компани, 1988, N 3, 10);

3) зачин с включением несобственно-прямой речи адресата

'I'm starving,' you cry, as you head for the sandwich bar at lunchtime ... (Компани, 1988, 3, 12),

а также их различные модификации, с включением форм императива, цитаций и т.п.

Такое резкое несоответствие в реализации диалогичности от формальной, минимальной и внешней в русской публицистике, до ингерентной в английской, несомненно, влечет за собой целый ряд других стилистических различий - в степени разговорности, эмоциональности, интимизации изложения и т.п., требующих дополнительных трансформаций при переводе[1].

Но даже применение этих трансформаций (что, к сожалению, не находит места в современной переводческой практике) не решает основного вопроса. Следует ли переводчику, исходя из необходимости обеспечения коммуникативной равноценности, трансформировать обобщенные образы автора и адресата в авторские и читательские "я", вводить средства внутренней диалогичности, и таким образом, модифицировать всю стилистическую и семантическую основу текста, или, как это делается в настоящее время, придерживаться примата семантики и, нарушать стилистическую традицию языка перевода? Вопрос этот сложен и вряд ли может быть сразу решен однозначно. Проблема стилистических трансформаций при переводе, к сожалению, не получила достойного внимания со стороны теоретиков и практиков межъязыкового общения. Попытки отдельных трансформаций, в основном затрагивающие переход от более официальных к менее официальным регистрам, до сих пор носят чисто интуитивный, стихийный характер. Более пристальное изучение нормативных аспектов перевода, стилистики различных жанров ИЯ и ПЯ, могло бы стать основой для осознанного

---

1 О некоторых подобных стилистических трансформациях при переводе публицистики на английский язык см. [7].

и целенаправленного подхода к пониманию реального взаимоотношения семантических и стилистических аспектов межъязыковой коммуникации.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. В.Н.Комиссаров. Проблемы лингвистического анализа перевода: Автореф. дис. ... доктора филол.наук /МГПИИЯ им.М.Тореза. - М.: 1975. - 51 с.

2. Л.С.Бархударов. Язык и перевод. - М.: Международные отношения, 1975. - 100 с.

3. И.Р.Гальперин. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. - 138 с.

4. Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / Ред.А.Н.Кожина. - М.: Наука, 1987. - 238 с.

5. В.В.Виноградов. Проблемы русской стилистики. - М.: Высшая школа, 1981. - 320 с.

6. О.А.Лаптева. Русский разговорный синтаксис. - М.: Наука. 1976. - 397 с.

7. Н.С.Стрелкова. Учебное пособие по практической стилистике английского языка и стилистическому редактированию перевода.- М.: МГПИИЯ им.М.Тореза. 1984. - 51 с.

А.Ю.Патрикеев

СТРУКТУРА ОБРАЗА КАК КРИТЕРИЙ ВЫБОРА ЗАМЕНЫ ПРИ ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Выбор замен и компенсация семантических потерь - это, пожалуй, самые болезненные вопросы практической деятельности переводчика поэзии. Грамматические и лексические различия языков оригинала и перевода, необходимость соблюдения метрических норм языка перевода часто вынуждают переводчика отказываться от некоторых семантических составляющих оригинала и искать им замену [1].

Подбор замен чрезвычайно сложен. С одной стороны, перевод

должен сохранять общий смысл оригинала, его воздействие на читателя. С другой стороны, в нем необходимо сохранить индивидуальные черты конкретного текста, особенности стиля конкретного автора и одновременно литературного направления, к которому данный автор принадлежит. К замещающему элементу предъявляется множество требований, которые иногда противоречат друг другу. В связи с этим проблема определения критерия выбора замен приобретает особое значение.

Наиболее существенной чертой художественного текста является образность [2]. Образы, их структура и взаимодействие несут львиную долю информации художественного текста. Поэтому можно предположить, что изменение образного строя текста при переводе должно приводить к изменению информационного содержания текста, его смысла. Причем степень изменения смысла текста при переводе должна быть пропорциональна степени изменения структуры образов текста и связей между ними.

Для проверки этой гипотезы предлагается провести анализ образного строя стихотворения "Тигр" Уильяма Блейка и трех его переводов на русский язык, выполненных В.Л.Топоровым, К.Бальмонтом и С.Маршаком. Анализ структуры и взаимодействия образов в текстах стихотворения и его переводов дополнен анализом структуры межфразовых связей этих текстов, методика проведения которого описана в работе [3].

Стихотворение "Тигр" состоит из шести четверостиший со смежной мужской рифмой, написанных четырехстопным хореем. Первое четверостишие вводит тему стихотворения и вопросительным предложением "Чьи бессмертные глаза или руки смогли создать твой ужасный образ?" одновременно предваряет центральную часть стихотворения, в которой описан процесс создания тигра, и задает способ описания, целиком построенного на риторических вопросах, в которых используется синекдоха.

Описание сотворения тигра занимает второе, третье и четвертое четверостишия. Реальное живое существо, тигр, возникает как результат ручного труда своего создателя. Творец скручивает жилы сердца тигра, раскаляет его мозг в печи, выковывает его молотом на наковальне, ворочает его цепями, захватывает его ужасы (то

есть ужасы мозга) клещами. Это описание напоминает "сборку" гомункулуса в повести "Франкенштейн" Мэри Шелли. Франкенштейну пришлось сделать своего искусственного человека великаном, так как у него не хватило ловкости рук для того, чтобы смастерить части человеческого тела естественной величины. Оба описания, созданные независимо друг от друга, отражают существенные черты мировоззрения своего времени - клеточное строение всего живого еще не было открыто и считалось, что различные части тела и органы живых существ представляют собой конструкции из особых материалов.

Важной составляющей характеристики тигра является также та смесь ужаса и восхищения, с которой лирический герой стихотворения говорит о процессе сотворения тигра, физической и духовной мощи творца и, следовательно, самого тигра.

В пятом четверостишии изображено отчаяние Вселенной, увидевшей тигра (звезды бросают свои копья и орошают небо слезами). Это отчаяние противопоставлено улыбке творца, довольного делом своих рук. Последняя строка четверостишия отождествляет творца тигра и творца агнца - этих олицетворений жестокости и беззащитной доброты.

Шестое и последнее четверостишие почти полностью совпадает с первым; но в первом четверостишии модальный глагол could подчеркивает физическое могущество творца тигра, а глагол dare в последнем четверостишии подчеркивает его мужество и духовную стойкость.

В заключение анализа текста оригинала следует выделить наиболее существенные черты его образного строя. В стихотворении присутствуют два главных образа: образ тигра и образ его творца. Оба образа создаются через описание действий творца в процессе сотворения тигра, реакции вселенной на его появление, отношение к нему творца мира и лирического героя стихотворения. Действия творца напоминает труд средневекового ремесленника. Все необходимые материалы, включая огонь глаз тигра, он берет из окружающего мира и подвергает их механической обработке: скручивает, выковывает, обжигает. Таким образом, ни одно из качеств тигра не исходит из самого творца - все они собраны из окружающего мира. Образ творца-мастера - характерная особенность данного стихотворения.

Переходя к анализу переводов "Тигра", представляется целесообразным выделить те черты исходного текста, которые в равной степени присутствуют во всех трех переводах. Это метрика (все три перевода написаны четырехстопным хореем и разделены на четверостишия со смежной рифмой, введение альтернанса женских и мужских рифм в переводах Топорова и Маршака - дань правилам хорошего тона в русской поэзии), синтаксис (тексты переводов представляют собой цепочки риторических вопросов) и распределение по строфам вводной части стихотворения и описания процесса создания тигра. В распределении по строфам других смысловых частей стихотворения и построении его основных образов между текстами оригинала и переводов имеются большие или меньшие расхождения. Они будут рассмотрены в соответствующих местах анализа конкретных переводов.

Первый перевод выполнен В.Л.Топоровым. Распределение по строфам основных смысловых частей перевода совпадает с распределением соответствующих частей исходного текста, однако структуры основных образов и их заполнение в тексте перевода отличаются от аналогичных структур оригинала.

В вводной части перевода отсутствует указание на бессмертие создателя тигра, и изменено значение модальности риторического вопроса (в исходном тексте подчеркивается физическая способность, а в переводе - нравственная).

Наибольшие различия между оригиналом и переводом наблюдаются в описании процесса сотворения тигра. В оригинале в первой строфе описания сказано, где был найден огонь, вложенный затем в глаза тигра. В переводе же в этом месте происходит весь процесс создания тигра. Это место получает в переводе гораздо более конкретную религиозно-мифологическую характеристику, чем в оригинале (преисподняя или эдем вместо далеких морских бездн или небес). Кроме того, в переводе появляется деталь одежды творца - царская диадема, не имеющая соответствий в исходном тексте.

Во второй строфе описания создатель тигра не скручивает жилы сердца, а пускает его, качнув маятник, как часы. Таким образом, во-первых, он не творит сердце, как в оригинале, а только пускает его. Во-вторых, маятник характеризуется равномерностью колебаний, поэтому образ сердца-маятника вряд ли подходит для тигра, олице-

творения ярости и жестокости. Кроме того, в исходном тексте нет соответствия прилагательному "властный", которое характеризует руки творца.

Образность третьей строфы описания в основном соответствует образности оригинала. Однако риторический вопрос "Чьею злобой закипал?" (мозг тигра) предполагает, что это была злоба творца. В исходном же тексте творец держит клещами ужасы, наполняющие мозг тигра, эти ужасы как бы становятся материалом в руках творца.

В пятой строфе перевода опущена реакция вселенной на появление тигра, то есть строфа соответствует третьей и четвертой строкам пятой строфы оригинала. Последняя строфа перевода не полностью повторяет первую: ее последняя строка не имеет соответствий в первой строфе, и подхват реализуется менее эффективно, чем в оригинале.

Анализ образной системы перевода показывает, что оба центральных образа оригинала подверглись существенным изменениям. Процесс создания тигра не складывается в целостную картину, напоминающую картину труда средневекового ремесленника, и образ творца оказывается искаженным. Царская диадема, властные руки и преисподняя или эдем как место создания тигра плохо вяжутся с образом творца-мастера, который собственными руками скручивает жилы сердца тигра и выковывает его мозг. Блейковский творец-мастер получает в тексте перевода атрибуты деспота и теряет почти все, что говорит о физической силе и ловкости. Тем самым создатель лишается существенных характеристик творца и становится скорее владыкой мира, чем творцом, что противоречит замыслу автора.

Образ тигра также претерпевает изменения, хотя и меньшие, чем образ творца. Скручивание жил сердца в исходном тексте говорит о физической силе тигра, мощи его сердца. "Сердца маятник ужасный" в тексте перевода подобных коннотаций не несет (кроме того, маятник - это груз, качающийся на нитке, уподобление сердца маятнику звучит довольно странно). Отсутствие в тексте перевода реакции вселенной на появление тигра лишает его образ существенной характеристики - его роли в мифическом мире Блейка.

Различия между оригиналом и переводом, о которых говорилось выше, вызваны нарушением принципов построения образности и струк-

туры отдельных образов оригинала. Непоследовательность в описании сотворения тигра как процесса ручного труда приводит к существенным изменениям и образа творца, и образа тигра, и мировоззренческой характеристики автора стихотворения. В результате перечисленных выше расхождений текст перевода, несмотря на внешнее сходство с оригиналом, далеко отходит от оригинала по смыслу. Мировоззрение автора оказывается оторванным от исторической эпохи, в которой жил автор.

Следующий перевод, который рассматривается в данной работе, принадлежит перу К.Бальмонта. В тексте перевода К.Бальмонта отсутствует повтор первой строфы. Поскольку пятая строфа оригинала в переводе распадается на два четверостишия, которые соответствуют двустишиям пятой строфы оригинала, финал стихотворения приобретает несколько упрощенный смысл: главным фактом, центральной мыслью стихотворения становится не тигр и его роль в мифической вселенной Блейка, а то, что создатель с одинаковым удовольствием творит и ягненка, и тигра, то есть и добро, и зло.

Принципы построения образности вводной части описания сотворения тигра в основном соответствуют исходному тексту. Однако и здесь картина физического труда создателя выдерживается не до конца: тигр создается взором творца, а молот и цепи скрепляют мечты, в то время как строгое следование принципам построения образности текста оригинала требует, чтобы тигр создавался руками творца, а молот и цепи участвовали в создании какой-либо части тела тигра.

Логическая небрежность при построении центральной части стихотворения - описания процесса создания тигра, значительные различия структур текстов оригинала и перевода, устаревший в стилистическом отношении язык текста перевода также снижают ценность перевода Бальмонта для современного читателя.

Последний перевод, который рассматривается в этой работе, - перевод С.Маршака. Построение первых четырех строф перевода почти полностью совпадает с построением соответствующих строф оригинала. Только в первой строфе отсутствует указание на физическую способность творца создать тигра и опущена сема страха в характеристике образа тигра. Последнее приводит к изменению отношения лирического героя стихотворения к образу тигра.

Пятая строфа исходного текста распадается в переводе на две:

пятое четверостишие перевода соответствует первым трем строкам пятого четверостишия оригинала, а шестое четверостишие перевода последней строке того же четверостишия. Такое отступление от эквилинеарности перевода и оригинала хотя и не противостоит общим принципам построения основных образов стихотворения, но, во первых, нарушает равновесие между смысловыми частями текста: заключительная часть описания сотворения тигра, в которой даны реакция вселенной на создание тигра и отношение творца к результату своего труда и которая отождествляет создателя тигра и создателя агнца, становится сопоставимой по продолжительности с описанием сотворения тигра. Это ослабляет ударную силу конца стихотворения. Во-вторых, использование синекдохи в шестой строфе перевода сближает эту строфу со строфами описания процесса сотворения тигра, что размывает границы между смысловыми частями текста и также уменьшает ударную силу финала стихотворения. Заключительное четверостишие перевода реализует подхват менее эффективно, чем аналогичное четверостишие оригинала, так как совпадают только первые две строки этих четверостиший, что ослабляет связь между первой и последней строфами перевода. Кроме того, модификация риторического вопроса в последней строфе (кем задуман - чьей рукой создан образ тигра) не несет, в отличие от оригинала, никакой дополнительной информации о творце тигра.

В целом структура основных образов и ее заполнение в тексте перевода очень близки к аналогичным характеристикам исходного текста. Однако и образ творца, и образ тигра в тексте перевода частично как бы теряют свою мощь, так как в первой и последней строфах опущена эмфаза физической и духовной способности творца создать тигра, а в характеристике тигра отсутствует страх, который вызывает у лирического героя стихотворения этот символ разрушения и жестокости.

На основании выполненного анализа образного строя стихотворения "Тигр" Уильяма Блейка и трех его переводов на русский язык можно сделать следующие выводы:

а) в каждом из трех переводов данного стихотворения изменения структур образов, вызванные опущением или существенным качественным изменением их семантических составляющих (что неизбежно

приводит к изменению характера связей этих составляющих с другими) влекут за собой изменение смысла всего текста.

б) сохранение в тексте перевода образного строя оригинала при существенном изменении структуры его межфразовых связей или соотношения его основных частей приводят либо к изменению смысла текста, либо к изменению воздействия текста перевода на читателя.

Из сказанного выше следует, что анализ структуры образов и ее заполнения может служить критерием выбора замен, а в сочетании с анализом структуры текста - и критерием оценки качества перевода.

WILLIAM BLAKE	УИЛЬЯМ БЛЕЙК
THE TYGER	ТИГР
Tyger! Tyger! burning bright In the forests of the night, What immortal hand or eye Could frame thy fearful symmetry?	Тигр, о тигр! кровавый сполох, Быстрый блеск в полночных долах, Устрашительная стать, Кто посмел тебя создать?
In what distant deeps or skies Burnt the fire of thine eyes? On what wings dare he aspire? What the hand dare seize the fire?	В преисподней иль в эдеме Некто в царской диадеме Огонь в очах твоих зажег? Как он вытерпел ожог?
And what shoulder, and what art, Could twist the sinews of thy heart? And when thy heart began to beat, What dread hand? And what dread feet?	Кто качнул рукою властной Сердца маятник ужасный И, услышав грозный стук, Не убрал смятенных рук?
What the hammer? What the chain? In what furnace was thy brain? What the anvil? What dread grasp Dare its deadly terrors clasp?	Кто хребет крепил и прочил? В кузне кто тебя ворочал? В чьих клещах твой мозг пылал? Чьею злобой закипал?
What the stars threw down their spears, And water'd heaven with their tears, Did he smile his work to see? Did he who made the Lamb make thee?	А когда ты в ночь умчался, Неужели улыбался Твой создатель - возлюбя И ягненка, и - тебя?
Tyger! Tyger! burning bright In the forests of the night, What immortal hand or eye, Dare frame thy fearful symmetry?	Тигр, о тигр! кровавый сполох, Быстрый блеск в полночных долах, Устрашительная стать, - Кто велел тебе восстать?

(Перевод В.Л.Топорова)

УИЛЬЯМ БЛЕЙК

ТИГР

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор любя,
Создал страшного тебя?

В небесах иль средь зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?

Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован - такой?

Чей был молот, цепи чьи,
Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх?

В тот великий час, когда
Воззвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, -

Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?

(Перевод К.Бальмонта)

УИЛЬЯМ БЛЕЙК

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы?
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий звук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной,
Улыбнулся ль, наконец,
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Чьей бессмертною рукой
Создан грозный образ твой?

(Перевод С.Маршака)

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Л.С.Бархударов. Язык и перевод. - М.: Международные отношения, 1975. - 240 с.

2. И.Р.Гальперин. Стилистика английского языка. - М.: Высшая школа, 1981. - 334 с.

3. Н.А.Турмачева. О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве : Автореф. ...канд.филол.наук /МГПИИЯ им. М.Тореза. - М., 1973. - 24 с.

Цитируемая литература

У.Блейк. Избранные стихи /Сост.А.М.Зверев.- М.:Прогресс,1982.

В.В.Гусев

СЕМАНТИКА КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

В последнее время особенный интерес проявляется к проблеме анализа семантической структуры оригинала в процессе перевода. Объясняется это, по-видимому, тем, что одной из особенностей перевода, отличающей его от других видов речевой деятельности, является необходимость полного понимания содержания текста переводчиком.

Что же представляет собой структура текста, и какие ее компоненты могут стать объектом переводческого анализа?

В концепции М.М.Бахтина выделяются два момента, определяющие текст: замысел (интенция) и осуществление этого замысла [1.С.298] "Речевой замысел", или "речевая воля говорящего" - универсальный компонент, присутствующий "в каждом высказывании - от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы" ..[2.С.270]. Речевой замысел определяется как "субъективный момент высказывания", который "определяет целое высказывание, его объем и его границы" и реализуется прежде всего при "выборе определенного речевого жанра" [2. С.270].

Как многоуровневую иерархию предикатов, составляющих единое целое, рассматривает текст Н.И.Жинкин. В тексте реализуется намерение "высказать одну основную мысль", которая заложена в каждом "относительно законченном и последовательном тексте" [3. С.250].

Рассматривая текст как "содержательно-смысловую целостность", Т.М.Дридзе выделяет, в частности, макроструктуру текста, представленную иерархией смысловых блоков - предикаций, передающих основную идею сообщения и его общее содержание. Важнейшее свойство текста - информативность, оценкой которой служит "мера адекватности интерпретации реципиентом замысла, цели, основной идеи сообщения,

коммуникативного намерения его автора" [4. С.85-87].

И.А.Зимняя выделяет шесть уровней текста: I) мотивационный и уровень коммуникативного намерения, 2) предметно-денотативный, 3) смысловой, 4) языковой план, 5) речевой план, 6) фонационный план [5. С.I46].

Во всех приведенных выше подходах в разной терминологии выделяется намерение коммуниканта как важнейший компонент структуры текста, как "то, ради чего (мотив) и с каким воздействием на партнера общения строится текст" [5. С.I46].

Пытаясь найти место коммуникативного намерения (далее КН) в общей схеме речепорождения, можно предположить, что КН "сплавляясь", по выражению И.А.Зимней, с мотивом, соединяет его с замыслом. Связь этих понятий можно аргументировать с точки зрения концепции адресованности речи М.М.Бахтина, согласно которой высказывание имеет адресата, который может влиять на него [2. С.290-29I]. Влияние адресата осуществляется с помощью КН, которое как бы "поворачивает" замысел к адресату, приспосабливает его к нему. В целом КН можно представить как способ выражения адресованности высказывания.

Прежде чем остановиться на проблеме интерпретации коммуникативного намерения в процессе перевода, необходимо рассмотреть его природу и некоторые характеристики.

Подтверждение тому, что за смысловым планом, представленным мыслью, есть еще один план, служит идея Л.С.Выготского о том, что "за мыслью стоит аффективная и волевая тенденция" [6.С.357]. Воплощением этой тенденции и является КН, которое играет смыслоорганизующую роль [7. С.73].

Коммуникативное намерение, "сплавляясь" с мотивом, составляет мотивационно-побуждающий уровень высказывания - "область сплетения интеллектуального, эмоционального и волевого" [7.С.7I]. КН имеет внутреннюю форму выражения, определяемую мотивом и соотносимую с эмоциональными состояниями субъекта. Ее можно сравнить с "внутренним психологическим контекстом", внутри которого, по словам Л.С.Выготского, "только и может быть понят смысл данного слова", и который может заключаться в "самом презрительном отрицании, другой раз - в сомнении, третий - в негодовании и т.д." [6.С.339]. Форму КН не следует смешивать с формами коммуникации,

которые определяются как а) выдача информации и б) побуждение к выполнению действия [7. С.72] .

В разной форме коммуникации всегда реализуется неизменное содержание КН – воздействие на партнера общения с целью побудить его к деятельности или отказу от определенного вида деятельности. Такое воздействие может принимать форму прямого или косвенного побуждения. Последняя влияет на мотивационную и интеллектуальные сферы партнера общения (читателя).

Содержание КН имеет значение, показывающее, с какой именно целью оказывается воздействие, что позволяет включить КН в семантическую структуру речевого сообщения.

Одним из важнейших свойств КН является его направленность. Как уже упоминалось, конститутивным признаком высказывания является его обращенность, или адресованность, заключающаяся в том, что высказывание имеет не только автора, но и адресата [2. С.290-291] . Этот признак можно перенести и на КН, исходя из следующих соображений. Во-первых, автор примерно или точно знает адресата и может с разной степенью достоверности предвосхищать его параметры и реакцию на воздействие уже на стадии появления КН. Во-вторых, КН – это "то, ради чего... и с каким воздействием на партнера общения строится текст" (см.выше). Интенсивность и качество воздействия, определяемого содержанием КН, должно соотноситься с особенностями объекта воздействия, его интеллектуальными и эмоционально-волевыми характеристиками. КН зависит от того, как оценивается адресат, его возможная реакция, его включенность в контекст общения. Направленность определяет границу между текстом и контекстом, то есть степень экспликации КН.

На основе совпадения или различия коммуникативных характеристик можно выделить интерпретацию эксплицитного или имплицитного КН. В случае эксплицитного выражения интерпретация КН однозначна, и перевод трудностей не вызывает:

- Я хочу, чтобы ты ушел . Сейчас же.
- I want you to leave. Right now.

Этот сравнительно простой случай характеризуется совпадением содержания КН (побуждение), формы коммуникации (побуждение собеседника к выполнению действия) и коммуникативного типа высказывания (побуждение) [8. С.58] .

Что же касается имплицированного КН, то объяснить это явление можно с позиций теории речевой деятельности, трактуя речь как способ формирования и формулирования мысли посредством языка [7. С.27] .

Рассмотрим следующий пример. В гипотетической ситуации перевода один из коммуникантов, стоя перед неработающим лифтом, говорит другому извиняющимся голосом:

- Вы уж извините... Сегодня воскресенье.

КН, содержание которого в данном случае определяется как побуждение подняться пешком, характеризуется направленностью, формирующейся под влиянием осознаваемых социального статута, особенностей личности, а также интерпретационных характеристик адресата, которые, в частности, включают способность к контекстуальной и ситуативной восполнимости.

При модификации условий общения меняются и некоторые параметры КН: направленность, форма, что вызывает изменение способа формирования и формулирования мысли посредством языка: "Отключили лифт. Помните, как в прошлый раз?", "Ну, что? Пешком пойдем?", "Вы знаете, боюсь, придется нам с вами пешком пойти. У нас в учреждении лифт по воскресеньям отключают" и т.д. Необходимо подчеркнуть, что изменение некоторых характеристик не означает изменения основного содержания КН. В приведенных выше коммуникативно-разных типах высказываний под партнера общения "подстраивается" в целом одно и то же КН, причем такая подстройка осуществляется с помощью изменения способа формирования и формулирования мысли посредством языка (грамматические, лексические средства и интонация), который всегда должен быть релевантен выражаемому КН.

Интерпретируя сообщение, переводчик должен помнить, что некоторые параметры КН, реализуемого в ситуации опосредованного общения могут отличаться от характеристик КН в одноязычной коммуникации. Так, в двустороннем переводе может иметь место "двойная" направленность, когда КН партнеров направлены не только друг на друга, но и на переводчика. Так происходит, например, когда два специалиста эксплицируют свои КН для переводчика, не обладающего в достаточной мере необходимыми фоновыми знаниями.

КН партнера общения интерпретируется переводчиком, а затем вновь реализуется в тексте перевода. Не останавливаясь

подробно на репродуцирующей деятельности переводчика, следует тем не менее отметить, что интерпретируемый замысел коммуниканта не всегда адекватно реализуется в переводе 9.С.47 . Сложность анализа переводческих ошибок заключается, в частности, в том, что обой может быть как результатом неправильной интерпретации, так и неумением переводчика адекватно выразить замысел коммуниканта.

В качестве наиболее общей характеристики интерпретации КН можно выделить ее направление.

Для раскрытия понятия направление интерпретации целесообразно выделить два вида КН: коммуникативное намерение автора текста (далее $КН_{ат}$) и коммуникативное намерение предложения (далее $КН_{п}$).

$КН_{ат}$ является высшим уровнем семантической структуры текста, определяющим его содержательность и коммуникативную значимость. $КН_{ат}$ имеет самостоятельное содержание - воздействие на читателя посредством информации, заключенной в тексте, экспрессивных средств и др. Таким образом, $КН_{ат}$ реализуется в первом типе коммуникации (см. выше).

Средством выражения $КН_{ат}$ является $КН_{п}$, которое занимает подчиненное место в семантической структуре текста. Его содержание - воздействие на читателя посредством информации, заключенной в предложении - может прямо и не совпадать с содержанием $КН_{ат}$ (что будет показано ниже). $КН_{ат}$ нельзя понимать как простую сумму составляющих его $КН_{п-й}$. Даже после интерпретации всех $КН_{п}$ $КН_{ат}$ может быть не понято интерпретатором. С другой стороны, в случаях избыточной экспликации успешная интерпретация $КН_{ат}$ возможна на основе понимания части $КН_{п-й}$. Интерпретируя $КН_{ат}$, переводчик воспринимает не только $КН_{п-й}$, но и личность автора, выражающуюся в тексте - его взгляды, мотивы, установки и т.д. Объективные знания переводчика об авторе, не содержащиеся в тексте, также помогают интерпретировать $КН_{ат}$.

Структура семантического содержания текста определяет направление интерпретации, которое можно условно представить в виде следующих формул: а) "$КН_{п} \rightarrow КН_{ат}$" б) "$КН_{ат} \rightarrow КН_{п}$". Первая формула определяет направление интерпретации КН первых предложений текста, или прямой интерпретации. Понимая, о чем говорится в тексте, переводчик строит гипотезу о том, какое воздействие на

читателя хочет оказать автор, то есть переходит от смысла к $КН_п$. По мере понимания КН первых предложений строится гипотеза о $КН_{ат}$, которая затем подтверждается, корректируется или отбрасывается.

Обратная интерпретация КН отличает работу переводчика на уровне последующих предложений. Понимание КН предложений в этом случае достигается на основе понимания $КН_{ат}$. Строго говоря, речь идет о достаточно достоверной гипотезе, так как теоретически окончательная интерпретация $КН_{ат}$, видимо, не может быть проведена до того, как понято последнее предложение текста. Однако на практике $КН_{ат}$ достаточно уверенно интерпретируется переводчиком даже на ранней стадии работы с текстом, а требование постепенной интерпретации подразумевает чисто лингвистический анализ идеального текста. Работа же с реальным текстом, не всегда характеризующимся равномерностью распределения семантического содержания, представляет собой сложный процесс, который подразумевает изменение направления интерпретации и даже возвращение к исходной точке в случае отказа от гипотезы о $КН_{ат}$.

Ниже приведены сконструированные нами примеры интерпретации $КН_{ат}$ двух текстов с идентичным смысловым содержанием, но разной композицией.

А. <u>Наконец, отец приказал снести старые часы во флигель.</u> Они долго не давали мне покоя. В высоком дубовом футляре, с почерневшим от времени циферблатом они даже снились мне по ночам. Днем их мелкий стук слышался повсюду, проникая, как мне казалось, в каждый уголок нашего большого дома.

КН первого предложения, оказывающегося ключевым для понимания всего текста, позволяет выдвинуть достоверную гипотезу о $КН_{ат}$ и интерпретировать на этой основе КН последующих предложений. Причем если интерпретация первого предложения носит прямой характер, то последующие предложения интерпретируются по обратной схеме. Более сложный характер будет носить интерпретация текста Б:

Б. Долго не давали мне покоя старые часы. В высоком дубовом футляре, с почерневшим от времени циферблатом они даже снились мне по ночам. Днем их мелкий стук слышался повсюду, проникая, как мне казалось, в каждый уголок нашего большого дома. Наконец, <u>отец приказал снести их во флигель.</u>

Интерпретируя этот текст, переводчик работает с двумя гипо-

тезами, содержание которых определяется положительным или отрицательным ответом на вопрос: "Хочет ли автор сказать, что часы реально существуют и находятся в доме в описываемое время?" Назовем их положительной и отрицательной гипотезами. В таблице показана возможная динамика интерпретации $КН_{ат}$ в процессе устного перевода.

Таблица

Предъявляемый текст	Динамика смены гипотез
Долго не давали мне покоя старые часы.	Возникновение гипотез
В высоком дубовом футляре, с почерневшим от времени циферблатом они даже...	положительная
... снились мне по ночам.	отрицательная
Днем их мелкий стук слышался повсюду, проникая ...	положительная
... как мне казалось ...	отрицательная
в каждый уголок нашего большого дома.	положительная
Наконец, отец приказал снести их во флигель	Подтверждение положительной гипотезы

Большая динамика интерпретационного процесса вызвана в данном случае большой степенью импликации КН в начале и середине текста. Из таблицы видно, что отдельные операции по интерпретации $КН_{ат}$ не определяются рамками предложения. Это свидетельствует о том, что процесс выражения $КН_{ат}$ посредством КН составляющих текст предложений включает не только операции сложения, но и отрицания и даже более сложные преобразования, осуществляемые на уровне текста.

Специфика интерпретационной деятельности выдвигает особые требования к переводчику. В процессе интерпретации перед ним как бы предстает мотивационная сфера автора текста. В объект переводческой деятельности включаются взгляды, установки автора, которые переводчик учитывает и соотносит с текстом. Переводчик должен обладать постоянным "соответствием интерпретационных возможностей",

которые определяются как "умение актуализировать все, относящееся к данному предмету высказывания, соотнести известное и новое, выделить главное и найти оптимальную для данного КН и данной ситуации общения форму выражения мысли и своего отношения к высказыванию ..." [10 С.300].

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. М.М.Бахтин. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство 1986. - С.297 - 325.

2. М.М.Бахтин. Проблема речевых жанров / Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство 1986. - С.250-296.

3. Н.И.Жинкин. Развитие письменной речи учащихся III-VII классов // Известия АПН РСФСР, вып.78, 1956. - С.141-250.

4. Т.М.Дридзе. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. - М.: Наука, 1984. - 272 с.

5. И.А.Зимняя. Психология текста как продукта речевой деятельности. // Язык как коммуникативная деятельность человека. - М., 1987. - С.143-149 (Тр. / МГПИИЯ им.М.Тореза и ин-т языкознания АН СССР, вып.284).

6. Л.С.Выготский. Мышление и речь. //Собр.соч. в 6-ти т. Проблемы общей психологии / Под ред.В.В.Давыдова. - М.: Педагогика , 1982. - Т.2 - С. 5 -361.

7. И.А.Зимняя. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. - М.: Просвещение, 1985. - 160 с.

8. В.А.Артемов. Психология обучения иностранным языкам. - М.: Просвещение, 1969. - 279 с.

9. И.А.Зимняя. Психологический анализ перевода как вида речевой деятельности // Вопросы теории перевода. - М., [illegible] .- С.27-49. (Тр. / МГПИИЯ им.М.Тореза, вып.127).

10. И.А.Зимняя. Психология слушания и говорения: дис. ... доктора психол.наук / Ин-т психологии АН СССР. М., 1973. - 393 с.

М.Ю.Жемчужникова

СМЫСЛОВЫЕ СВЯЗИ В ТЕКСТЕ И ПЕРЕВОД

В связи со стремительным развитием лингвистики текста, наряду о общими проблемами связности текста, исследователей привлекают вопросы частного проявления внутритекстовых связей, конкретные способы выражения этих связей языковыми единицами. В большинстве работ эти вопросы рассматриваются на материале одного языка.

Изучение смысловых связей в тексте представляется важным и для теории перевода. В последние годы проблемы содержательной структуры текста и ее компонентов, куда входят и различные текстовые связи, все больше интересуют исследователей в этой области. Многие аспекты соотношения компонентов смысла и способов их языкового выражения в текстах исходного языка и языка перевода еще ждут своего разрешения [I].

Переводческие ошибки, встречающиеся в студенческих работах и даже в опубликованных профессиональных переводах, свидетельствуют о том, что неявно выраженные (не имеющие формальных показателей) связи в тексте оригинала оказываются иногда непонятными получателю, не являющемуся носителем данного языка, в силу отличий в его языковом знании, социальном опыте и принадлежности к другой культуре. Выявление подобных смысловых связей, хотя и представляет значительную трудность, имеет большое значение для правильной интерпретации иностранных текстов, а также для достижения адекватности при переводе.

Следует, впрочем, отметить, что смысловые связи в тексте важны и для правильного построения речи отправителем на родном языке, что не всегда, к сожалению, имеет место. Вот характерный пример неправильного выражения в тексте анафористической связи:

"Веселым гомоном наполнен зал Дома охраны природы. Здесь проходит выставка птиц - представителей нашей орнитофауны. Живые экспонаты резвятся, прыгают, поют. Есть даже такая сорока, которая умеет смеяться и говорить.

Она будет работать по 29 марта"(Вечерняя Москва,20.03,87,3).

Между соотнесенными анафористической связью существительным "выставка" и его формальным заместителем, местоимением третьего лица "она" появляется еще одно существительное женского рода - "сорока", которое воспринимается как элемент анафористической структуры в силу того, что в тексте непосредственно предшествует местоимению.

Проблема анафористических отношений так или иначе затрагивается в многочисленных лингвистических работах по вопросам связности текста. Независимо от подхода, а также некоторых расхождений в терминологии, лингвисты имеют в виду соотнесенность определенного элемента в тексте с каким-либо элементом в предшествующем отрезке того же текста. В последние годы исследователи вышли за рамки узкого понимания анафоры и рассматривают ее с точки зрения тех связей, которые формируют текст, создают его связность и семантическое единство (М.Халлидей, Р.Хейзан, Б.Палек, Е.В.Падучева, Е.В.Барабаш и др.). В некоторых работах был сделан шаг к рассмотрению дополнительных факторов, предопределяющих анафористические отношения в тексте - коммуникативно-прагматической установки отправителя и влияния контекста и фоновых знаний.

Если анафора характеризуется как указание на предшествующий контекст, то другой тип соотнесенности в тексте - катафора - напротив, указывает на то, что последует за данной текстовой единицей. Проблема катафоры, или прямонаправленной связи в тексте, появилась в работах современных лингвистов (Халлидей и Хейзан, Гальперин, Москальская) только в связи с развитием лингвистики текста. Для характеристики текста существенным является не только момент связи его конкретной единицы с предшествующим контекстом, но также и то, в какой мере та или иная единица текста может сигнализировать появление какой-то информации в последующем контексте.

Многие лингвисты отмечают также значение фоновой информации для восприятия смысла связного текста. В частности, И.Беллерт пишет: "Существует зависимость семантической интерпретации связного текста от знания о мире, которым располагает получатель текста, поскольку множество следствий мы получаем не только на основании правил языка и дедуктивных рассуждений, но и на основе суждений, относящихся к знанию о мире, которые необходимы как промежуточные звенья в интерпретации связных текстов" [2.С.206].

Очень интересной представляется мысль, высказанная В.Гутвинским в его монографии по некоторым вопросам связности литературных текстов [З.С.66-68] . Базируясь на идеях Халлидея и Хейзан, автор рассматривает анафористические и катафористические связи в английском языке. Вслед за традиционными терминами "анафора" и "катафора", В.Гутвинский предлагает еще ряд -"фористических отношений." В работе все эти типы связей показаны на схеме:

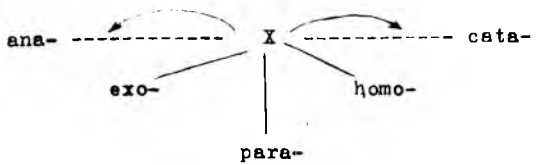

Схема демонстрирует отношение между разными типами связей. Так, анафора и катафора представляют отношения на горизонтальной оси, то есть в синтагматике текста. Другие отношения характеризуют внетекстовые связи - они представлены на схеме в виде линий, расположенных ниже этой горизонтальной черты:

Парафора - представляет собой такой тип связи, когда какая-то единица одного текста относится, отсылает к другой единице другого текста (так, какая-то единица в тексте пьесы В.Шекспира может отсылать к чему-то определенному в его другой пьесе).

Экзофора - это такой тип связи, когда единица текста отсылает к ситуации. Например, мы говорим "эта книга" и указываем жестом, какую книгу мы имеем в виду.

Омофора - это отнесенность к нашим общим знаниям. Основу этого типа соотнесенности составляет социальный опыт и культурный уровень отправителя и получателя.

Концепция Гутвинского представляет интерес с той точки зрения, что в ней предлагается рассматривать типы связей при исследовании какой-либо единицы текста в комплексе, а не отдельно взятыми. На наш взгляд, подобный подход применим и при сопоставлении текстов ИЯ и ПЯ (на исходном языке и языке перевода) при оценке правильности перевода с точки зрения содержательной структуры текста.

На приведенной выше схеме в качестве "X" обозначена единица

текста, вступающая в описанные типы отношений. Несмотря на упоминание в многочисленных работах того факта, что элементы анафористической и катафористической структур могут быть выражены единицей более высокого уровня чем слово, вплоть до всего текста, в современной лингвистике нет единого мнения о том, что считать такой единицей текста. Рассмотрение же различных типов смысловых связей требует четкого выделения единиц исследования. Многими лингвистами неоднократно ставился вопрос о выделении единицы текста, большей чем предложение, Точнее, как нам представляется, следовало бы говорить о единице, иной чем предложение.

В качестве такой единицы может служить смысловая единица текста, называемая "высказыванием", понятие которой, ее структура и критерии ее выделения в тексте разработаны Л.А.Черняховской (метод смыслового анализа текста) [4]. Высказывание как коммуникативная единица, объединяющая в себе грамматический, смысловой и прагматический признаки, рассматривается как основная структурная единица текста, которая, будучи выделенной из целого текста как его часть, не теряет его основных свойств - осмысленности и коммуникативности. То есть высказывание - это коммуникативная единица текста, содержащая набор информации, создающий относительно законченную мысль, и имеющая определенную формально-смысловую структуру, позволяющую однозначно передавать и воспринимать эту мысль.

При этом, подчеркивает Л.А.Черняховская, единой синтаксической формы для высказывания не существует, критерии ее выделения - сугубо смысловые. Тем более синтаксическое оформление высказывания не является предметом обсуждения при переводе - переводятся смысловые единицы, а способы их выражения, различные даже в пределах одного языка, могут вовсе не совпадать в ИЯ и ПЯ.

Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода дает возможность отметить, что одни и те же типы логических связей между высказываниями могут быть переданы разными способами в текстах ИЯ и ПЯ, на что уже обращали внимание в своих работах некоторые лингвисты. Так, Ю.Найда, одним из первых наметивший связь между лингвистикой текста и теорией перевода, указывал на необходимость учитывать логические текстовые связи среди других категорий текста, или так называемых "универсалий", так как

языки используют для их выражения не одинаковые средства [5.С. 131-132]. По мнению Л.Г.Нечаева, логические связи обладают наибольшей вариативностью при переводе в связи с тем, что сами логические связи не имеют в языке четко ограниченного, строго фиксированного набора стандартных словосочетаний или грамматических конструкций и способы их выражения могут быть весьма разнообразны [6.С.61-62].

Но независимо от способов языковой реализации, комплекс логико-смысловых связей между высказываниями текста оригинала должен быть передан при переводе. Проиллюстрируем сказанное на примере сопоставления оригинала и перевода рассказа С.Моэма "Джейн" (перевод Н.Галь).

Mrs.Fowler's grey hair was very plainly done, showing all her forehead and her ears, with a parting in the middle. It had evidently never known the tongs of Monsieur Marcel (W.S.Maugham, 321).

В данном отрывке присутствуют два типа связи из выделенных в работе В.Гутвинского - анафора и омофора. Следует попутно заметить, что в настоящей статье исключается из рассмотрения тип связи, названный выше экзофорой, так как очевидно, что она предполагает наличие экстралингвистической ситуации общения и применима скорее к условиям устного перевода.

В приведенном примере представлен самый распространенный и наиболее исследованный тип анафористической связи - местоименная анафора. Анафористическая замена существительного на местоимение третьего лица является средством отождествления объекта действительности при повторной номинации в тексте. Этот пример показывает также, что способы выражения текстовых связей могут быть различными на ИЯ и ПЯ и когда они имеют формальные показатели в тексте - при переводе местоимения анафора заменяется на тип анафористических отношений, где оба элемента выражены одним и тем же существительным:

"Седеющие волосы миссис Фаулер разделены посередине пробором, прическа самая простая, оставляющая лоб и уши открытыми. Волосам этим явно неведомы щипцы какого-нибудь мсье Марселя". (С.Моэм, 426).

Однако в переводе внетекстовая связь - омофора - не реали-

зуется в связи с отсутствием у советского читателя соответствующих фоновых знаний. Это было учтено в сборнике рассказов С.Моэма, который выпущен в издательстве "Прогресс" и снабжен комментарием: Monsieur Marcel- Marcel Grateau (1852-1936), a celebrated French hairdresser (W.S.Maugham, 402).

Видимо, переводчику следовало в этом случае прибегнуть к прагматической адаптации, то есть "внесению определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателем оригинального и переводного текста" [7.С.242].

Кроме того, в переводе сочетание "мсье Марсель" с определением "какой-нибудь" получает несколько пренебрежительную окраску и вводит читателя в заблуждение: создается впечатление, что героиня рассказа не обращалась в своей жизни ни к какому парикмахеру вообще. Это вряд ли соответствует действительности, ведь Джейн Фаулер богата, другое дело, что она провинциалка и не слишком следит за своей внешностью, поэтому могла не обращаться к таким модным и знаменитым мастерам, как упомянутый в рассказе мсье Марсель.

Логическая связь между высказываниями данного отрывка строится по принципу: ряд фактов - оценочный вывод. Нарушение комплекса смысловых связей в переводе приводит к неверной оценке образа героини рассказа.

В следующем примере комплекс логических связей сложнее:

I had lately returned to London from China and was drinking a dish of tea with Mrs.Tower ...

After roughing it here and there it was agreeable to sit in a comfortable chair, the fire burning brightly on the hearth, charming tea-things set out on a charming table, and talk with this amusing, attractive woman. [She treated me as a prodigal returned from his husks and was disposed to make much of me.] She prided herself on her dinner-parties; she took no less trouble to have her guests suitably assorted than to give them excellent food ... Now she fixed a date and asked me whom I would like to meet (W.S.Maugham, 317-318).

Смысл выделенного скобками высказывания раскрывается не только в его взаимосвязи с контекстом, но и при взаимодействии с фоновыми знаниями получателя. Здесь представлены четыре из

пяти выделенных В.Гутвинским типов связи: анафора, катафора, омофора и парафора.

В приведенном примере связь с предшествующим контекстом может быть отнесена к ассоциативной анафоре. Этот тип анафористических отношений выделен в работе Е.В.Барабаш [8], которая отмечает, что логико-психологической основой ассоциативной анафоры является способность человеческого мышления к созданию различных ассоциативных связей. При этом соотнесенные такой анафористической связью высказывания могут быть значительно отдалены друг от друга в тексте. Так, первая фраза приведенного отрывка появляется за полторы страницы до следующей: мы узнаем, что герой рассказа приглашен на чашку чая. Далее упоминается " прелестный столик с прелестным чайным сервизом", то есть ассоциация строится по схеме "общее - единичное".

Катафористическая связь с последующим контекстом построена также на ассоциации, но менее явно: от конкретного чаепития - к сообщению о том, что миссис Тауэр вообще гордилась своими званными обедами и гостей ... подбирала с не меньшим тщанием, чем превосходное меню .

Анализируемое высказывание является библейской аллюзией. Примечательно, что в данном случае С.Моэм употребляет развернутую цитату, хотя и несколько переиначенную, а не просто сравнивает героя с блудным сыном. Интересно, что подобная видоизмененная цитата из Библии встречается и у других авторов, причем в подобном же контексте: I explained who I was and, as I talked, she looked me over. I must have seemed satisfactory, for there and then she adopted me as a long-lost member of the family, a kind of Prodigal Son just back from his husks. "I'll go make you a sandwich and a nice cup of coffee," she insisted ... (A.Huxley, 12)

Внутритекстовые связи с предшествующим и последующим контекстом сигнализируют о том, что данная аллюзия является звеном единой ассоциативной цепочки в тексте произведения, которая становится ясной, если обратиться к первоисточнику. В комментарии к оригиналу говорится: "a reference to the biblical parable of the

prodigal son (Luke , ch.15, 11-32), the youth who after dissipating his fortune and after suffering many hardships and privations returned repentant to his father's home. The allusion here is to these words from the parable: And he would fain have filled his belly with the husks that the swine did eat: and no man gave into him " (W.S.Maugham, 402)

То есть в Библии сказано, что на долю блудного сына выпало много тяжких испытаний. Но после возвращения домой он не только был прощен отцом, но и щедро накормлен, окружен вниманием. Отсюда понятно, почему у героя рассказа С.Моэма стремление миссис Тауэр окружить его вниманием вызвало подобную ассоциацию.

Однако в переводе ассоциативная цепочка не возникает: "Она обращалась со мной как с блудным сыном, вернувшимся после многих похождений, и намерена была окружить меня вниманием " (С.Моэм, 423). Здесь упоминаются лишь "похождения" героя - которые могут быть и приятными и интересными - и заботы хозяйки оказываются непонятными.

С одной стороны, объясним отказ от дословного перевода библейской цитаты: "И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но которые никто не давал ему". Вероятнее всего, у современного советского читателя "рожки" вызвали бы единственную ассоциацию - с макаронными изделиями.

С другой стороны, представленной в тексте перевода информации явно недостаточно, чтобы возникла необходимая связь с фоновыми знаниями, так как советский читатель плохо знаком с библейскими текстами и реалиями, и нарушение комплекса смысловых связей приводит фактически к искажению авторского замысла.

Избежать этого возможно было прибегнув к переводческой адаптации, как сделал переводчик в следующем случае:

It was an immense party - I think [we were four-and-twenty like the blackbirds in the pie] - and, arriving somewhat late, I was too confused by the crowd in which I found myself to notice who was there. (W.S.Maugham, 334)

В приведенном примере также, как и в предыдущем, присутствуют четыре из пяти типов связей, отмеченных в работе В.Гутвинского.

Анафоро-катафористическая связь строится на основе ассоциа-

ции: "an immense party" - "the crowd". Выделенное скобками высказывание выражает оценку фактической информации, содержащейся в окружающем контексте, при этом автор использует образное сравнение. Сохранив образ при переводе, переводчик, однако, прибегает к экспликации внетекстовой связи, используя прием прагматической адаптации с учетом нового получателя:

"Прием был многолюдный, наверно добрых две дюжины гостей, точно дроздов в пироге в известной детской песенке, а я немного запоздал и, попав в такую толпу, не вдруг разобрался, кто здесь есть." (С.Моэм, 434).

Приведенные примеры иллюстрируют тот факт, что все типы смысловых связей высказывания находятся во взаимозависимости, и их необходимо рассматривать в комплексе. Эти связи выводятся на основании содержания контекста, мыслительных логических способностей человека, фоновых знаний получателя, а также коммуникативно-прагматической установки отправителя.

Согласно упомянутой выше концепции Л.А.Черняховской, смысл текста определяется как "психическое отображение сегмента реальности, продуцируемое в сознании индивида в результате взаимодействия языковой и когнитивной информации, или заложенный в текст отправителем комплекс информации, который во всей полноте реализуется в сознании получателя при взаимодействии текста со знанием получателя о мире" [4.С.16,25] . Исходя из этого определения, можно утверждать, что нарушение смысловых связей высказывания как основной структурной единицы текста приводит к тому, что смысл воспринимаемого получателем перевода текста, при "взаимодействии упорядоченной совокупности языковых знаков с знанием получателя", не продуцирует в его сознании психическое отображение экстралингвистической ситуации, аналогичное тому, которое было психическим отображением отправителя.

При этом Л.А.Черняховская отмечает обязательный для отправителя учет фонового знания получателя и привлечение в процессе коммуникации такой информации, которая обеспечила бы у получателя необходимый и достаточный для соответствующего восприятия уровень фонового знания [9.С.55] . Это,очевидно, в равной мере обязательно и для переводчика, который является посредником межъязыковой коммуникации и выступает сначала как получатель текста

на исходном языке. а затем как отправитель текста на языке перевода [10.С.30] .

Выявление способов выражения смысловых связей высказывания и их сопоставительный анализ могут иметь большое практическое значение для владения и овладения языком, для правильной интерпретации оригинальных иностранных текстов, а также при обучении переводу и реферированию.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Смысл текста как объект перевода / Ред.Л.А.Черняховская - М., 1986.- 144 с.(Тр./МГПИИЯ им.М.Тореза; вып.278)

2. И.Беллерт. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике, 1978, вып.8.- С.172-207.

3. W.Gutwinski. Cohesion in literary texts.- The Hague - Paris: Mouton, 1976.- 183 p.

4. Л.А.Черняховская. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: Дис... докт.филол.наук. /МГПИИЯ им.М.Тореза.- М., 1983 - 403 с.

5. А.Д.Швейцер. Текст и перевод // Язык как коммуникативная деятельность человека. - М., 1987 - С.122-128 (Тр./МГПИИЯ и ИЯ АН СССР, вып.284).

6. Л.Г.Нечаев. Установление тождества оригинала и перевода как динамический процесс // Смысл текста как объект перевода - М., 1986.- С.55-66(Тр./МГПИИЯ им.М.Тореза, вып.278).

7. А.Д.Швейцер. Перевод и лингвистика. - М.: Воениздат, 1973.- 280 с.Л.Г.

8. Е.В.Барабаш. Анафорическое и катафорическое употребление определенного артикля: Дис...канд.филол.наук /МГПИИЯ им.М.Тореза. - М., 1981 - 187 с.

9. Л.А.Черняховская. Смысл текста и переводческий процесс // Прагматика языка и перевода.- М., 1982 - С.51-62 (Тр./МГПИИЯ им. М.Тореза, вып.193)

10. В.Н.Комиссаров. Лингвистика перевода. - М.: Международные отношения, 1980.- 168 с.

Цитируемая литература

С.Моэм. Избранные произведения. - М.: Радуга, 1985. - Т.2

W.S.Maugham. Rain and other short stories. - M.: Progress Publishers, 1977.

A.Huxley. The Genius and the Goddess. - London: Ttiad Graston Books, 1955.

В.Г.Кузнецов

ПОЯСНИТЕЛЬНО-КОНКРЕТИЗИРУЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕКСТЕ И ИХ ПЕРЕДАЧА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Интерес к изучению пояснительно-конкретизирующих связей в рамках предложения возник в советском языкознании примерно 30 лет назад. В настоящее время является актуальным изучение отношений той же природы на уровне текста с учетом его коммуникативных и прагматических особенностей. Большой интерес для теории и практики перевода представляет сопоставительный аспект внутритекстовых отношений.

Пояснительно-конкретизирующие отношения в тексте отражают связи между предметами и явлениями объективной действительности, которые в наиболее общем и отвлеченном виде выступают как сосуществование. Преимущественная сфера употребления этих отношений - композиционно-речевые формы описание и рассуждение.

Пояснительно-конкретизирующие отношения характеризуются общностью денотативного содержания высказываний, связанных этим видом отношений. Общность денотативного содержания предполагает прежде всего соотнесенность с одной и той же ситуацией. Особенностью пояснительно-конкретизирующих отношений является их факультативный характер. Установление между двумя высказываниями подобных отношений обусловлено условиями коммуникации и прагматической установкой сообщения. Поясняемый и поясняющий компоненты (последний выступает в качестве организующего стержня) соотносятся как автосемантическое и синсемантическое высказывание и

образуют синтактико-смысловое единство. Формальным показателем этого единства служит наличие анафорических связей между двумя высказываниями, грамматического параллелизма глагольных сказуемых. Актуализируется, как правило, рематическая часть поясняемого высказывания.

В рамках пояснительно-конкретизирующих отношений выделяются собственно пояснительные и присоединительные отношения. В качестве межфразовых средств выражения пояснительных отношений в русском языке используются релятивы "то есть, или, а именно, вернее, как-то, будь-то", а также в большей мере характерные для книжной речи слова и словосочетания в функции уточнения: точнее, точнее говоря, иначе говоря, другими словами, так например, в том числе. Во французском языке в той же роли выступают: c'est à dire, ou, plutôt, plus précisement, plus exactement, principalement, y compris, par exemple, ainsi; cela signifie, ce qui veut dire que, autrement dit, en d'autres termes.

Виды и формы пояснительных отношений различаются в зависимости от функции повторного обозначения: конкретизация, детализация, толкование, мотивация, освещение факта под другим углом зрения.

Пояснение носит статический ретроспективный характер в том смысле, что представляет собой возврат субъекта речи к предшествующему тексту. Если в научных текстах такой возврат осуществляется чаще всего с целью уточнения номинативного содержания поясняемого высказывания, то в публицистических - для выражения коммуникативно-прагматических установок субъекта речи. Так, в следующем примере содержится оценка субъектом речи содержания поясняемого высказывания.

Dans ces conditions, il ne resterait pour le Parti communiste ... que 14 ou 15 sièges. C'est à dire à peine un peu plus, en proportion, que ce qu'il avait obtenu en 1977 du fait du mode de scrutin imposé par la droite et de l'absence d'Union (L'Humanité, 1982, 14 XI).

В данных условиях Коммунистическая партия будет располагать только I4 или I5 местами. В пропорциональном отношении это немного более, чем она располагала в I977 году из-за процедуры вы-

боров, навязанных правами, а также из-за отсутствия союза левых сил.

Как видно из перевода данного примера, пояснительные связи, несмотря на их кажущуюся простоту, не всегда передаются словарными эквивалентами пояснительных союзов. Поскольку в русском языке помещение пояснительного союза "то есть" в начало предложения является относительно новым явлением, встречающимся преимущественно в официально-деловых текстах, пояснительные отношения в тексте перевода переданы имплицитным образом.

В отличие от пояснительных отношений присоединительные гораздо более разнообразны и выражаются большим количеством релятивов: кроме того (этого), помимо того (этого), сверх того, впрочем, при том что, к тому же, да и, да еще, причем, притом, при всем том, вместе с тем, наряду с этим, более того, мало того, в довершение всего, вдобавок. Во французском языке для выражения присоединительных отношений используются следующие релятивы: en outre, encore, de plus, en plus, bien plus, au surplus, et qui plus est, il y a plus, par ailleurs, de surcroît, par surcroît, par dessus tout ..., par dessus le marché, du reste, au reste, d'autre part, d'un autre côté, avec cela, avec tout cela, ce faisant.

Обращает на себя внимание то, что во французском языке для выражения присоединительных отношений больше используется лексикализованных выражений (par dessus tout, par dessus le marché, il y a plus).

В отличие от пояснительных отношений, которым присуща функция уточнения различных сторон денотативного содержания поясняемого высказывания, присоединительным отношениям свойственны дополнение и расширение содержания поясняемого компонента. Нельзя не согласиться с М.В.Ляпон в том, что "в грамматических описаниях, даже если они строятся на функциональной основе, сфера присоединения не получает удовлетворительной интерпретации ..." [I.С.55]. Сказанное относится прежде всего к неразработанности структурно-семантической классификации присоединительных релятивов в русском и особенно во французском языке. Это затрудняет установление эквивалентных соответствий между присоединительными релятивами русского и французского языков.

Приводимые ниже эквивалентные соответствия присоединительных релятивов русского и французского языков составлены на основе данных параллельных и толковых словарей, грамматик, а также сопоставления переводов.

На употребление присоединительных релятивов накладывает определенное ограничение их функционально-стилистическая принадлежность. Книжная окраска присуща релятивам "сверх того, помимо того (этого), в довершение всего, вместе с тем, au surplus, de sucroît, par surcroît, ce faisant. "Разговорную окраску имеют релятивы" вдобавок, опять же, мало того, par dessus le marché."

Функционально-стилистическую принадлежность релятивов следует учитывать при переводе. В противном случае нарушается общая стилистическая тональность текста. Например:

... Во всей экономической жизни (Каморских островов) господствовал иностранный, преимущественно французский капитал.

К тому же в состав республики вошли не все острова архипелага: Франция сохранила за собой Майотту, на которой расположена внушительная военная база (Новое время, 29).

... Toute la vie était dominée par le capital étranger, avant tout français,

Par dessus le marché, la république fut tronquée d'une île: la France conserva Mayotte où se trouve une importante base militaire (Temps nouveaux, 29).

Учитывая книжный характер текста, здесь уместнее было бы употребить релятив de surcroît

Ниже приводится сопоставительная классификация основных релятивов русского и французского языков, основанная на общем семантическом содержании.

Кроме того, вдобавок, притом, при том же вводят дополнительный, как правило, существенный аргумент, подкрепляющий обоснованность суждения, заключенного в поясняемом высказывании. Акцентирующая функция более выражена у релятива "кроме того", о чем свидетельствует выделение вводимого им высказывания в отдельный абзац. Французские эквиваленты этих релятивов: en outre, au surplus, encore. Наиболее часто встречается en outre, который начинает высказывание или помещается в его начале.

Для привлечения внимания читателя к дополнительной информации высказывание с релятивом en outre выделяется в отдельный абзац:

D'autre part, nous savons déjà que l'expiration, la vibration du larynx et la résonnance nasale sont uniformes, tendis que l'articulation buccale comporte des variétés infinies.

En outre il faut se souvenir qu'un phonème est identifié quand on a déterminé l'acte phonatioire ... (Saussure, 69).

" С другой стороны, мы уже знаем, что экспирация, вибрация голосовых связок и носовой резонанс, по существу однообразны, тогда как ротовая артикуляция включает бесчисленные разновидности.

Кроме того, нельзя забывать, что для идентификации фонемы достаточно определить соответствующий акт фонации..." (Соссюр,79).

En outre может передаваться на русский язык и релятивом"вдобавок", которому функция акцентирования присуща в меньшей степени, чем "кроме того".

В качестве эквивалента "кроме того" используется par dessus tout. Дополнительным средством акцентирования могут выступать синтаксические средства выделения. Этот прием наряду с выделением в отдельный абзац свидетельствует о прагматическом аспекте использования релятивов.

Quand au français et à l'allemand, nous les verrons partagés entre plusieurs tendances en partie contradictoires.

Ce qui, par dessus tout, semble incompatible avec l'idée d'un système cohérent, c'est le constant désaccord entre la forme des signes et leur valeur, entre les signifiants et les signifiés (Bally, 18).

"Что касается французского и немецкого языков, то мы увидим, что они раздираются несколькими, отчасти противоречивыми тенденциями ...

Кроме того, совершенно не совместимым с идеей связной системы является и постоянное разногласие между формой знака и его значением, между означающими и означаемыми" (Балли, 47-48).

Наречие encore в высказывании, содержащем информацию, дополняющую содержание предтекста, может соответствовать "кроме того".

On la voit alors persister dans des ensembles phraséologiques

usuels avec lesquels elle fait corps ou dans ces ensembles synthétiques à valeur lexicologique ... A moins encore que cet élément de langue ne trouve dans certains de ses emplois une signification spéciale ... (Sechehaye, 174).

Наличие союзного слова à moins que, сочетающего негативное условие с ограничением, обусловливает использование антонимического перевода.

"В этом случае мы встречаем ее (звуковую единицу) в употребительных фразеологизмах или в лексических единствах ... Кроме того, это языковое явление может удержаться в речи, если в каких-то из его употреблений оно получит специальное значение ..." (Сеше, 83).

Наречие ensuite и его синоним puis в поясняющем высказывании, содержание которого находится в градационном отношении[I] к предтексту или включает существенную дополнительную информацию, переводятся "кроме того".

Поясняющее высказывание, служащее дополнительным аргументом, может присоединяться имплицитно. Для русского языка это явление менее характерно, поэтому при переводе присоединительная связь эксплицируется. Например:

A cette date, la Sécurité militaire ne confisquait pas encore systématiquement mon courrier, et j'étais informé par ma famille. Je lisais L'Oeuvre, et je constatais avec étonnement que l'entrée officielle de la France dans la guerre ne se reflétait ni sur la politique des milieux dirigeants ni sur le cours de la vie dans le pays (Cogniot, 456).

"В то время служба безопасности еще не трогала мою почту, и через письма родных я был о многом осведомлен. Кроме того, я регулярно читал газету "Л'Эвр" ("Дело") и мог констатировать, что официальное вступление Франции в войну не отразилось ни на политике правящих кругов, ни на повседневной жизни в стране"(Коньо, 132).

К тому же, да и вводят дополнительный аргумент, подкрепляющий обоснованность оценки (нередко отрицательной), содержащейся в поясняемом высказывании. В поясняющем высказывании предикат обыч-

---

I "Градационные и присоединительные отношения близки друг к другу; их объединяет неравная значимость членов" [2.С.172].

но содержит элементы оценочности. Эквивалентные релятивы французского языка: de plus, de surcroît, par dessus tout, par dessus le marché, du reste.

Между содержанием поясняемого и поясняющего высказываний нередко имеют место градационные отношения (не только..., но и).

En tout cas, mes soldats avaient le sentiment justifié de l' inutilité de leur travail pénible. Et de surcroît, ils souffraient du froid, très vif cet hivers-là (Cogniot, 458).

"Во всяком случае, у моих солдат было вполне оправданное ощущение бесполезности их тяжелой работы. К тому же они страдали от весьма сильных в ту зиму холодов" (Коньо, 133).

При наличии определенного контекста наряду с выполнением присоединительной функции поясняющее высказывание можно истолковать как содержащее определенную причину или условие по отношению к содержанию предшествующего текста:

Il faut chercher l'unité concrète ailleurs que dans le mot. Du reste beaucoup de mots sont des unités complexes ... (Saussure, 148).

" Итак, конкретную единицу следует искать не в слове. К тому же многие слова представляют собой сложные единицы"(Соссюр, 138).

Впрочем, при том что передают уточнение, выявляющее внутреннюю несогласованность содержания поясняемого и поясняющего высказываний. Таким образом, на присоединительные отношения накладываются ограничительные. Французские эквиваленты: d'ailleurs, du reste, au reste.

Присоединительно-ограничительные отношения во французском языке могут выражаться имплицитно. При переводе на русский язык они эксплицируются с помощью релятива. В приводимом примере имеет место еще и расчленение предложений.

Plus évidente encore est son importance pour la culture générale ... Il serait inadmissible que son étude restât l'affaire de quelques spécialistes; en fait, tout le monde s'en occupe peu ou prou ... (Saussure, 21-22).

"Еще очевидно значение лингвистики для общей культуры... Поэтому немыслимо, чтобы ее изучение оставалось в руках немногих

специалистов. Впрочем, в действительности ею в большей или меньшей степени занимаются все ..." (Соссюр, 45).

Причем, при этом, и при этом служат для выражения пояснительно-конкретизирующих отношений с оттенком одновременности. На присоединительные отношения могут наслаиваться градуальные, причинно-следственные и противительно-уступительные отношения. Французские эквиваленты: avec cela, avec tout cela. Эти отношения во французском языке часто выражаются причастным оборотом.

Le mécanisme linguistique roule tout entier sur des identités et des différences, celles-ci n'étant que la contre-partie de celles-là (Saussure, 151).

"Весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых" (Соссюр, 141).

При этом, при том выполняют чаще всего присоединительно-конкретизирующую функцию, не осложненную другими отношениями. Присоединяемая информация - того же порядка, что и в поясняемом высказывании и относится ко всему содержанию предтекста. Основная и дополнительная информация часто соотносятся по принципу "общее-частное". Французские соответствия: avec cela, avec tout cela, ce faisant.

Во французском тексте отношения, передаваемые этими релятивами, нередко выражаются имплицитно.

Расчленение французской фразы при переводе на русский язык и введение релятива "при этом" может быть обусловлено расхождениями в плане субъектно-объектных отношений.

Les députés du P.C.F. ne devaient s'abstenir que le 5 juin, dans le scrutin de confiance sur la politique d'ensemble du gouvernement, qui avait amalgamé à dessein les questions de politique économique et sociale, où son attitude était assez positive, et celle d'Algérie (Cogniot, 340).

"Депутаты-коммунисты лишь 5 июня "воздержались" при голосовании, когда вотум доверия был поставлен в целом по всей политике правительства. При этом преднамеренно были объединены и социально-экономические вопросы (к которым отношение нашей партии было достаточно позитивным) и алжирская проблема" (Кеньо, 252).

Вместе с тем, наряду с этим. Наиболее употребительный релятив "вместе с тем" представляет собой синтез пояснительно-конкретизирующих и временных отношений. Ситуативные фрагменты основной и дополнительной частей текста идентичны или близки во временном плане. Французские эквиваленты: par ailleurs, d'autre part, d'un autre côté.

Если пояснительно-конкретизирующие отношения не осложнены противительными, они могут выражаться во французской фразе имплицитно. При переводе эти отношения эксплицируются, но релятив легко опускается.

... quand on prononce un groupe appa, on perçoit une différence entre les deux p, dont l'un corespond à une fermeture, le second à une ouverture. Ces deux impressions sont assez analogues pour qu'on ait représenté la suite pp par un seul p (Saussure, 80).

" ... когда произносятся звукосочетания типа appa, ощущается различие между обоими p, из которых первое соответствует смыканию, а второе - размыканию. Вместе с тем эти два впечатления настолько сходны, что понятны случаи изображения сочетания pp одним-единственным символом " (Соссюр, 88).

В случае, когда на первый план выдвигаются противительные отношения, в качестве релятива во французском тексте встречается наречие pourtant, нередко предшествуемое союзом et в функции присоединения.

Toutes les fois que les mêmes conditions sont réalisées, on obtient les mêmes entités. Et pourtant celles-ci ne sont pas abstraites, puisqu'une rue ou un express ne se conçoivent pas en dehors d'une réalisation matérielle (Saussure, 151-152).

"Всякий раз, как осуществляются одни и те же условия, получаются одни и те же сущности. И вместе с тем эти сущности не абстрактны, потому что улицу или скорый поезд нельзя себе представить вне материальной реализации" (Соссюр, 141).

Более того, мало того: присоединительные отношения комбинируются с градуальными. Эти релятивы выполняют прагматическую роль, привлекая внимание адресата к значимости присоединяемой информации. Французские эквиваленты il y a plus, bien plus, de plus, en plus. Ср. например:

"В этом нашла отражение объективная закономерность эпохи - постепенное изменение мировых сил в пользу социализма.

Более того, как и предсказывал В.И.Ленин, капиталистические страны вынуждены были пойти на развитие деловых связей с социалистическими странами в невиданных ранее масштабах" (Новое время, I9).

C'est là le reflet d'une loi objective de notre époque: le changement graduel du rapport des forces mondiales à l'avantage du socialisme.

Il y a plus: comme Lénine l'avait prévu, les pays capitalistes ont été obligés de développer des relations d'affaires avec les Etats socialistes sur une échelle sans précédent (Temps nouveaux, 19).

В определенном контексте наречие même может приобретать значения, присущие релятивам данной группы:

A l'égard du Plan Marshall, dont toutes les implications n'étaient pas encore manifestes, Maurice Thorez usa d'une critique prudente. Il fit même une mise au point publique pour désavouer le Bureau du presse du parti du congrès qui, dans son résumé, avait sous-titré "Le Plan Marshall piège occidental" un passage de rapport (Cogniot, 161).

"Морис Торез сдержанно критиковал "план Маршалла", все аспекты которого до конца еще не были ясны. Более того, он публично уточнил свою позицию и дезавуировал пресс-бюро съезда, которое в своем резюме соответствующего раздела доклада дало подзаголовок "Западня" плана Маршалла" (Коньо, 207).

Изучение семантического и особенно прагматического аспекта внутритекстовых отношений представляет большой интерес не только для практики, но и для теории перевода, перестраивающей свою методологическую базу на основе лингвистики текста и коммуникативной лингвистики.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

I. М.В.Ляпон. Смысловая структура сложного предложения и текст. - М.:Наука, 1986. - 200 с.

2. Русская грамматика. Синтаксис. В 2-х томах. - М.:Наука, 1982. - Т.2.-709 с.

Цитируемая литература

Ш.Балли. Общая лингвистика и французская лингвистика. Введение //История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях / В.А.Звегинцев. Ч.2. - М., 1965.

Ж.Коньо. Избранный путь. - М.: Прогресс, 1980.

Новое время. - М., 1978. - №46.

А.Сеше. Три соссюровские лингвистики // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях /В.А.Звегинцев. Ч.2. - М., 1965.

Ф.де Соссюр. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. - М., 1977.

Ch.Bally. Linguistique générale et linguistique française. - Berne, 1944.

G.Cogniot. Parti pris. Vol.2. - Paris: Sociales, 1978.

F.de Saussure. Cours de linguistique générale. - Paris: Payot, 1965.

A.Sechehaye. Les trois linguistiques saussuriennes // A Geneva School Reader in Linguistics. - Bloomington-London , 1969.

Temps nouveaux. - M, 1978. - N 46.

Е.Я.Проскурина

СМЫСЛОВОЙ ВЫВОД И РАВНОЦЕННОСТЬ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛУ

Вопросы восприятия информации тесно связаны с проблемой понимания смысла сообщения. Понимание смысла всегда предполагает извлечение смыслового вывода, осуществляемое переводчиком на основе знания иностранного языка ИЯ своих фоновых знаний и опыта, а также знания контекста сообщения [I] Процесс этот затрудняется тем, что не всё в тексте получает эксплицитное выражение, многое остается подразумеваемым, имплицитным. Следовательно, извлечение смысла сообщения ИЯ и воспроизведение его средствами ПЯ предполагают адекватный анализ того, что содержится в сообщении ИЯ не только в явной форме, но и в неявной, имплицитной.

При исследовании проблемы имплицитности появляется необходимость прибегнуть к логике, которая связывает имплицитное с понятием импликации, логической операции, которая символически изображается "А--В", где А - антецедент, В - консеквент, знак -- означает отношение импликации.

Привлечение логики к анализу коммуникации позволило ввести в языкознание лингвистические понятия импликатуры (смыслового вывода) и пресуппозиции (условия осмысленности высказывания), которые, однако, принципиально отличаются от логического понятия импликации или умозаключения. Импликация предполагает наличие эксплицитных членов А и В - антецедента и консеквента, и определяется как логическая операция, "связывающая два высказывания в одно сложное высказывание с помощью логической связки, которой в обычном языке в значительной мере соответствует союз" если..., то ..." : если А, то В"[2].

В отличие от логики языкознание рассматривает трехчленную формулу А -- В -- С, где В - единственный эксплицитный член отношения, выраженный в сообщении вербально. А пресуппозиция, которая никогда не дается в сообщении, а лишь подразумевается и позволяет осмыслить эксплицитный член В и сделать из него смысловой вывод С.

Вполне закономерными представляются следующие определения членов этой формулы: "... пресуппозиция - это эксплицируемый,подразумеваемый отправителем сообщения антецедент (А),который составляет условие осмысленности (смысловой полноты) эксплицитного, имеющегося в явном виде в тексте консеквента В (В следует из А)", а импликатура - это"... коммуникативно релевантный смысловой вывод при наличии эксплицитного антицедента и имплицируемого (подразумеваемого) консеквента, вывод, который делается получателем речевого сообщения как выбор из того набора пресуппозиций, которые сознательно или чаще подсознательно имеются в виду источником сообщения и которые составляют условия его осмысленности"[3] .

Из этих определений следует, что импликативность сообщения - это "теоретически возможный набор пресуппозиций", определяющий "то потенциальное множество импликатур, которое идеальный получатель способен извлечь из данного сообщения "[3].

Получатель сообщения на ИЯ делает смысловые выводы, как правило, подсознательно. Переводчик же, осуществляющий перевод с ИЯ на язык перевода (ПЯ), постоянно имеет ввиду как можно более полный набор пресуппозиций, подразумеваемых автором, и вербализует те смысловые выводы, которые необходимы для как можно более равноценного понимания текста новым получателем и обеспечения непрерывной связи между отрезками текста ПЯ.

Так например, можно предположить, что в нижеследующее высказывание:

"The mission has been in charge of native missionaries and I'm terribly nervous that, they've let things slide" (W.S.Maugham, 17).

автором заложен ряд пресуппозиций - "местные миссионеры не способны управлять населением", "они недостаточно тверды и строги в ведении дел", "английские миссионеры не должны были оставлять миссию на столь долгий срок" и т.д., из которого каждый переводчик извлекает одну импликатуру, то есть эксплицирует какой-то один вывод, который позволяет получателю осмыслить высказывание во всей его полноте.

"Миссия оставлена на миссионеров-туземцев, и я очень боюсь, что они все запустили" (С.Моэм, 24).

"Я очень опасаюсь, как бы в миссии, управляемой туземными священниками, не подорвалась дисциплина" (В.С.Могэм, 75).

"Нам пришлось поручить миссию туземным миссионерам, и меня страшно волнует мысль, что они не смогли удержать в повиновении пасомых". (С.Моэм, 60).

Остальные пресуппозиции, по мнению переводчиков, оказались нерелевантными для экспликации и остались в тексте перевода в имплицитном виде.

Выражение "to get one's own board" во фразе "She has taken the room, that's all" - answered the trader. "She's getting her own beard" (W.S.Maugham, 16).

предполагает в качестве А (имплицитного члена трехчленной формулы, пресуппозиции) - не питаться у хозяина, готовить самому или ходить в ресторан, именно такую языковую реализацию получает смысловой вывод в двух переводах:

"Она только сняла комнату,"- ответил торговец. "Столоваться у меня она не будет" (С.Моэм, 23).

"Она только сняла комнату, а обед будет готовить сама", - отвечал торговец" (В.С.Могэм, 73).

При анализе переводов необходимо принимать во внимание тот факт, что если логический вывод всегда жестко детерминирован, то импликатуры, передаваемые вербальными средствами, не могут быть выражены с такой же четкостью в силу особенностей естественного человеческого языка, где границы между понятиями всегда размыты и не определённы [4]. Отсюда, в частности, следует, что абсолютно точного, единственно возможного способа выражения смысла сообщения ИЯ средствами ПЯ не существует. И действительно, переводчики часто предлагают равноценные, но различные по вербальному оформлению варианты передачи смыслового вывода. Диапазон расхождения может быть разным в зависимости от возможностей ПЯ, степени обобщенности или конкретности ситуации, описанной ИЯ, особенностей фоновых знаний получателя и т.п.

Анализ различных переводов одного и того же отрезка текста показывает, что с позиций полифинального подхода к конечному варианту в переводе допустима любая смена денотатов при условии, что смысловой вывод, который делает получатель при восприятии разных вариантов перевода, остаётся неизменно таким же как в ИЯ.

Сравнивая два перевода:

" I asked Hat: "You think is true all this talk Eddoes giving us about how women running after him?"(V.S.Naipaul, 93).

"Как-то я спросил Хота: "Как ты думаешь, это правда, что женщины Эддосу проходу не дают?" (В.С.Найпол, повести, 99).

"Как-то я спрашиваю Хвата: "Слушай, а Эддос не загибает, будто женщины к нему так и липнут?"(В.С.Найпол. Улица , 77).

можно заметить, что пресуппозиция "Эддос популярен, нравится женщинам" эксплицируется в переводах при помощи разного языкового материала. Однако в данной ситуации "не давать проходу - липнуть" можно считать контекстуально синонимичными, взаимозаменяемыми вариантами вербального оформления одного и того же смыслового вывода.

Контекстуальная синонимия как явление переводчески значимое, довольно часто наблюдается в переводах, например:

"...I never tried to become friendly with him"(V.S.Naipaul,22).

"...я обходил его стороной "(В.С.Найпол.Повести, 31).

"...Я держался от него подальше" (В.С.Найпол.Улица Мигель,24).

В следующем примере использование конверсива "купить - продать"

"George sold all his cows to Hat?(V.S.Naipaul,25).

"Джордж тут же продал коров Хэту (В.С.Найпол. Повести, 34).

"И Хэт купил у Джорджа всех его коров" (В.С.Найпол".Улица... 27) делает переводы равноценными, так как ассоциации получателя будут идти по вполне определенному направлению" продал - купил — купля-продажа — сделка" в обоих переводах.

Отношение конверсии характеризуют и два перевода в примере:

"When we saw Nathaniel he would just say" Just been beating some sense into that woman" (V.S.Naipaul, 37);

"Потом Натаниэль объяснял нам: "Поучил её малость уму-разуму" (В.С.Найпол. Повести и рассказы, 33).

"Натаниэль потом небрежно ронял: "Опять дурь из нее выколачивал" (В.С.Найпол. Улица ..., 71).

Смысловые выводы, извлекаемые получателем в данном примере, совпадают также и за счет того, что ситуация употребления этих выражений одинакова. К тому же рассмотрение переводов с точки зрения двусторонней импликации показывает, что они имплицируют друг друга, "учить уму-разуму — дурь выколачивать".

Равноценность переводов высказывания по двусторонней импликации предполагает возможность сведения их к одному интенсионалу, по крайней мере, в конкретном контексте высказывания. (Под интенсионалом здесь понимается предмет коммуникации, ее содержание, то, что хотел сказать автор,продуцируя данный смысл).Так,в примере

"I think when he with Laura he got his tail between his legs all the time" (V.S.Naipaul, 87).

"Видать, при Лауре он хвост поджимает" (В.С.Найпол. Повести и рассказы, 33)

"Небось, когда Лаура рядом, у него поджилки трясутся". (В.С. Найпол. Улица Мигель, 71) очевидно, что в переводах сохранен интенсионал "боится", хотя в первом переводе набор денотатов частично сохранен, а во втором заменен полностью. В другом контек-

оте эти же переводы могли бы оказаться неравноценными, так как "поджимать хвост" имеет дополнительный оттенок "унижаться", что для данного контекста является совершенно оправданным смысловым выводом.

Для равноценной передачи смыслового вывода переводчики нередко считают возможным заменить один образ на другой (как в предыдущем примере) или ввести образ там, где это подсказано ПЯ. Так, например, в переводе выражения "not to fit in "

"This lady didn't fit in with the rest of us in Miguel street" (V.S.Naipaul, 102);

"Эта дама явно выделялась среди нас, обитателей Мигель-стрит" (В.С.Найпол. Повести ...109);

"На улице Мигель-стрит женщина была белой вороной" (В.С. Найпол. Улица..., 85).

оба перевода, несмотря на другой сравнительно с ИЯ набор денотатов, явно указывают на один интенсионал "быть не такой как все, не вписываться". Смена денотатов при замене образа, например:

"We all knew that Eddoes wasn't a man to be played with". (V. S.Naipaul, 94).

"Все мы знали, что Эддоус не из робкого десятка" (В.С.Найпол, Повести..., 100).

"Мы знали: Эддоус-то за себя постоит".(В.С.Найпол. Улица..., 78) ведет к появлению новых, не свойственных образу оригинала ассоциаций, которые нейтрализуются тем, что смысловые выводы на ПЯ остаются в сфере действия интенсионала высказывания - "с этим человеком надо быть осторожнее, шутить с ним не следует".

Нередко при переработке информации по логическому параметру можно наблюдать в переводе переход в друг друга смежных понятий, обозначающих предметы, действия, признаки, состояния. Например:

"He told my mother:"This boy bright like anything, ma'am" (V. S.Naipaul, 74).

"У мальчика светлая голова,мэм", - сообщил он моей матери (В. С.Найпол, Повести..., 80).

"Чрезвычайно способный мальчик," - сказал он мне" (В.С.Найпол, Улица ,.. 58).

Признак английского оригинала "bright" сохраняется во втором

переводе "способный", а в первом заменяется на объект, что тоже является возможным вариантом, благодаря логико-семантической связи понятий "способный" - "светлая голова". Признак здесь приравнивается к объекту, но конечной импликации это не нарушает, так как сочетание признака и объекта является самым распространенным сочетанием в окружающей человека действительности: с точки зрения двусторонней импликации цепочка "bright" - "способный" - "светлая голова" тем более не вызывает сомнения. В следующем примере подобная цепочка начинается с "brains" на ИЯ - "brains"- "голова" - "способный" :

"I always say it, and I saying it again now, this boy Elias have too much brains" (V.S.Naipaul, 33).

"Я всегда говорил и опять повторю : у этого парня голова что надо" (В.С.Найпол, Повести ..., 4I).

"Что я говорил : способнейший мальчик". (В.С.Найпол,Улица...35)

При переводе могут реализоваться и другие отношения, например состояние (оригинал) - процесс (перевод) :

"But Dolly wasn't dead" (V.S.Naipaul, 163).

"К счастью Долли выжила "(В.С.Найпол, Повести ... I67).

"Но Долли выжила" (В.С.Найпол, Улица ... I44).

или состояние (оригинал) - действие(перевод):

"It wasn't the mango season when Miss Hilton died"(V.S.Naipaul, 101)"Когда Мисс Хилтон умерла, манго еще не поспели". (В.С.Найпол, Повести ... , I07).

"Плоды еще не созрели, когда умерла Мисс Хилтон" (В.С.Найпол, Улица ..., 85).

Единодушие переводчиков в принятии решения может объясняться особенностями ПЯ.

Условно принимая за точку формирования перевода то состояние ситуации, которое задано высказыванием оригинала, переводчик может развивать ситуацию, проигрывая её в разных направлениях по оси причина-следствие, например :

"She knocked him about a lot and did so quite openly now" (V. S.Naipaul, 89).

"Она не раз колотила его причем теперь у всех на виду" (В.С. Найпол. Повести... 95).

"Колотила она его нещадно, об этом теперь вся улица знала" (В. С.Найпол, Улица ..., 73).

В первом варианте переводчик не развивает ситуацию ИЯ, оставляя перевод в логико-семантическом поле действия интенсионала оригинала путем использования сходного по объему понятия "to knoc about openly" - "колотить у всех на виду", которое вызывает соответствующую импликатуру, то есть, аналогичный смысловой вывод.

Во втором варианте фраза "вся улица знала", означает применительно к тексту оригинала уже результат, следствие из той ситуации, что кого-то "колотят у всех на виду". Равноценность достигается переводчиком на основании логического развития ситуации ИЯ в ПЯ - "если человека открыто колотят (у всех на виду), то об этом знает вся улица".

Так, в примере:

"Someone in the street (not me) poisoned the Alsateans". (V.S.Naipaul, 26).

"Кто-то (не я) отравил овчарок" (В.С.Найпол, Повести...34),

"Овчарки сдохли, видимо, кто-то отравил" (В.С.Найпол, Улица... 28) в первом переводе ситуация оригинала сохраняется. Смысловой вывод получатель делает на основании знания им реальной действительности : "если кто-то отравил собак, значит они сдохли". : сообщение "кто-то отравил собак" неизбежно означает "сдохли".

Второй перевод содержит ту же самую цепочку, но оба её члена выражены вербально, причина и следствие присутствуют в одном предложении : "Овчарки сдохли → кто-то их отравил".

Переводчик может проигрывать ситуацию и назад, эксплицируя одну из пресуппозиций автора, оригинал же в таком случае представляет по отношению к тексту перевода следствие, например:

"I don't think any of us understood what Hat meant" (V.S.Naipaul, 66).

"Для нас это было слишком мудрено" (В.С.Найпол,Улица...,50)

Здесь очевидно наличие причинно-следственных отношений между отрезками текста ИЯ и ПЯ : "так как было мудрено" - причина, а "none of us understood" - "ничего не поняли" - следствие.

Однако полифинальный подход к переводу предполагает, что такое решение не может рассматриваться как единственно возможное

и окончательное. Другой вариант перевода подтверждает это: "Вряд ли кто-нибудь из нас понял тогда, что хотел сказать Хэт" (В.С. Найпол, Повести ..., 72).

Для получателя эти переводы будут равноценны, так как они удерживают его смысловой вывод в допустимых пределах описываемой ситуации.

Неоднозначность, вариабельность переводческого решения в каждом конкретном случае особенно отчетливо проявляются в тех случаях, когда из трех сообщений - оригинала и двух переводов - можно построить логико-импликативное сообщение А ⟶ В ⟶С, где В - текст оригинала (точка отсчета для формирования перевода), который вступает в логические отношения с текстами переводов по двум противоположным направлениям : если это направление "вперёд", то один из переводов содержит эксплицитно выраженный смысловой вывод С, то есть В имплицирует С. Если же это направление "назад" - тогда сам член отношения В становится смысловым выводом из эксплицитно выраженного антецедента А. Так, в примере:

"The creases on his trousers were always sharp and clean and straight" (V.S.Naipaul, 27).

"О прямые острые стрелки его брюк можно было порезаться" (В. С.Найпол, Повести, 36).

"Брючки отутюжены, без единого пятнышка" (В.С.Найпол, Улица... 29) состояние брюк "sharp and clean and straight " является результатом того, что они "отутюжены" и отутюжены так хорошо, что можно сделать вывод - " о прямые стрелки можно порезаться". Член отношения А "брюки отутюжены" не дан в тексте оригинала, но переводчик видит, что такая пресуппозиция есть и считает возможным её эксплицировать, проведя логическую связь "причина-следствие".

Второй переводчик извлёк смысловой вывод из эксплицитного В, приняв за антецедент "sharp" оригинала - "если острые стрелки, значит можно порезаться".

Несмотря на то, что оба перевода как бы разведены в стороны от текста оригинала в логической последовательности, они легко сводятся к интенсионалу "аккуратно одет", и (как можно предположить) не потребуют со стороны получателя дополнительных усилий

для осмысления высказывания; каждый перевод даёт достаточно полное представление об описываемой ситуации.

Подобные отношения между сообщениями ИЯ и ПЯ можно проследить и на следующем примере:

"We saw a changed man in the court" (V.S.Naipaul, 63).

"В суде мы увидели как он (Хэт) изменился" (В.С.Найпол, Повести ..., I67).

"На суде мы не узнали Хвата" (В.С.Найпол, Улица..., I44), где первый перевод предполагает, что "если человек изменился, то в суде мы увидели другого, не похожего на прежнего, человека" (a changed man), а второй перевод развивает ситуацию дальше по логическому признаку "так как это был человек, непохожий на себя, мы его не узнали". Хотя ситуация здесь описывается с разных точек зрения, восприятие переводов получателем б удет сходным, так как тексты переводов совпадают с предметно-тематическим полем высказывания оригинала, являются разновидностями одной и той же ситуации.

Изложенные в работе результаты анализа позволяют сделать заключение о том, что при передаче смыслового вывода переводчики нередко используют разный языковой материал, однако восприятие высказывания получателя ПЯ остаётся неизменно тем же, что и ИЯ. Два перевода одного высказывания могут считаться равноценными, если

I) они имплицируют друг друга, поддаются проверке по двусторонней импликации;

2) неизменным остаётся интенсионал высказывания ИЯ ;

3) хотя и с разных точек зрения, но достаточно полно описывается экстралингвистическая ситуация, задания ИЯ.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

I. Л.А.Черняховская. Информационный инвариант смысла текста и вариантность его языкового выражения: Автореф. дисс...доктора филол.наук/МГПИИЯ им.М.Тореза. - М., I983. - 34 с.

2. Н.И.Кондаков. Логический словарь. - М.: Наука, I97I. - 655 с.

3. Г.В.Чернов. Основы синхронного перевода. - М.: Высшая школа, I987. - 256 с.

4. В.В.Налимов. Вероятностная модель языка. - М. : Наука, 1979 - 271 с.

Цитируемая литература

V.S.Naipaul. Miguel Street.-L : Penguin books, 1959.

В.С.Найпол. Повести и рассказы. - М.: Радуга, 1984.

В.С.Найпол. Улица Мигель. - М.: Известия, 1984.

W.S.Maugham.Collected Short Stories. - L:Penguin books,1966.

С.Моэм. Дождь и другие рассказы. - М.: Художественная литература, 1964.

В.С.Могэм. Правитель острова Талуа. - Л.:Земля и люди, 1927.

С.Могам. Король Талуа. - Л.: Нева, 1927.

Л.Л.Вагапова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПРИ ДВУЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Одной из важнейших задач теории перевода, как известно, является раскрытие сущности эквивалентных отношений между содержанием оригинала и перевода. Эквивалентность означает, прежде всего, идентичность смысловых элементов, составляющих содержание текстовых единиц,и, следовательно, задача заключается в том, чтобы выделить смысловые элементы в оригинале и выбрать единицы переводного языка, выражающие такие же элементы смысла в переводе.

В настоящей статье рассматривается один из способов установления отношения смысловой эквивалентности в тексте оригинала (английский язык) и тексте перевода (русский язык) на уровне высказывания - выявление коррелятивности его смысловых компонентов.

Основой для выделения высказываний в тексте служит метод смыслового анализа текста, разработанный Л.А.Черняховской [1]. Одним из ключевых понятий этого метода является понятие смысла

текста, определяемого как психическое отображение сегмента внеязыковой ситуации в сознании индивида при взаимодействии его фонового знания (языковой компетенции, компетенции в области обсуждаемого предмета) и упорядоченного набора языковых единиц.

В качестве стандартной текстовой единицы предлагается "высказывание" - текстовой отрезок, вычленяемый из текста по целому ряду смысловых и формальных критериев. Такой текстовый отрезок, будучи выделенным из текста, сохраняет основные его свойства, то есть является осмысленной коммуникативной единицей, соединяющей в себе грамматический, смысловой и прагматический признаки. Высказывание как содержательная единица текста имеет своими составляющими смысловые или информационные компоненты: имя "предмета" речи[1], бытийный, пространственный, временной, модальный компоненты, а также компонент "свойство", сообщающий качественные характеристики "предмету" речи. Критерием, определяющим границу между высказываниями, является смена хотя бы одного из вышеназванных информационных компонентов, за исключением компонента "свойство".

Информационные компоненты высказывания, образующие его смысловую структуру, не всегда и не обязательно получают языковое выражение в пределах данного высказывания. Некоторые информационные компоненты могут быть представлены имплицитно и восполняются лингвистическим контекстом, ситуацией общения, фоновыми знаниями получателя информации.

В связи с тем, что метод смыслового анализа текста содержит четкие критерии выделения коммуникативной единицы текста, которая может служить стабильной единицей исследования, он и взят нами за основу выделения текстовой единицы, называемой "высказыванием", которая не об язательно соотносится с предложением, а может иметь разнообразное синтаксическое оформление.

В своем анализе мы исходим из следующего:

I. При переводе происходит замена единиц плана выражения,

I. "Предмет" определяется по выявлению так называемого доминирующего имени. Это имя "предмета" либо вторично встречающееся в тексте (само или в виде субститута), либо введенное в контекст как уже известное читателю или слушателю благодаря его фоновым знаниям.

то есть единиц языка, но сохраняется неизменным (относительно неизменным) план содержания, то есть передаваемая текстом информация [2].

2. В английском и русском языках имеется общий набор информационных компонентов, составляющих смысловую структуру высказывания, что дает возможность сопоставлять содержание оригинала и перевода.

3. Расхождение между формальными структурами высказываний двух языков требует от переводчика знания переводческих соответствий, а также умения производить различные переводческие трансформации. Используемый нами метод не дает указаний относительно того, какие именно межъязыковые трансформации следует произвести в каждом конкретном случае с тем, чтобы текст перевода передавал всю информацию, заключенную в тексте оригинала. Предполагается, что творческий характер переводческой деятельности как раз и заключается в указанных умениях и знаниях.

В задачу настоящей статьи входит сопоставительный анализ высказываний в английском и русском языках с точки зрения адекватной передачи информационных компонентов их смысловой структуры.

В качестве источников были взяты два коротких рассказа - "A Perfect Day for Bananafish" Дж.Сэлинджера в переводе Р.Райт-Ковалевой и "The Dark Glasses" М.Спарк в переводе В.Голышевой. В статье проводится анализ высказываний только в диалогической речи, которая, в отличие от авторской, содержит больше имплицитной информации.

В избранных нами рассказах многочисленную группу примеров составляют высказывания, в которых при переводе "опускается" информационный компонент имя "предмета". Всегда ли это оправдано? Обратимся к примерам:

1. "Muriel, now listen to me"
["I'm listening"] I (J.Salinger, 17)
- Мориель, выслушай меня внимательно.
- [Слушаю.]

2. I said "Grandmother said to inquire after your mother"
["She's failing"] she said. (M.Spark, 28)
- Бабушка просила узнать, как ваша мама.
- [Слабеет] - ответила она.

I Квадратными скобками обозначены границы анализируемых высказываний.

3. "Are you all right, Muriel?"
["I'm fine. I'm hot".] (J.Salinger, 43)

- Ну как ты, Мюриель?
- [Чудесно.] [Только жара ужасающая.]

Анализ переводов высказываний в первых двух примерах показывает, что в них переданы все информационные компоненты, за исключением компонента "имя предмета", представленного субститутами доминирующих имен в английских высказываниях. Формальная невыраженность доминирующих имен в русском переводе является оправданной, поскольку они легко восполняются из предшествующих высказываний собеседников. Их вербальное выражение в английском языке обусловлено спецификой грамматического строя английского языка. При рассмотрении третьего примера мы видим, что в переводе допущена ошибка. В английском тексте оба предложения составляют единое высказывание, так как в них соблюдается стабильность всех информационных компонентов. В русском переводе мы также имеем два предложения, но они представляют собой два высказывания ввиду наличия у них разных доминирующих имен: субститута имени Muriel - I представленного имплицитно (первое предложение) и существительного "жара" во втором предложении. В оригинале же речь идет не о жаре, а о самочувствии, то есть качественной характеристике "предмета", именуемого здесь "I". Выразителем именно этой характеристики, но никак не доминирующим именем и является прилагательное "hot".

Ошибки при переводе компонента "имя предмета" возникают и в том случае, когда доминирующее имя оригинала заменяется совершенно другим именем в переводе. Рассмотрим следующий пример:

"It was in German!"
"Yes, dear. <u>That</u> doesn't make any difference", said the girl.
(J.Salinger, 62)

- Но книга немецкая!
- Да, мамочка. А <u>ему</u> все равно - сказала дочь.

В английском высказывании указательное местоимение that является субститутом целого предложения - It was in German!, из которого следует, что предметом разговора является книга, а не

одно из главных действующих лиц рассказа, несмотря на то, что информация, содержащаяся в английском высказывании, имеет к нему непосредственное отношение.

Приведем другой пример, иллюстрирующий то, как в процессе перевода ошибочно "упускается из виду" одно из двух доминирующих имен высказывания оригинала:

"Auntie says to try them properly", I said.
"You'll only want them for your studies", Basil said.
(M.Spark, 28)

- Тетя велела проверить их хорошенько, - сказала я.
- Они же только для занятий, - сказал Бэзил.

Совершенно очевидно, что в высказывании подлинника содержатся два доминирующих имени, представленные субститутами you (героиня рассказа) и them (очки), которые находятся между собой во взаимосвязи: владелец - объект владения. В русском высказывании речь идет только об одном из них - them, то есть об очках, об очках для занятий, а не о том, что они пригодятся девушке только во время занятий. Из русского высказывания можно заключить, что имеются в виду какие-то специальные очки, что вовсе не соответствует тексту оригинала. Неоправданным здесь также является перевод будущего времени настоящим.

В следующем примере мы наблюдаем полное отступление от текста оригинала:

"And with the mother bedridden upstairs"- my grandmother said.
"- she must be a saint" said my aunt. (M.Spark, 31)

- Притом, что их мать прикована к постели ... - сказала бабушка.
- ... ее возьмут живой на небо, - сказала тетя.

В английском высказывании информационные компоненты распределены следующим образом: доминирующее имя представлено субститутом she (Mrs.Simmonds); компонент бытийности содержится в глаголе be; объективная модальность заключена в изъявительном наклонении сказуемого; субъективная модальность представлена модальным глаголом must. Сложное сказуемое характеризует доминирующее имя по свойству. Пространственный компонент, который редко получает выражение в высказываниях диалога, имплицирован. Он известен из контекста рассказа.

Рассмотрим, как переданы эти информационные компоненты в

переводе. Доминирующее имя, (вернее, его субститут she), которое является субъектом действия в английском высказывании, становится объектом действия в русском высказывании, а сам субъект не выражен эксплицитно, и о нем можно только догадываться. Временной компонент русского высказывания (будущее время) не соответствует временному компоненту английского высказывания (настоящее время). Компонент субъективной модальности остался непереданным вовсе. В переводе, однако, появился пространственный компонент, выраженный эксплицитно. Разумеется, переход импликации в экспликацию и наоборот - явление довольно обычное в процессе перевода, однако оно должно быть оправданным. В данном же случае такой переход не только не оправдан, но и в корне ошибочен, ибо пространственный компонент, переданный эксплицитно в русском переводе, не соответствует таковому в тексте оригинала.

В высказываниях перевода нами отмечены случаи неоправданной замены одного информационного компонента другим:

"When did you get there?.

"I don't know. Wednesday morning, early." (J.Salinger, I2)

- Когда вы приехали?

- Не помню. В среду утром, что ли.

Анализируемое высказывание подлинника является эллиптическим и представлено только одним, временным компонентом, выраженным дважды с целью конкретизации этой информации. В переводе же временная информация, заключенная в английском наречии передается одновременно с субъективно-модальной оценкой, содержащейся в "что ли". Отступление от оригинала, как видим, здесь налицо.

Особенно показательным в этом смысле нам представляется следующий пример:

"Mother", said the girl, "you talk about him as though he were a raving maniac -"

"I said nothing of the kind, Muriel."

"Well, you sound that way." (J.Salinger, I8)

- Слушай, мама, ты говоришь про него, словно он буйно помешанный.

- Ничего подобного, Мюриель, что ты!

- Во всяком случае, голос у тебя такой.

Английский глагол-сказуемое sound, содержащий информацию о бытийности, модальности и временной отнесенности "предмета", именуемого здесь you, передан в русском высказывании существительным "голос". Переводческие трансформации предусматривают такие случаи (ср.:He is a good swimmer-Он хорошо плавает). При этом перестройка синтаксической структуры высказывания не должна искажать его смысловой структуры. Однако именно с таким искажением мы сталкиваемся в приведенном примере. Из предшествующего контекста ясно, что речь идет вовсе не о голосе, то есть не о том, как мать говорит, а о том, что она говорит. Информацию, содержащуюся в английском высказывании, следовало бы передать следующим образом: " Но ведь именно так тебя можно понять".

Приведенные примеры наглядно демонстрируют потенциальные возможности избранного нами метода смыслового анализа двуязычных текстов одного содержания. Этот метод позволяет расчленять смысловой комплекс текста, составляющий его содержание, и дает критерии для оценки качества перевода.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

I. Л.А.Черняховская. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: Автореф. дис. ... д-ра филол.наук/МГИИЯ им.М.Тореза. - М.,1983. - 34 с.

2. Л.С.Бархударов. Язык и перевод. - М.: Изд-во Междунар. отношения, 1975. - 238 с.

Л.Г.Безрукова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДВУПЛАНОВОСТЬ И ЕЕ ПЕРЕДАЧА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (на примере двойной актуализации)

Семантическая двуплановость, привлекающая пристальное внимание лингвистов, изучающих стилистику декодирования, представляет собой сложное, многомерное и неоднородное явление, которое

может проявляться в разнообразных формах, то есть сложно манифестируется.

Семантическую двуплановость (далее СД) можно рассматривать на уровне лексемы. когда одно и то же слово потенциально наделено двумя значениями: буквальным и переносным (метафорическим)[1].

Словам, потенциально наделенным буквальным и переносным значениями, присущи некоторые ассоциативные признаки. "Можно заметить, что в ряде случаев ассоциативные признаки поддерживаются словообразовательными связями соответствующих слов" [2.С.29], то есть между данными словами устанавливаются разветвленные деривационные отношения.

Например: русск. лиса - хитро льстить (подделываться к кому-л.); ворона - проворонить (упустить, прозевать); ерш - ершиться (входить в задор, горячиться) - ершистый (задорный, неуступчивый) - ершистость (неуступчивость).
нем. der Fuchs(лиса) - füchseln (воровать как лиса) - fuchsen (обманывать); der Aal (угорь) - glatt wie ein Aal (скользкий как угорь) - aalartig, aalglatt, aalig (изворотливый).

Когда ассоциации оказываются индивидуальными, они влияют только на восприятие и употребление соответствующего наименования данным отдельным индивидуумом, но ассоциации могут быть и общими, в значительной мере устойчивыми, предопределенными социальным опытом коллектива, этнической общности.

Семантические соответствия позволяют выявить как случаи совпадения, так и случаи несовпадения в разных языках признаков номинации[2]. При этом совпадение признаков номинации может быть результатом калькирования, однако наблюдается идентичность признаков номинации, не зависимая от этого влияния. Как справедливо отмечает В.Г.Варина, последний вид сходства "интересен с точки зре-

---

1. А.Д.Райхштейн определяет семантическую двуплановость как "семантическую дихотомию" и отмечает, что в немецком языке это явление характерно главным образом фразеологическим единствам, а также существительным, полученным путем словосложения (типа: der Goldzahn, der Kameltreiber) [1.С.15].

2. Примеры совпадения и несовпадения метафорических значений в немецком и русском языках [3.С.45-54].

ния выявления общечеловеческих (универсальных) оснований номинации или также с точки зрения типологии признаков, лежащих в основе языкового обозначения" [4.С.295] .

Обратимся к примеру.

- Мы находимся как бы под перекрестным огнем - огнем реальным и огнем провокаций. Иногда цель последнего - вызвать первый. Поэтому выдержка для нас столь же необходимое качество, как и бдительность, - замечает подполковник Герман.

(Бранденбургские ворота. "Известия", 10.06.87, с.4)

"Wir stehen wie im Kreuzfeuer - in einem realen Feuer und einem Feuer der Provokationen. Mitunter war das Ziel des letzteren, das erstere zu entfachen. Deshalb ist Beherrschung für uns genauso wichtig wie Wachsamkeit", bemerkt Oberstleutnant Herrmann.

(Das Brandenburger Tor."Berliner Zeitung", 12.06.87,2)

В приведенном фрагменте существительное "огонь" (das Feuer) выявляет одно из своих потенциальных значений[1]: "ружейная, артиллерийская стрельба" , которое закреплено также за немецким существительным "das Feuer". Наряду с этим существительное "огонь" (das Feuer) в этом же фрагменте обнаруживает переносное значение, образуя словосочетание "огонь провокаций"(ein Feuer der Provokationen). Перед нами пример текстовой контрастности (по В.Г.Вариной), то есть такое построение высказываний в пределах нескольких фраз, описывающих какую-либо ситуацию, когда противопоставляются два смысла - прямой и переносный.

СД можно наблюдать также на уровне фразеологизма, где это явление известно как двойная актуализация[2]. Двойная актуализация представляет собой полифункциональный стилистико-семантический

---

1. Отметим, что между русским существительным "огонь" и немецким существительным "das Feuer" наблюдается частичное семантическое соответствие: словарь С.Ожегова фиксирует три значения сущ. "огонь"; Большой немецко-русский словарь - семь значений сущ. "das Feuer".

2. Термин предложен Л.М.Болдыревой. Подробнее о лингвостилистической характеристике двойной актуализации на материале немецкого языка [5] , английского языка [6] , французского [7.С.255-257] .

прием, основанный на обыгрывании фразеологического и буквального значений данного сочетания, следствием чего является одновременное их восприятие. При этом виде окказиональной трансформации происходит параллельное восприятие значения фразеологической единицы (ФЕ) и значения ее генетического прототипа, что обусловливает определенный эмоционально-стилистический эффект.

Как показал анализ материала, в газетно-журнальной публицистике довольно часто встречаются примеры двойной актуализации, стилистического приема, намеренно используемого авторами для углубления содержания, более полного раскрытия образа.

Приведем примеры, иллюстрирующие СД на уровне фразеологизма, то есть случаи двойной актуализации.

В публикации, посвященной берлинской парусной регате, речь идет о тренере Юргене Мире и его сыне Матиасе, молодом яхтсмене, успешно выступающем в спортивном состязании.

Übrigens: Trotz großer Gemeinsamkeiten gab's in der Seglerfamilie Mier auch Differenzen. "Im Training wollte ich oft meinen eigenen Kopf durchsetzen, dachte, bei Vater geht das leichter", erzählte Matthias, "doch wenn's drauf ankam, saßen wir im gleichen Boot". (Berliner Zeitung, 22.07.87, 5)

Немецкий фразеологизм "im gleichen Boot sitzen" (действовать сообща, совместно с кем-л., быть связанным общим делом с кем-л.) в приведенном контексте может быть понят двояко: буквально и фигурально. Правильная интерпретация и перевод этой ФЕ на русский язык не представляет особых трудностей, так как в ПЯ имеется эквивалент "быть в одной лодке"[1]. Отметим, что в русском языке может быть использован и другой образ, также создающий в рассматриваемом контексте эффект СД, а именно: "плыть одним курсом", иными словами, новое переводческое решение также обеспечивает коммуникативное тождество оригинала и перевода.

Другой пример.

В очерке, повествующем о солдатской службе, которая стала настоящей школой мужества и гражданской зрелости для Ганса Апитцша, мы находим следующий фрагмент:

---

1 Ср.также английский эквивалент "Row (sail) in the same boat with smb".

Wirklich Farbe bekennen heiBt es für Hans beim mehrtägigen 120-km-Marsch. Oder auch täglich als Parteisekretär. Da gilt es manchen zu helfen, die Probleme haben.

(Junge Welt, 24.07.87,12)

В приведенном отрывке структурно-семантическая организация текста создает семантическую двуплановость на основе немецкой ФЕ "Farbe bekennen": I) контекстуально обусловленное значение - хорошо ориентироваться на местности во время учебно-тренировочных маршей; 2) открыто заявить о своем отношении к чему-л., о своих убеждениях, занять четкую позицию по какому-л. вопросу.

Возможный вариант перевода:

"Во время многодневных маршей Ганс Апитцш должен уметь ориентироваться в обстановке. Но не только тогда, а каждодневно - как секретарь парторганизации. И помогать тем, кто нуждается в помощи".[I]

Сохранить СД в переводе удается за счет того, что выражение "ориентироваться в обстановке" выявляет в контексте буквальное и переносное значения. Обратим внимание на то, что выражение "ориентироваться на местности", которое также возможно в данной ситуации, ибо речь идет о проведении учебно-тренировочных маршей в воинской части, исключает переносное значение, то есть СД. Оценивая возможные переводческие решения, отдавая предпочтение одному из них, "мы в первую очередь ориентируемся на ту общую идею, которая рождается из взаимодействия двух семантических планов" [8.С.I04].

Двойная актуализация, обладающая большим стилистическим зарядом и влияющая (иррадирующая) на структурно-семантическую организацию текста, - одна из сложнейших задач с точки зрения перевода. Чтобы успешно справиться с этой задачей, от переводчика требуется подчас мастерство "истинного перевода - перевоплощения" [9.С.268].

В случае, если эффект СД сохранить в ПЯ не представляется возможным, используются различные средства стилистической компенсации. Средства эти могут быть самыми разнообразными: оккази-.

I Перевод автора.

ональное использование фразеологизмов (изменение структуры, компонентного состава, фразеологического образа), многозначность лексем или фразеологизмов, различные семантические сдвиги, ассоциативные и звуковые соответствия, стилистически маркированная лексика и др. За счет стилистической компенсации удается достигнуть оптимальный тип отношений коммуникативной равноценности оригинала и перевода[1].

Анализ исследуемого материала позволил сделать следующие наблюдения: в рамках текста двойная актуализация ФЕ может дополняться и усиливаться за счет лексической двойной актуализации.

Так, в очерке о молодом солдате Гансе Апитцше немецкое существительное "der Sprung"[2] употребляется сначала со значением "прыжок" (солдат впервые в своей жизни совершает прыжок с парашютом), а затем в форме множественного числа это существительное приобретает переосмысленное, контекстуально обусловленное значение, характеризующееся большим семантическим диапазоном: в контексте оно может быть интерпретировано как "смелые решения", "мужественные действия", "испытание на мужество", "проба сил", "уроки жизни" и пр. Сравните данное существительное в заголовке " Mut zu großen Sprüngen", который построен на стилистическом эффекте смысловой двуплановости, и в следующем предложении:
"Mut und Kraft für alle Sprünge des Lebens haben".

Адаптация текста влечет за собой, как правило, одновременное использование нескольких стилистических приемов (конвергенцию), за счет чего образуется сложная стилистическая полифония. Услышать сначала все "мелодии" текста оригинала, а затем их без искажений передать в трансляте - сложная задача, требующая от переводчика творческого подхода.

Так, в анализируемом очерке мы встречаем несколько стилистических приемов: двойную актуализацию ФЕ, усиленную за счет лексической двойной актуализации (см. вышеприведенный пример), а также

---

1 Подробнее о коммуникативной равноценности оригинала и перевода [10.С.31].

2 Потенциальные значения немецкого существительного "der Sprüng" (Большой немецко-русский словарь, 377).

введение немецкого фразеологизма "die Flinte ins Korn werfen" (русск.букв. сложить оружие; спасовать перед трудностями, пасть духом) в текстовое окружение таким образом, что происходит ремотивация значения ФЕ, то есть восстановление ее внутренней формы, представляющей собой мотивирующую образность фразеологизма, основанную на деривационных связях его значения со значением генетического прототипа[I].

Переводчику следует учитывать то обстоятельство, что правильное усвоение адресатом запрограммированной СД достигается за счет определенной структурно-семантической организации текста. Так, введение в текст отдельных лексических средств позволяет в текстовом фрагменте точно установить соотношение двух потенциальных планов восприятия (наложение буквального и переносного планов, выдвижение одного из планов восприятия на передний план, исключение одного из планов восприятия).

Обратимся к примерам на русском языке.

"Если поделить мебель, которую мы собираемся произвести в ближайшие годы, на новоселья, которые планируем, то вроде бы должно хватить всем и еще останется примерно миллиону семей, желающих просто сменить обстановку в буквальном смысле этого слова. На самом деле мебели не хватает - о чем свидетельствуют очереди в магазинах ..."(Известия, 02.09.87, 2)

Ср.нем.: Möbel wechseln; die Tapeten wechseln.

"Думаю, не слишком обидятся на меня молодые строители из сельского строительного комбината, если честно признаюсь, что, пробираясь к ним, я больше всего думал об одном: как бы не ударить лицом в грязь в прямом смысле этого выражения. Согласитесь: нелепо выглядит человек в туфлях посредине глиняной жижи." (Комсомольская правда, 2I.I0.87,3) Ср.нем.кальку: nicht mit dem Gesicht in den Schmutz schlagen, нем.аналог: sein Bestes geben, sich von der besten Seite zeigen.

I Отметим попутно, что процесс, обратный ремотивации - это демотивация, то есть стирание, забвение внутренней формы. Демотивация и ремотивация - одна из фразеологических антиномий, ведущих к восстановлению нарушенного равновесия, то есть к разрешению антиномии.

"Капитаны, допустившие столкновения судов (речь идет о гибели парахода "Адмирал Нахимов" - авт.), исключены из партии и осуждены ... за элементарное нарушение своих должностных инструкций ... Что же касается Просвирнина В.Е., то он, устранившись от своих обязанностей, вышел после катастрофы сухим из воды. Как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Правосудие его не коснулось." (Комсомольская правда, 05.I2.87, 4).

Ср.нем.кальку: trocken aus dem Wasser steigen,

нем.аналог: mit heiler Haut davonkommen.

"Трое суток со мной в гостиничном номере жил инженер из Челябинска, приехавший в министерство что-то "утрясать". Он буквально за голову хватался при мысли, что через какую-то неделю предстоит переходить на хозрасчет: миллион нерешенных вопросов, излишки сырья, которые некуда сбыть, неувязки с зарплатой ..." (Комсомольская правда, 07.0I.88, 4).

Ср.нем.эквивалент: sich an den Kopf greifen (fassen),

нем.синоним: sich die Haare raufen (ausraufen, ausrreiBen).

Пример на немецком языке мы приводим из репортажа, повествующего о горькой участи западногерманских сталеваров Рурской области, где работодатели планируют закрыть металлургические концерны и выбросить на улицу сотни рабочих, лишив их средств к существованию и какой-либо перспективы на будущее. Противозаконные действия предпринимателей вызвали решительный протест среди западногерманских трудящихся, которые намерены до конца защищать свои права. Борьбу западногерманского пролетариата возглавляют члены профсоюза, среди них - Райнер Зилер.

Seit 18 Jahren ist Rainer Sieler "im Stahl". Schon einmal hat er miterlebt, wie "eine Bude", in der er arbeitete, zumachte, Thyssen Edelstahl in Bochum. 800 Mann flogen auf die StraBe. "Aber damals gab es noch Ersatzarbeitsplätze. Das ist nun vorbei. Jetzt ist. nicht nur buchstäblich, der Ofen aus" (Neues Deutschland, 2./3.0I.88, 9)

В приведенном фрагменте используется фразеологическое модальное выражение "der Ofen ist aus" (ср.русск.разг. "дальше некуда!, "это уже слишком!"), которое вводится в текст таким образом, что оно выявляет свое буквальное (денотативное) и перенос-

ное значения, что приводит к СД. Предметная соотнесенность ФЕ, потенциально заложенная в ее семантической структуре, реализуется в контексте(der Ofen: здесь - доменная, плавильная печь, которая бездействует, не функционирует). Ср.также другое образное выражение, которое можно было встретить при описании закрытия предприятий и массовых увольнений в Рурской области: "Im Ruhrgebiet standen alle Räder still" (Berliner Zeitung, II.12.87,5.). Другой образ в немецком языке: "Die Schornsteine rauchen nicht".

Как показывают вышеприведенные примеры, СД на уровне фразеологизма определяется степенью семантической целостности ФЕ, другими словами, степенью семантической спаянности, притяженности компонентов. Можно установить следующую зависимость: фразеологизмы, обладающие высшей степенью семантической целостности, то есть утратившие внутреннюю форму, не способны в текстовом окружении создать стилистический эффект СД. Напротив, фразеологизмы, обладающие меньшей степенью семантической целостности, характеризующиеся некоторой семантической проницаемостью, "открытостью", фразеологизмы, каждый элемент которых обладает семантической соотнесенностью(но не тождеством!) с однозвучными словами свободного употребления могут в определенном текстовом окружении создать СД. Степень семантической спаянности компонентов определяется методом "наложения" (аппликации) фразеологизма на свободное словосочетание такого же состава. При "наложении" фразеологизма на свободное словосочетание возможен положительный эффект, в случае наличия переменного словосочетания, или отрицательный - в случае отсутствия такого словосочетания[I].

Подведем итог. Итак, при переводе двойной актуализации возможны два случая: I) сохранение в ПЯ семантической двуплановости (когда в ПЯ имеется фразеологизм-эквивалент; за счет калькирования ФЕ; через другой образ, способный в контексте привести к параллельному восприятию двух значений ФЕ), 2) стилистический эффект двойной актуализации не передается в ПЯ (когда в ПЯ отсутствует фразеологизм-эквивалент, а другой образ исключает в описываемой ситуации параллельное восприятие двух планов). В последнем

I Подробнее о методе "наложения"(аппликации) на материале русского языка [II].

случае возможно использование стилистической компенсации с учетом стилистических ресурсов ПЯ.

Ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть конкретные примеры стилистической компенсации как приема восполнения потерь ("переводческих недоборов") при передаче СД. Это может быть предметом самостоятельного исследования. Думается, что цель такого исследования - не только изучить и описать средства стилистической компенсации, но и определить их частность при переводе. Данные исследования вооружат переводчика рекомендациями, позволяющими ему найти оптимальное переводческое решение при передаче СД с одного языка на другой.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. А.Д.Райхштейн. Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы: Дис ... доктора филол.наук /МГПИИЯ им. М.Тореза. - М., 1974. - 402 с.

2. Способы номинации в современном русском языке /Ред.Д.Н. Шмелев. - М.:Наука, 1982. - 295 с.

3. Л.Г.Безрукова. Лексико-фразеологические проблемы перевода. Текст лекций по курсу перевода. - М. : МГПИИЯ им.М.Тореза, 1985. - 81 с.

4. В.Г.Варина. "Внутренняя форма" как компонент содержательной структуры языковых единиц // Вопросы грамматического строя языка. - М., 1974. - С.292-301 (Тр./МГПИИЯ им.М.Тореза; вып.81).

5. Л.М.Болдырева. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов (на материале современной художественной немецкой литературы и прессы ГДР) : Дис ... канд.филол.наук /МГПИИЯ им.М.Тореза. - М., 1967. - 306 с.

6. Е.М.Дубинский. Лингвостилистические особенности двойной актуализации фразеологических единиц на материале современного английского языка : Дис.... канд.филол.наук / МГПИИЯ им.М.Тореза. - М., 1984. - 205 с.

7. А.Г.Назарян. Фразеология современного французского языка. - М.: Высшая школа, 1987. - 288 с.

8. А.Л.Коралова. Информативность образности в тексте и прин-

ципы передачи ее в переводе // Смысл текста как объект перевода. - М., 1986. - С.94-105 (Тр./ МГИИЯ им.М.Тореза; вып.278).

9. Н.Я.Галь. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. - М.: Книга, 1987. - 272 с.

10. В.Н.Комиссаров. Лингвистика перевода. - М.: Международные отношения, 1980. - 167 с.

11. В.П.Жуков. Русская фразеология. - М.: Высшая школа, 1986. - 310 с.

Цитируемые словари

С.И.Ожегов. Словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1986.
Большой немецко-русский словарь /Ред.О.И.Москальская - М.: Русский язык, 1980.
Немецко-русский фразеологический словарь /Сост.Л.Э.Бинович. Н.Н.Гришин. - М.: Русский язык, 1975.
Краткий русско-немецкий фразеологический словарь / Сост.В.Т.Шкляров, Р.Эккерт, Х.Энгельке. - М.: Русский язык, 1977.
Англо-русский фразеологический словарь / Сост.А.В.Кунин. - М.: Русский язык, 1984.
Russische idiomatische Redewendungen / M.Dubrowin, W.Schenk. - М.: Русский язык, 1987.

В.К.Ланчиков

СУБСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА В ПРЕССЕ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНОЧНОСТИ

Одна из распространенных ошибок, которые допускают студенты на занятиях по переводу, заключается в том, что при переводе текстов из англоязычной прессы на русский язык оценочные характеристики в тексте значительно искажаются. Вследствие этих искажений события и факты получают негативную оценку или ироническое освещение, которых не было в оригинале. При анализе переводов студенты, как правило, доказывают, что передали авторскую оценку правильно, и в качестве формального показателя авторской оценки

приводят встретившиеся в тексте жаргонизмы и коллоквиализмы. По мнению студентов, снижение стилистического регистра, резко контрастирующее с общей стилистически нейтральной окраской текста, свидетельствует о привнесении негативной оценочности. Здесь мы явно имеем дело с экстраполяцией норм советской публицистики на англоязычную прессу, поэтому вопрос об особенностях оценочных характеристик субстандартной лексики в русской и англоязычной публицистике требует специального рассмотрения.

Использование СЛ (субстандартной лексики) в языке публицистики обусловлено, с одной стороны, спецификой массовой коммуникации, а с другой - общеязыковой ситуацией в той или иной культуре. "Газета - средство информации и средство убеждения. Она рассчитана на массовую и притом весьма неоднородную аудиторию, которую она должна удержать, заставить себя читать ... Изложение не должно требовать от читателя предварительной подготовки ..." [С.264-265]. Отсюда - две тенденции, характеризующие язык средств массовой информации: стремление к демократизации языка и обильное использование газетных штампов и клише (примечательно, что иногда эти противоположные - с точки зрения нормативной стилистики - тенденции совпадают: разговорные и даже жаргонные элементы приобретают статус полноценных газетных клише).

Что касается общеязыковой ситуации в сопоставляемых культурах, то здесь достаточно будет констатировать большее распространение субстандартной лексики в английском языке, особенно в его американском варианте: по данным составителя словаря американского сленга С.Б.Флекснера, только общий сленг (general Slang) составляет 10% активного словарного запаса взрослого американца. Флекснер предполагает, что в повседневной жизни американцы используют сленг чаще, чем другие нации. Применительно к языку средств массовой информации это означает, что вышеупомянутая демократизация языка в англоязычной прессе создается во многом за счет обильного использования субстандартных лексических единиц. Став характерной чертой языка прессы, стилистический перепад (от газетных штампов к жаргону) не воспринимается англоязычным читателем как серьезное нарушение речевой нормы. Кроме того, относительно высокая (по сравнению с ситуацией в русском языке)

частотность СЛ приводит к некоторому ослаблению ее экспрессивности: сказывается та закономерность, которая была подмечена Энгельсом в отношении инвективной лексики: "Одни лишь крепкие выражения не всегда придают достаточную силу языку, и при постоянном повторении одних и тех же выражений, вроде негодяи и т.п. их эффект слабеет" [I.С.283-284] . Другими словами, экспрессивность лексической единицы находится в обратной зависимости от частотности её употребления.

Однако это наблюдение свидетельствует лишь о неравнозначности экспрессивных характеристик СЛ в советской и англоязычной прессе и не объясняет, почему же все-таки происходит искажение оценки в работах начинающих переводчиков. Для того, чтобы разобраться в причинах этой ошибки, следует прежде всего вспомнить о взаимосвязи категорий экспрессивности и оценочности. "... Подавляющее большинство лингвистов придерживается той точки зрения (в разных вариантах), что в принципе в языке экспрессивная часть является составной частью, своеобразным фильтром, через который пропускается какая-нибудь объективная информация" [3.С.127-128] .

Второе предварительное замечание касается зависимости экспрессивной характеристики той или иной лексической единицы от контекста высказывания. В этом отношении имеет смысл воспользоваться известной оппозицией "сильный контекст" - "слабый контекст" [4.С.173] . "Сильный" контекст дает достаточно полное представление о коннотативной семантике рассматриваемой единицы, "слабый" же не содержит компонентов, реализующих коннотативное содержание этой единицы или дает минимум информации о её коннотативной характеристике.

Если применить эту оппозицию к жанрам средств массовой информации, то жанры, в которых доминирует функция воздействия (передовая статья, комментарий, фельетон и т.п.) следует отнести к "сильным" контекстам, поскольку воздействие на получателя предполагает использование целого арсенала стилистических средств и эти средства, полнее раскрывая авторскую позицию, будут тем самым точнее определять коннотативное содержание интересующей нас лексической единицы.

Как показывает практика, искажение оценки, о котором шла

речь выше, происходит чаще всего в "слабых" контекстах, то есть в жанрах с преобладающей функцией сообщения, где авторская позиция не должна вычитываться из текста. Поэтому здесь уместнее говорить не об искажении, а скорее о привнесении оценки в текст, где формально выраженная оценочность должна быть сведена к минимуму.

Столкнувшись с единицей СЛ в "слабом" контексте, неопытный переводчик не может в полной мере определить коннотативное содержание этой единицы и ориентируется на ту коннотацию, которой обладала бы эквивалентная единица в тексте аналогичного жанра на язык перевода (ПЯ) иными словами, он ориентируется на особенности использования СЛ в отечественной прессе.

Одна из этих особенностей заключается в том, что СЛ проникает в язык советской прессы в основном как элемент "чужой", не авторской речи. Даже если такие единицы встречаются не в цитатах, авторы предпочитают маркировать их принадлежность "чужой" речи кавычками, напр.:

"С января стройотряды "отфутболили" новому сотруднику - В. В.Зеленцовой. Виктория Викторовна "тонет" в отчетности, за проваленную проблему еще и не бралась" (Московский комсомолец, № 17, 1987).

Эти случаи сопоставимы с использованием речевой маски в разговорной речи: "Говорящий добивается экспрессивности, стараясь сделать свою речь необычной для данной ситуации" [5.С.180]. Усиление же экспрессивности влечет за собой усиление интенсивности оценки. Надо также отметить, что большая часть субстандартных лексических единиц в подобных контекстах (как, впрочем, и во всем пласте СЛ) обладает отрицательной оценочностью.

В языке англоязычной прессы единицы этого пласта могут функционировать как полноправный элемент авторской речи, придающий высказыванию большую непринужденность, подчас - шутливую тональность. Интенсивность оценки поэтому не увеличивается.

Проецируя ситуацию, сложившуюся в отечественной прессе, на текст оригинала, начинающий переводчик склонен усиливать интенсивность оценки, и характеристика лексической единицы смеща-

ется в оценочном спектре от шутки к ярко выраженной пейоративности. Вот пример такого неправильного перевода:

"In particular, she (Corazon Aquino) faces pressure to jettison Arroyo (presidential executive secretary). A liberal human-rights lawyer before the revolution, his access an influence at Malacanang have earned him the moniker "The little president." (Newsweek, Feb. 16, 1987, 33).

"Особенно настойчиво реакционеры добиваются от Корасон Акино смещения с поста помощника президента Арройо. Либерал Арройо до переворота был адвокатом, борцом за права человека, сейчас он пользуется таким влиянием на Акино, что противники окрестили его "маленьким президентом".

В тексте оригинала авторская позиция подчеркнуто нейтральна, негативная оценка политической оппозиции ("реакционеры") привнесена переводчиком. При анализе перевода он объяснил это следующим образом: во-первых, liberal предполагает, что противники Арройо придерживаются противоположных, не либеральных взглядов, а во-вторых, авторское отношение к ним характеризуется жаргонизмом moniker (раз автор прибегает к жаргонизму, это означает, что он как бы дискредитирует тех, кто этот жаргонизм употребляет).

Разумеется, подобные искажения совершаются лишь в тех случаях, когда употребленная единица СЛ не обладает однозначной негативной оценочностью.

Однако, "слабость" и "сила" контекста - не основная причина ошибок при определении эмоционально-оценочных характеристик СЛ. Ведь сама "сила" или "слабость" контекста - производное от прагматической задачи, которую ставит перед собой автор текста. Поэтому следует детальнее рассмотреть связь использования СЛ в определенном высказывании с прагматикой этого высказывания.

Сленг складывается в основном из элементов профессиональных и корпоративных жаргонов, утративших связь с первоначальной сферой функционирования. Появление этих единиц в языке массовой коммуникации говорит о том, что они становятся общепонятны. Если частотность их употребления возрастает, по статусу они могут приближаться к низшему слою литературного стандарта, а их экспрессивно-оценочные характеристики соответственно - стремиться к

нейтрализации. Однако, оказавшись в первоначальной сфере функционирования, они обретают прежние коннотации. Проиллюстрировать это явление можно на примере бывшего арготизма "cop", который в настоящее время имеет скорее шутливые, чем негативные коннотации:

"Last year, 13,534 civil-rights suits were filed against local governments asking billion in damages - up from 270 suits two decades ago... The result: a few municipalities are flirting with bankruptcy, and many others face intensified pressure to cut services or raise taxes ... Says Randy Arndt of the National League of Cities: "The costs get put in the city budget somewhere. It means a few less cops get hired, a fire engine isn't bought, the pipes leak longer, the streets deteriorate". (U.S. News & World Report, Dec. 20, 1982, 60).

В то же время в речи представителей преступного мира резко негативные коннотации этого слова сохраняются:

"In many ways, correctional officers "pull" time as well, for their occupation lacks many of the socially rewarding sources of job satisfaction ... Moreover, their occupational self-images hardly benefit from public conceptions of the kind of person who would work in a prison. Within the walls derisive references to officers by inmates as "screws", "hacks" or "cops" are vivid and explicit forms of contempt" (Society, July/Aug., 1974, 58).

Если в первом случае на первый план выступает денотативное значение слова, то во втором более весомым оказывается коннотативное значение, что конечно отразится в переводе:

"Если двадцать лет назад против муниципальных властей было возбуждено всего 270 дел, то в прошлом году им было предъявлено 13534 гражданских иска на общую сумму миллиард долларов. В результате несколько муниципалитетов вот-вот совсем разорятся, а множество других все чаще поговаривает о необходимости сократить расходы на коммунальное обслуживание или увеличить налоги. "Тяжбы больно бьют по городскому бюджету, - жалуется член Национальной лиги городов Рэнди Арндт. - А ведь на эти средства можно было бы нанять еще несколько полицейских, приобрести пожарную ма-

бину, починить водопровод, благоустроить улицы."

"Можно сказать, что служащие тюрем "мотают срок" вместе со своими подопечными, потому что они занимаются неблагодарной работой ... Более того, по мнению большинства, стоящий человек в тюрьме работать не станет, и поэтому они едва ли могут гордиться своей профессией. Заключенные презрительно называют их "легавыми" и "фараонами".

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что коннотативная характеристика жаргонизма варьируется в соответствии с прагматическим аспектом всего высказывания, "то есть отношениями между речевым произведением и участниками коммуникации. Эти отношения определяются уже не только прагматическим значением знаков, входящих в высказывание, но и фактической стороной информации, передаваемой в сообщении, социальным статусом и психологическими особенностями коммуникантов, степенью их непосредственной заинтересованности в сообщаемом, стремлением добиться при помощи коммуникативного акта каких-то практических результатов и т.п. Учет подобных соображений оказывает влияние на выбор языковых средств источником и на степень воздействия сообщения на Рецептора" [6. С.105] .

Взаимосвязь интенсивности эмоциональной оценки, социальной ориентации источника, выбора языковых средств и коммуникативной задачи высказывания, содержащего единицу СЛ, хорошо проявляется в следующем примере:

"Ever since he took the management reins of Playboy Enterprises Inc.five years ago, former newspaper executive Derick J. Daniel has been fighting to repair the damage caused by a poorly executed diversification campaign. Playboy founder Hugh M.Hefner, now chairman, had created profitable skin magazines. but he dropped the ball in trying to set up a far-flung entertainment empire " (Business Week, March 16, 1981, 154).

Причины использования жаргонизма станут ясны, если мы заменим его хотя бы на стилистически нейтральный эвфемизм men's magazine. Однако даже эвфемизм, ослабляющий негативные коннотации, в "слабом" контексте создает не совсем тот коммуникативный эффект, на который рассчитывал отправитель: тема статьи - не моральная, а коммерческая сторона вопроса, но автору приходится

упоминать явление предосудительное с точки зрения общепринятых социальных норм. Использование же лексической единицы, которая маркирована как принадлежность социально-культурного кода, противостоящего этим нормам, позволяет придать высказыванию тот оценочный ореол, которым окружено данное явление в системе контркультуры, шутливый оттенок, и тем самым усилить эвфемистичность. Еще раз отметим, что случаи характерны для "слабых" контекстов: сам основатель журнала "Плейбой" Х.Хефнер в одном из своих интервью называет его men's magazine, но интервью носит откровенно апологетический характер, то есть по существу является "сильным контекстом", который не допускает негативной оценочности. В приведенном же примере негативная оценочность нейтрализуется как раз жаргонизмом. При переводе целесообразнее всего воспользоваться эвфемизмом, пусть даже стилистически неадекватным английскому жаргонизму:

"Пять лет назад во главе компании "Плейбой энтерпрайзиз" встал бывший редактор газеты Дерек Даниел. Все эти пять лет он старается привести в порядок дела компании, расстроенные вследствие неудачной попытки разнообразить ее деятельность. Основатель компании Хью Хефнер, ныне ее председатель, открыл несколько прибыльных журналов "не для дам", но придать деятельности компании широкий размах так и не сумел."

Эта особенность СЛ была отмечена Л.Сиссменом, который определил жаргон как "все те стилистически сниженные и стоящие особняком слова и выражения родного языка, которые пытаются скрывать неприятные истины и/или способствовать успеху говорящего (или же успешному продвижению того вопроса, дела или продукта, который говорящий представляет) путем вербальных манипуляций, жертвой которых оказывается читатель или слушатель" [7 . С.32] . Разумеется, это определение раскрывает природу СЛ несколько односторонне, но это именно та сторона, которая интересует нас в настоящей статье. Примечательно, что эта формулировка принадлежит американскому автору и справедлива скорее в отношении языковой ситуации в США, чем в СССР - из-за несовпадения удельного веса и функциональных особенностей СЛ в русском и английском языках. Таким образом, для наиболее точного определения экспрессивно-оценочных ха-

рактеристик СЛ в конкретном тексте необходимо учитывать одновременно общеязыковую ситуацию в ПЯ и ИЯ, прагматический аспект высказывания и собственные прагматические характеристики субстандартных лексических единиц.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. К.Маркс. Ф.Энгельс. Письмо Ф.Энгельса Э.Бернштейну, ок. II июля 1882 г. 2-е изд.//Собр.соч. - Т.35. - С.280-284.

2. И.В.Арнольд. Стилистика современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1981. - 296 с.

3. Г.В.Колшанский. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: Наука, 1985. - 232 с.

4. Н.А.Лукьянова. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. - Новосибирск: Наука, 1986. - 232 с.

5. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. - М.: Наука, 1983.-240 с.

6. В.Н.Комиссаров. Лингвистика перевода. - М.: Международные отношения, 1980. - 168 с.

7. L.E.Sissman. Plastic English. - Atlantic Monthly, Oct. 1972. - 152p .

Г.В.Порозинская

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ГЛАГОЛОВ, УКАЗЫВАЮЩИХ НА СОДЕРЖАНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА, С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Глаголы, указывающие на содержание речевого акта, отражают форму воздействия на слушающего с целью заставить его совершить соответствующее действие. Речевым актом (по Дж.Серлю) является использование высказывания, направленного на адресата и представляющего собой определенный набор интенций, в первую очередь, интенцию оказания на слушающего необходимого иллокутивного эффекта [1]. Следовательно, глаголы, характеризующие содержание

речевого акта, являются иллокутивными глаголами.

Целью данной статьи является выявление особенностей передачи иллокутивных глаголов на английский язык и объяснение факторов обусловливающих дифференциацию в репрезентации описываемых глаголов в текстах ИЯ и ПЯ.

В плане сопоставительного анализа речевых актов в разных языках особый интерес для нас представляют работы Дж.Фершурена, А.В.Вежбицкой, Б.Фрейзера и др. Авторы недавних исследований (Б. Фрейзер; А.Вежбицка) указывают, что их изучение речевых актов основывается на предположении, что каждый язык делает приемлемым для коммуниканта использование идентичных основных наборов речевых актов, таких, как построение вопросов, извинения, обещания и др., за исключением определенных культурно-специфических ритуальных актов, таких как крещение, отлучение от церкви и др. Таким образом, если один язык имеет речевой акт допустим такой, как спрашивание, то любой другой язык должен иметь соответствующий речевой акт [2. С.493] . Однако, рассматривая употребление иллокутивных глаголов в разных языках, можно заметить существенное различие в функционировании соответствующих глаголов разных систем. В работе Дж.Фершурена приводится англо-франко-датская трансляционная схема глагола to accuse, которая наглядно указывает на различные семантические параметры данного слова в приведенных языках [3] .

А.Вежбицка, анализируя значение иллокутивного глагола to warn, отмечает, что существует много языков, которые не имеют точного соответствия данному слову, но, с другой стороны, они располагают значительным количеством слов, которые не имеют эквивалентов в английском. Например, японское слово satosu, совмещающее в своей семантике некоторые смысловые компоненты, присущие глаголу to warn и ряд других значений, таких , как предположение, что говорящий имеет более высокое социальное положение, чем слушающий, стремление защитить адресата от неприятностей и добрые чувства, которые коммуникант питает по отношению к адресату. В английском языке указание на высокое социальное положение заложено в таких иллокутивных глаголах , как to order и to forbid, но приведенные глаголы не имеют значения защитить, уберечь от зла. Таким образом, глаголы to warn и satosu могут

представлять различные типы речевых актов в разных языках.

Типы речевых актов выделяются нами на основе классификации Дж.Серля [I], состоящей из пяти групп: ассертивные высказывания, комиссивные, декларативные, директивные и экспрессивные. Мы отдельно выделяем инсистивные высказывания, которые по своим иллокутивным целям отличаются и от аасертивных и от директивных речевых актов.

То, что фигурирует в речевом акте, то есть то, что может быть подвергнуто утверждению, сомнению; то, что может быть предметом просьбы, приказания, пожелания, обещания, является пропозицией.

Т.В.Булыгина, говоря о пропозиции, подчеркивает, что значение выражения определяется в терминах тех объектов, которые оно обозначает, то есть в терминах классов соответствующих денотатов [4.С.335] . В нашем исследовании пропозицией мы считаем содержание чужой речи, входящее в сложную синтаксическую конструкцию, состоящую из слов автора и слов персонажа. Для нас ценно замечание Е.В.Падучевой о том, что пропозиция является семантическим актантом перформативных глаголов [5. С.36] . Подтверждение этому мы находим у Д.Вандервекена. В частности, он говорит, что речевой акт, представленный высказыванием в форме предложения "Я утверждаю, что снег белый", есть иллокутивный акт, где иллокутивная сила является иллокутивной силой утверждения, и где пропозициональное содержание есть пропозиция, что снег белый [6. С.250] .

Применительно к нашей работе глаголы, вводящие чужую речь, могут выступать в качестве индикатора иллокутивной силы вводимой ими пропозиции. Иллокутивные силы - это как раз то, что различает различные иллокутивные акты. Так, например, в таких высказываниях как: Он приказал: "Закрой дверь" и Он попросил: "Закрой дверь" иллокутивный глагол приказал указывает на директивную силу пропозиции, а глагол попросил на реквестивный характер чужой речи. Следовательно, иллокутивные глаголы приказал и попросил эксплицируют иллокутивное оформление всего высказывания.

Когда Дж.Лич утверждает, что иллокутивная сила "более неуловимое понятие, чем то, которое может быть легко выражено обычными

иллокутивными глаголами" [7. С.175], трудно с ним не согласиться. Однако это не значит, что иллокутивная сила представляет собой неопределяемую категорию. Для нашего исследования мы взяли метод описания иллокутивной силы, предложенный Дж.Серлем и Д.Вандервекеном. Согласно этим авторам, из понятия иллокутивная сила можно вычленить семь компонентов: 1) иллокутивная цель, 2) способ достижения иллокутивной цели, 3) интенсивность иллокутивной цели, 4) условия пропозиционального содержания, 5) предварительные условия, 6) условия искренности и 7) интенсивность условий искренности [8. С.12]. Таким образом, в том случае, когда все эти компоненты, составляющие иллокутивную силу, будут тождественны в обоих языках, можно говорить и о тождественности самих иллокуций и, как следствие этого, иллокутивные глаголы, выступающие в качестве индикаторов иллокутивных сил, будут эквивалентны в текстах ИЯ и ПЯ. Например:

"Женаты Вы?" - спросила девушка, тепля затаенную улыбку. (Шолохов, 19).	"Are you married?" she asked with a secretive smile. (Sholokhov, 25).

В этом примере совпадают все компоненты иллокутивной силы в текстах ИЯ и ПЯ. Так, иллокутивная цель - (реквестивная) идентична для обоих высказываний, способ достижения иллокутивной силы - (задавание вопроса) также одинаков для обоих текстов, интенсивность иллокутивной силы в обоих высказываниях - реквестивная, пропозициональное содержание одинаковое - вопросительное оформление пропозиции; предварительные условия - заинтересованность говорящего в осуществлении действия, выраженного пропозицией, также выполнено в обоих речевых актах ; условия искренности, выражающиеся в том, что коммуникант действительно заинтересован в информации, которую он запрашивает, представлено в обоих текстах. Таким образом, иллокутивные силы в двух текстах оказались одинаковыми, на что указывают эквивалентные глаголы спросил и asked.

Однако при анализе фактолологического материала, особый интерес для нас представляли случаи несовпадения иллокутивных глаголов в текстах ИЯ и ПЯ. Например:

"Расскажи, милаха",- коротко попросил он.(Шолохов, 62)	"Come on, tell me about it", he curtly demanded, (Sholokhov, 69)

В описываемом речевом акте иллокутивная директивная цель характеризуется интенсивностью угрозы, кроме того, здесь нарушено одно из предварительных условий - заинтересованность адресата в выполнении просьбы; нарушены также условия искренности пропозиции, то есть сам говорящий не испытывает искреннего желания в осуществлении своей просьбы. Поэтому в силу нарушения ряда условий успешного выполнения иллокутивной цели, иллокутивная директивная сила всего высказывания "снижена" реквестивным глаголом "попросил", хотя социально-ролевые отношения способствуют в какой-то мере приравниванию функционирования реквестивного глагола директивному при переводе. В данном случае просьба мужа к провинившейся жене рассказать об ее проступке в этом контексте произнесенеия равноценна приказу, иллокутивные силы обоих предложений можно считать одинаковыми. Отсюда использование директивного глагола demanded в полной мере соответствует иллокутивной силе всего высказывания.

При описании материала в некоторых, правда очень немногочисленных, случаях попадались примеры полной замены пропозиции при передаче высказывания на английский язык:

" Это тебя под Ростовом так угораздило? - спросил я. (Буденный, 438).	"I didn't know you'd had such a bad time of it at Rostov", - I <u>said</u>. (Budyonny, 435).

В приведенном примере в русском предложении реквестивная пропозиция предполагает, что иллокутивная цель высказывания заключается в стремлении узнать у адресата интересующую говорящего информацию, кроме того, реквестивный глагол <u>спросил</u> также подчеркивает соответствующий характер иллокуции. В английском предложении ассертивная пропозиция показывает, что иллокутивная цель высказывания заключается в констатации факта незнания говорящим определенных сведений. Ассертивный глагол said служит в этом случае индикатором ассертивной иллокуции английского высказывания. Вследствие этого не представляется возможным сравнивать иллокутивные силы двух высказываний, так как наличие разных пропозиций и разных иллокутивных целей указывает на различие иллокуций по всем параметрам. Поэтому иллокутивные глаголы <u>спросил</u> и said, которые в этом примере непосредственно связаны каждый со своей

пропозицией, указывают на разные типы речевых актов, которые в одинаковой мере отражают ситуацию.

Иногда в русском речевом акте бывает нарушен ряд предварительных условий успешного выполнения иллокуции, и как результат этого - русский иллокутивный глагол не соответствует в силе высказывания. Например:

Рослый батареец, по уличному прозвищу Лютня, стукал Прокофия головей о стену, уговаривал: "Не шуми, не шуми, нечего тут!.." (Шолохов, I4)	A burly gunner, nicknamed Strut, battered Prokofy's head against the wall and told him, "Don't make a row!" (Sholokhov, 24)

Здесь в русском предложении нарушено условие искренности пропозиционального содержания, - убеждения адресата в искренности своих намерений. Инсистивный глагол уговаривал явно не соответствует способу достижения иллокутивной цели высказывания. Отсюда иллокутивная сила высказывания с интенсивностью уговаривания и способ достижения иллокутивной цели создают определенный стилистический эффект. Ассертивный глагол told более соответствует иллокутивной цели высказывания, но он способствует снижению стилистического эффекта при переводе.

Нарушением предварительных условий отличается и следующее предложение.

Гудериан лживо уверяет, что это были "небольшие группы". (Еременко, 355)	He claims, however, only "small groups" managed to get out of the pocket. (Eremenko, 246)

В этом примере нарушено предварительное условие истинности пропозиции, когда говорящий знает, что его высказывание ложно, но тем не менее он пытается выдать его за соответствующее действительному положению дел. Посредством дефектной пропозиции говорящий пытается убедить адресата в правильности своих решений и действий, но чтобы слушающий не заподозрил, что пропозиция неистинна, говорящий придает высказыванию дополнительную силу, которая выражена иллокутивным инсистивным глаголом уверяет. В английском предложении нет указаний на дефектность пропозиции, поэтому здесь не требуется дополнительной иллокутивной силы, чтобы заставить слу-

шающего поверить высказыванию. Речевой акт в английском тексте носит ассертивный характер, заключающийся в констатации факта, имевшего место, а ассертивный глагол claims соответствует иллокутивной силе всего английского высказывания. Отсюда и различие в интенсивности иллокутивных сил двух предложений. Естественно, что иллокуция с интенсивностью убеждения оказывает большее впечатление на слушающего, чем иллокутивная сила с интенсивностью просто утверждения. Поэтому отсутствие указаний на дефектность пропозиции в английском предложении (и как следствие этого замена инсистивного глагола на ассертивный при переводе) оказывается не совсем контекстуально обусловленной.

Игнорирование фактора адресата, в некоторых случаях, также ведет к замене иллокутивного глагола при переводе:

"Потеснитесь гостечки!" - упрашивал Петро, толкая разопревшие от пляса бабьи животы. (Шолохов, 99).	"Squeeze up a bit!" Pytr demanded pushing the women aside. (Sholokhov, 107).

В данном примере директивный характер пропозиции подчеркивается директивным глаголом demanded в английском высказывании, однако здесь не учтен эскиз аудитории. Ведь говорящий находится в обществе равных ему по социальному положению людей, поэтому характер социально-ролевых отношений требует, чтобы коммуникант проявлял уважение и определенный такт по отношению к окружающим, с которыми он вступает в коммуникацию, поэтому инсистивный глагол упрашивал больше соответствует контексту произнесения, чем директив demanded.

Непринятие во внимание эскиза аудитории повлияло на иллокуцию английского высказывания в следующем примере:

Я подал команду "Вольно" и объявил, что будет говорить председатель Реввоенсовета республики Троцкий. (Буденный, 243)	I commanded my men to stand at ease and said that Trotsky chairman of the Republic's Revolutionary Military Council would speak to them (Budyonny, .247).

В приведенном русском предложении глагол объявил относится к декларативным глаголам, то есть говорящий посредством своего

произнесения реализует положение дел, представленное пропозицией. Иллокутивные силы обоих высказываний не тождественны по следующим параметрам: во-первых, различны такие компоненты, как интенсивность иллокутивной цели, так как говорящий, делая объявление перед строем, предпринимает более сильную попытку добиться выполнения иллокутивной цели, чем когда он просто делает сообщение о каком-либо факте. Во-вторых, не тождественны способы достижения иллокутивной цели, потому что говорящий берет на себя обязательства достичь декларативной иллокутивной цели в соответствии со своим высоким положением и принятием во внимание контекста произнесения (эскиза аудитории -стоящего перед ним множества адресатов).В английском предложении данный контекст произнесения не учтен, поэтому декларативная иллокуция оказалась при передаче на английский язык замененной на ассертивный речевой акт, на что указывает ассертивный глагол said.

Иногда замена иллокутивного глагола при переводе обусловлена актуализацией различных уровней представляемого сообщения:

"Про то речь, что выдавать, кубыть, и рано, - миротворил хозяин, лоснясь улыбкой. "Не рано! Истинный бог, не рано! - уговаривал его Пантелей Прокофьевич. (Шолохов, 68).	"The point is it's early to give her in marriage" master said beaming with a smile. "It's not early! Honest to God it's not early" Panteley rejoined Panteley rejoined. (Sholokhov, 74).

В приведенном русском предложении инсистивный глагол уговаривал эксплицирует иллокутивную силу всей интеракции, то есть речевого блока единицы общения, в отличие от речевого акта (единицы сообщения)[9]. В реальной языковой коммуникации речевые акты погружены в общую структуру языковой интеракции, в которой отдельные речевые акты являются взаимосвязанными. У.Эдмонсон утверждает, что связность коммуникативной деятельности говорящих обеспечивается на интеракциональном уровне. Коммуникативный акт, по его мнению, должен характеризоваться как одновременное выполнение двух актов - интеракционального и иллокутивного; Интеракциональные акты реализуются в форме одного или нескольких иллокутивных актов, глубинная структура фрагментов коммуникации является

интеракциональной по характеру [10]. Возвращаясь к примеру, следует отметить, что инсистивный глагол уговаривал эксплицирует коммуникативную цель говорящего на интеракциональном уровне, в то время как ассертивный глагол rejoned подчеркивает иллокутивную цель одного речевого акта. Следовательно, иллокутивная сила интеракции всегда больше, чем иллокутивная сила отдельного речевого акта, входящего а интеракциональный акт, отсюда замена инсистивного глагола на ассертив при переводе указывает на актуализацию разных коммуникативных уровней автором и переводчиком: автор с помощью глагола уговаривал подчеркивает инсистивную силу всей интеракции, переводчик же глаголом rejoned акцентирует отрицательную пропозицию ассертивного речевого акта.

Итак, в заключение следует еще раз отметить, что дифференциация в репрезентации иллокутивных глаголов в текстах ИЯ и ПЯ обусловлена несовпадением ряда компонентов, составляющих иллокутивную силу речевых актов в текстах на разных языках.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Дж.Серль. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. Вып.17. - С.151-170.

2. A.Wierzbicka.A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres // Language in Society.-Cambridge Univ.Press. 1985, vol.14, N 4.P.491-513

3. J.Verschueren. On Speech acts verbs //Pragmatics and Beyond.-Amsterdam: Benjamins, N 4, 1980. - P.8-40.

4. Т.В.Булыгина. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР Серия лит-ры и яз., 1981, т.40, № 4. - С.333-341.

5. Е.В.Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М.: Наука, 1985. - 271 с.

6. D.Vanderveken. Illocutionary logic and self-defeating speech acts // Speech act theory and pragmatics. - Dordresht: Reidel, 1980. - P.247-272.

7. G.N.Leech. Principles of pragmatics. - Longman, 1983. - 250 p.

8. Дж.Серль, Д.Вандервекен. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., Прогресс,1986. Вып.18 - С.242-264.

9. И.П.Сусов. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. - Калинин, 1984. - С.3-12.

10. W.Edmondson. Spoken discourse. A model for analysis. - L., N-4: Longman, 1981. - 217 p.

Цитируемая литература

М.Шолохов Тихий Дон. - М.: Воениздат, 1964.

С.М.Буденный. Пройденный путь. - М.: Воениздат, 1958.

А.И.Еременко. В начале войны. - М.: Наука, 1964.

M.Sholokhov. And quiet flows the Don. - M.: Coop.Publish. Society, 1939.

S.Budyonny. The path of Valour. - M.: Progress, 1972.

A.Eremenko. The Arduous Beginning - M.: Progress, 1966.

Нгуен Тует Май

СИТУАТИВНАЯ СЕМАНТИКА РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА
(на материале вьетнамского, русского и английского языков)

Современный период в развитии языкознания характеризуется острым интересом к таким новым научным направлениям, возникшим на "стыке" наук, как социолингвистика, психолингвистика, паралингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение, которые отражают общее стремление познать проблемы "язык и культура", "язык и человек", а в конечном счете - природу человеческого общения.

В аспекте этих проблем лингвисты рассматривают особую систему устойчивых формул общения, которую обозначают термином речевой этикет (РЭ).

РЭ - это особая система устойчивых формул общения, вербально обслуживащая этикет поведения. РЭ тесно связан с национальной спецификой устойчивых и фразеологически связанных выражений (нередко - безэквивалентных), с обычаями, привычками, обрядами того или иного народа.

РЭ, понимаемый как ритуализированное, отражающее существенные социальные критерии, речевое поведение человека в обществе, характерен для диалогической речи, чаще контактного, реже - дистантного общения; он воспроизводится носителями языка интуитивно и не поддается во многих своих элементах рациональному объяснению с точки зрения синхронии; РЭ не всегда совпадает в различных культурах, (вследствие чего речевое поведение иностранца, не владеющего РЭ, может привести к культурному шоку).

Участники акта коммуникации в процессе общения используют определенные лексические средства в соответствии с : I) характером ситуации, 2) характеристиками собеседников (пол, возраст, социальный статус, знакомство, родство и т.д.) 3) иерархией социального положения собеседников (то есть в соответствии с тем кто, когда, где и с кем говорит), 4) а также с функциями высказывания.

Таким образом, РЭ - это национально специфические правила речевого поведения, применяемые в ситуациях вступления собеседников в контакт и поддержания общения в избранной тональности соответственно обстановке общения, социальным признакам коммуникантов и характеру их взаимоотношений [I] .

Проблема РЭ стала привлекать внимание лингвистов лишь с недавних пор и в основном в связи с обучением иностранным языкам (в частности - русскому, как иностранному). В зарубежной лингвистике отдельные аспекты РЭ рассматриваются с точки зрения социальной интерпретации, то есть как вопросы социолингвистики. Проблеме же перевода единиц РЭ внимания уделялось совсем мало, да и то в основном лишь переводу обращений. В нашей статье мы хотели бы более подробно остановиться на проблематике перевода единиц РЭ, но поскольку пределы статьи не позволяют затронуть все речевые ситуации, входящие в рамки РЭ, мы рассмотрим лишь наиболее интересные с точки зрения переводоведения случаи.

Говоря о РЭ в аспекте перевода, мы чаще всего имеем в виду творческий поиск готовых формул в языке перевода (ПЯ), которые бы наиболее всего соответствовали единицам РЭ языка оригинала (ИЯ) по всем параметрам: семантически, стилистически, прагматически (что подразумевает учет многочисленных экстралингвистических факторов). Однако, очень часто РЭ представляет большую трудность для

переводчика, особенно в тех случаях, когда слишком различаются структуры ИЯ и ПЯ и культуры народов - носителей этих языков.

Выше мы уже говорили о том, что единицы РЭ - своего рода клише, стереотипы, постоянные по составу и устойчиво прикрепленные к стереотипным ситуациям. Благодаря устойчивости их синтаксической формы и лексической наполненности некоторые специалисты относят их к особому классу фразеологизированных предложений [I, 2].

Подобно другим устойчивым словосочетаниям и предложениям, стоящим на грани фразеологии, единицы РЭ обычно переводятся следующими способами:

- воспроизведением существующего в ПЯ и закрепленного за данной ситуацией эквивалента, например: "Извините", "Простите" - I'm Sorry, Excuse me ...; "Спасибо" - Thank you;

- при помощи функциональной замены, (в основе которой часто лежит прием целостного преобразования): Is Mr.Brown there, please? Позовите, пожалуйста, к телефону мистера Брауна; Mời anh tới nghe điện thoại (букв."Приглашаю вас подойти послушать телефон" - Вас к телефону, или Подойдите, пожалуйста, к телефону!;

- путем калькирования (если, например, в ПЯ нет подобной речевой ситуации и ее обслуживающих речевых единиц); так в ситуации знакомства, в отличие от русских, вьетнамцы очень редко знакомятся без посредника и практически не используют формулы "Ta hãy làm quen với nhau đi !" (букв."Давайте познакомимся") или " Cho phép tôi được tự giới thiệu ..."(букв."Разрешите/Позвольте представиться") в повседневной жизни. Однако в переводной литературе эти кальки встречаются очень часто, и можно даже сказать, что они в некоторой мере вошли во вьетнамский язык художественной литературы.

Сюда, пожалуй, можно отнести перевод на русский язык некоторых вьетнамских обращений и некоторых русских - на вьетнамский: так, при переводе на русский составные обращения типа "тетушка Ван", "дядюшка Там", "сестрица Ван" и т.п. (где термины родства представляют особую категорию обращений) обычно переносятся для создания колорита. Русские обращения типа обращений по имени-отчеству, по отчеству, фамилии переносятся во вьетнамский язык с добавлением особых элементов ПЯ: Анна Петровна (обращение млад-

шего к старшему) - Cô Anna Pêtrôvna (букв."младшая тетя Анна Петровна"), если адресат младше родителей адресанта или bác Anna Pêtrôvna (букв."старшая тетя Анна Петровна") - если она старше родителей адресанта и т.п.

Иногда переводчик может столкнуться с тем, что в одной и той же речевой ситуации в разных языках употребляются совершенно разные - по семантической наполненности и по цели - единицы 13. Так, например, если русские в начале трапезы говорят "Приятного аппетита", то вьетнамцы, приступая к еде, вместо этого должны произнести: Mời bố, mời me... ăn cơm (букв."Приглашаю папу, приглашаю маму ... кушать"). За еду вьетнамцы не благодарят (в отличие от русского "ритуала", когда, закончив еду, говорят "Спасибо" и слышат в ответ "На здоровье"), а в некоторых областях Вьетнама те, кто раньше других кончил есть, повторяют первоначальное приглашение для тех, кто остается за столом.

Думается, в этом случае не стоит вносить в ПЯ (путем калькирования) несвойственные ему единицы ИЯ, если, конечно, они не играют какую-нибудь важную роль в тексте. Задача переводчика будет состоять в том, чтобы найти употребляемый в данной (или подобной) ситуации функциональный аналог единице ИЯ. Подобный способ перевода мы назовем ситуативной заменой.

Однако даже в случаях, когда в обоих языках ИЯ и ПЯ есть равноценные эквиваленты, при переводе они не всегда заменяются друг другом. "Фактически перевод никогда не ограничивается выбобором из числа тех элементов, которые зафиксированы в словарях (даже подробных) как соответствия определенному слову оригинала. В практике переводческой работы встречается много случаев, когда используются слова, непосредственно не предусмотренные словарем ... " 3. с.142 . Возьмем для примера самые простые единицы:Hello (Hallo), How are you? и How do you do?

БАРС дает для Hello! два русских эквивалента: Алло! и Привет!. В переводах Хемингуэя на русский язык Hello в основном транскрибируется и очень редко переводится как Привет! (Фиеста, 231, 217). Явное предпочтение переводчика замене эквивалентом прямого переноса в текст ПЯ специфичного элемента ИЯ объясняется стремлением передать в полной мере колорит описываемой автором ситуации.

Здесь уместно привести еще один эквивалент английского Hello! - "Здравствуйте!". Ведь именно так (а не "Привет!") следует передавать приветствие преподавателя, входящего в аудиторию и ответ студентов на приветствие.

Для выражения How are you? БАРС дает один эквивалент - "Как поживаете?". Однако русский вопрос требует ответа, тогда как английский нередко выступает как односторонее приветствие, за которым не следует никаких ответов-пояснений. Например:

"Hello, Jake. Have a good trip?"

"Fine", I said. "This is Bill Gorton".

"How are you?" (Fiesta, 160).

"- Хэлло, Джейк! Как доехали?

- Отлично, - сказал я. - Это Билл Гортон.

- Здравствуйте. " (Фиеста, 346).

В своей книге Э.Гоффман [6. С.109] приводит в качестве примера "небрежных приветствий" (passing greetings) ситуацию, когда оба коммуниканта опускают ответ на этот вопрос:

A - How are you?

B - How are you?

Другой пример:

A - How are you?

B - Hi.

Языковой материал свидетельствует о том, что данный английский оборот является бифункциональным и перевод его зависит от соответствующей реакции коммуниканта. Этот факт не следовало бы упускать из виду лексикографам.

В ряде случаев отказ от словарных соответствий при переводе формул приветствий диктуется характером развития ситуации и статусом участников коммуникации. Так, для How do you do? в БАРСе мы находим два эквивалента - "Здравствуйте!" и "Как поживаете?". Однако общеизвестно, что приветствие How do you do? наиболее тесно связано с ситуацией знакомства и употребляется преимущественно после того, как оба знакомящихся, при помощи третьего лица, были представлены друг другу.

В русском языке наиболее частотной формулой, которой обмениваются знакомящиеся (особенно, если хотят быть подчеркнуто лю-

безными друг к другу будет встречная фраза "Очень приятно!". Именно ею и воспользовался переводчик "Пигмалиона", чутко уловив, что Элиза Дулиттл постарается "звучать" как светская дама:

Mrs Eynsford Hill (introducing) : My daughter Clara.

Liza : How do you do?

Clara : How do you do? (Pigmalion, 57-58).

"Миссис Эинсфорд Хилл (представляет) Моя дочь Клара.

Элиза : Очень приятно.

Клара : Очень приятно" (Пигмалион, 235).

Далее мы хотели бны остановиться на некоторых трудностях, с которыми может столкнутьоя переводчик при переводе обращений к лицу (сфере РЭ, где наиболее ярко проявляются национально-специфические особенности языка), в частности - при переводе на вьетнамский язык.[I]

Общеизвестно переводческое правило, что переводить на язык, в котором больше единиц, описывающих какое-либо явление, предмет (в данном случае - единиц обращений) всегда труднее, чем наоборот. Действительно, перевод обращений на вьетнамский язык может доставить много трудных моментов : в центре системы форм обращения вьетнамского языка лежат около 20 вокативов-терминов родства (дедушка, бабушка, тетя, дядя и т.д.), которые могут выступать как своего рода "функциональные местоимения", то есть несут ту же функцию, что и личнее местоимения I-го, 2-го и 3-го лица в европейских язнках. Кроме этого, существуют еще около десяти местоимений I-го лица и примерно столько же 2-го лица, а также некоторые другие существительные, употребляемые в этом качестве. Понятно, что наличие такого большого количества местоимений, которые к тому же четко дифференцируются по признакам возраста, пола, степени знакомотва, социальным и другим экстралингвистическим признакам, совсем не облегчает жизнь переводчикам. Возьмем, к примеру, известное стихотворение Пушкина " Вы и ты": "Пустое "Вы" сердечным "ты"/ Она обмолвясь заменила ...". Здесь в ИЯ сигналом переключения отношений[2] выступают местоимения 2-го лица.

I О переводе с английского на русский и с русского на английский см. [2, 3].

2 Более подробно см. [I] .

Однако во вьетнамском языке изменение местоимений 2-го лица не всегда является достаточным условием, так как они должны находиться в строгом соответствии с местоимениями I-го лица, которые чаще всего и являются подобным сигналом. Поэтому при переводе на вьетнамский язык этого стихотворения русские "Вы" и "ты" заменяются вокативами в роли местоимений I-го лица "tôi" и "em" выражающими разную степень знакомства по шкале официальность/неофициальность, доверительность, интимность.

К вопросу о переводе местоимений, вскрывающих характер взаимоотношений коммуникантов, можно отнести пример другого рода. Известно, что в русском языке, если при установившемся обращении на "ты" адресант обратился к адресату на "вы", это может означать ссору, изменение отношений или же попытку сокрытия интимных отношений перед третьим, присутствующим лицом. Однако если, например, ссорятся супруги, у русских не происходит сдвига в форме обращения "ты" → "вы" (об английском языке мы не говорим, там существует всего одна форма "you"), у вьетнамцев же в такой ситуации чаще всего этот сдвиг происходит: установившееся обращение на anh/em ("ты/я", "я/ты") переходит на anh/tôi ("вы/я" - обращение жены к мужу) и cô/tôi ("вы/я" - обращение мужа к жене). Следовательно при переводе на русский такой сигнал переключения отношений, по всей видимости, будет опускаться. Например:

" - Ngày mai anh (букв. "ты") chửa may áo thì ngày kia may. Không chết ai đâu. Nhủng em (букв."я" - интимное обращение жены к мужу) cần phải nói với anh điều này ...

- Điều gì?

- Sao trước đây anh mềm mỏng thế?

- Thì đã sao?

Nhân cười nhạt. Nụ cười anh khả ố. Tôi thét lên:

- Sao trước kia anh nịnh nọt tôi (букв. "я" - с оттенком отчуждения) nhiều thế? Anh là người giả dối ...

- Cứ cho là thế đi.Cô(букв. "вы") làm gì tôi nào?"

(Chuyện tình, 77)

Перевод может быть примерно таким:[I]

I Перевод автора.

" – Завтра не успеешь сходить в ателье, так пойдешь послезавтра, никуда оно не денется. А я должна поговорить с тобой ...

– О чем?

– Ведь раньше ты был таким мягким и нежным.

– Ну так что же?

Его губы скривились в наглой ухмылке. Я не выдержала и закричала:

– Что же ты раньше так подмазывался ко мне, обманщик несчастный!

– Пусть так, ну и что ты мне сделаешь сейчас? ..."

Как мы видим, смена форм обращения в переводе сделала бы "звучание" русского текста не очень естественным, и поэтому мы сняли этот сдвиг в обращении.

Наряду с вышеназванными приемами, при переводе единиц РЭ может также использоваться добавление. Так, например, во вьетнамском языке частотность употребления единицы приветствия типа Chào или Xin chào[I] – Здравствуйте! гораздо меньше, чем частотность употребления ее эквивалентов в русском и английском языках. Вместо этой основной формулы (которая в большинстве случаев входит в речевой компонент приветствия старших младшими или незнакомых, малознакомых людей) младшее и среднее поколение, а также равные в социальном плане и хорошо знакомые люди обычно "здороваются" возгласами радости, удивления типа: " A, anh Tâm! – "A, Там!", "Ô, Lan đây à?" – "О, это ты, Лан?," или вопросами о здоровье, делах или же вообще не здороваются. Однако это вовсе не означает, что вьетнамцы не вежливые люди (ср., например, с английским языком, где ответная реплика на приветствие может отсутствовать: A – Good morning. Can I help you? B – Yes, please...).

В подобных случаях, думается, нужно вводить в перевод характерные для ПЯ единицы, иначе читатель может воспринять отсутствие свойственных данной ситуации единиц как отклонение от нормы. Например:

"... một chủ nhật Nhân đèo tôi tới cửa hàng bách hoá mua vải bông gặp Thu béo ... ;

I Практически это единственная формальная единица РЭ, используемая и для приветствия и для прощания. В отличие от русского и английского языков, во вьетнамском не существует приветствий, отражающих время, типа "Доброе утро, Добрый день/вечер ..."

– Ô kìa, Giang! Nhân! Chung mày lấy nhau dấy à? (Chyyên tinh,9)
(букв. "... в одно воскресенье Нян повез меня в универмаг за тканью, и вдруг мы встретили толстую Тху ...
– О, Зянг! Нян! Вы поженились?)

Эквивалентный перевод этого фрагмента может быть таким:

"Однажды, когда Нян повез меня в универмаг, мы встретили толстушку Тху:

– Занг, Нян! Здравствуйте! Вы что, уже поженились?"

Подытоживая все выше сказанное, хотелось бы еще раз повторить, что этикетные правила тесно связаны с традициями и обычаями разных народов и могут отличаться как в малых социальных группах, так и в нациях, культурах. Несомненно, в каждом языке существуют лексические единицы, обслуживающие ту или иную речевую ситуацию, но в каждой из ситуаций набор формул РЭ может различаться в разных языках по количеству единиц, по семантической наполненности, по стилистической окраске, по частотности употребления и по некоторым экстралингвистическим факторам. Это создает дополнительные трудности для переводчика, хотя, по сути дела, перевод единиц РЭ сводится, в основном, к творческому поиску функциональных эквивалентов или ситуативных аналогов (соответствий).

Таким образом, единицы РЭ в тексте обычно переводятся при помощи абсолютных и функциональных эквивалентов, ситуативно-эквивалентной и чисто ситуативной замены, путем калькирования, а также при помощи таких переводческих приемов, как добавление и опущение. При этом важно всегда помнить, что ни один словарь не в состоянии предвидеть все возможные варианты и ситуации, в которых данная единица (здесь – единица РЭ) может переводиться так или иначе. Поэтому поиск нужного соответствия такой же творческий процесс, как и весь перевод в целом.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУУ

I. Н.И.Формановская. Употребление русского речевого этикета. – М.: Русский язык 1982. – 192 с.

2. С.Влахов, С.Флорин. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1986. – 352 с.

3. А.В.Федоров. Основы общей теории перевода. – М. :Высшая школа, 1983. – 303 с.

4. Л.С.Бархударов. Язык и перевод. - М.:Межд.от-ия,1975. - 238 с.
5. В.Н.Комиссаров. Лингвистика перевода. - Межд.от-ия,1980.-166 с.
6. E.Goffman. Relation in Public. - Harmondsworth : Midd'x, 1972.- 250 p.

Цитируемая литература

Э.Хемингуей. Фиеста. Избранное. - М.; Прогресс, 1980.
Б.Шоу. Пигмалион. Избранные произведения в 2-х томах. т. 2. - М., 1956.
E.Hemingway. Fiesta.- M.: 1981.
Chuyên tinh - Duong Thu Huong - Chuyên tinh kê truoc luc rang dông. NXB Hà nôi, 1986.
БАРС - Большой Англо-Русский словарь.

С.Я.Шмаков

СЕКСИЗМ : НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ЯЗЫКЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Давно известно, что один из крупнейших городов Британии пишется Liverpool, а читается Manchester. Похоже, однако, что скоро эта традиция уйдет в прошлое: Manchester будет произноситься Personchester. Это, конечно, лингвистическая шутка, но в ней, как и в каждой шутке, есть известная доля истины. В настоящее время в Великобритании все большие масштабы получает борьба против "сексизма" в языке. В 1976 году в связи с усилением феминистского движения Парламент страны принял так называемый "Секс Дискриминейшн Акт", направленный против различных проявлений нарушения прав женщин.

Прежде всего, что такое сексизм? Сексизм - это практика дискриминации женщин в современном капиталистическом обществе, это - различные пути выражения превосходства мужчин над слабым полом во всех сферах общественной жизни - трудоустройстве, политике, семейных отношениях, (ср. "расизм" - дискриминация по расовому признаку). Язык, будучи зеркалом реальной жизни, отражает и ро-

довые различия в отношении Homo Sapiens. Лексика английского языка имеет категорию рода. Существуют парные понятия: girl/boy, woman/man; sister/brother; husband/wife; spinster/bachelor; etc. Без подобного различия язык попросту не может функционировать. Как и во многих языках мира, в английском языке нормированным, то есть общим родом является мужской.

В случаях необходимости подчеркнуть принадлежность к женскому роду традиционно используется суффиксация - ess; - ette: mistress, cosmonette. Другим распространенным приемом маркирования женского рода является использование существительных в атрибутивной функции. Например: lady doctor, woman cellist, etc.

В общем для обоих родов значении употребляются местоимения he; существительное man и их производные. До сих пор в английском языке женский род вполе успешно уживался с этой нормой, и каких-либо проблем в данной связи не возникало. Но каждое время оказывает свое влияние на приоритеты в общественных отношениях и их языковое выражение. Сейчас весьма остро встал вопрос о выражении родовых различий в речи преимущественно в текстах, имеющих то или иное отношение к политике: политических документах, жанрах газетно-публицистического стиля и т.п.

Однако движение против сексизма порождает свои специфические нормы и правила в языке. Наряду с появлением в языке слов, отражающих само новое веяние: sexism, male chauvinism, sexual harassment, gender (в значении "пол"), sisterhood; наблюдается тенденция, связанная порой с чрезмерно болезненной реакцией женщин на существующие родовые различия в языке. Считается, что большинство слов, относящихся к женскому денотату, имеют еще и добавочное пейоративное оценочное значение или имеют более низкий стилистический, и соответственно, социальный, статус.
Ср.: master / mistress; manager / manageress.

Со всей серьезностью ставится вопрос о реформе английского языка [I. С.4I] , которая, как полагают, будет способствовать большему равноправию женщины. Апологеты подобной реформы строят свои позиции на следующих утверждениях:

- "сексистские" слова звучат оскорбительно для большинства женщин. Употребление слов без выражения категории рода не будет

наносить им моральный ущерб.

– отказ от использования маркированной лексики будет символически утверждать равноправие женщин и мужчин в современном обществе.

Таким образом, провозглашается своеобразная политика нейтрального в родовом отношении языка.

Первым кандидатом на замену является общеродовое местоимение he. Еще 50 лет назад сэр Джон Адамс предложил использовать в качестве общеродового местоимения третьего лица единственного числа thir, хотя предложение это и не получило поддержки [2.С.93]. Реально же единственным вариантом замены такого местоимения пока представляется they, хотя это часто нарушает правила. Подобное использование местоимений еще не зарегистрировано в грамматиках, но they широко распространяется в языковой практике, ломая все привычные правила и нормы согласования.

Ср.:Nobody wants to be called sexist now, do they? [3. С.28].

Такое же согласование можно все чаще встретить в случаях употребления местоимений everyone, anyone, someone. Таким образом налицо употребление they и соответствующей личной формы глагола в согласовании с местоимением в единственном числе. Искуственно созданное thir уступило место более знакомому they

Ср.: If a subscriber wants their number changed ...
Does your child need extra tuition with their English?
Not every drug addict can solve their problem so easily.
[3. С.39-40].

Правда, пока еще рано говорить о новой норме как уже сложившейся, так как носители английского языка в своей массе оказывают упорное сопротивление такой неграмматичной конструкции. Положение складывается несколько щекотливое: никому не хочется прослыть сексистом, но и на прямое нарушение заложенных еще в начальной школе твердых правил не поднимается рука. Выходы из этого положения находятся самые разнообразные и хитроумные, предлагаются парные или дробные местоимения, порядок расположения которых варьируется на протяжении всего текста: he or she; he/she; используются скобки – (s)he. Такое употребление местоимений сопоставимо с некоторыми

случаями использования родовых окончаний имен существительных в русском языке в официально-деловом стиле (на служебных бланках обычно заложены два варианта окончаний - мужское и женское).
Ср.: Граждан$^{ин}_{ка}$ .....направляется за границу .....

Авторы письменных текстов прибегают к довольно хитроумным способам чередования местоимений he и she и их производных. Так, в первом предложении, в котором речь идет о человеке вообще без специального указания на родовую принадлежность, употребляется, например, he. В следующем - she, и так далее.

Следует отметить, что даже при такой осторожности трудно избежать обвинений в сексизме. Какое из местоимений поставить первым? Ведь даже при использовании дробных местоимений преобладает мужской род. В таких случаях нередко прибегают опять-таки к чередованию: he/she в первом предложении, в следующем she/he и т.д. Можно также употребить и просто местоимение мужского рода he с последующим извинением перед дамами в виде примечаний, скобок, сносок и т.п.

Следовательно, налицо зарождение начал новой нормы в современном английском языке, пока еще официально не признанной, но существующей в реальной живой практике. А пока новая норма еще не может считаться таковой, обе тенденции - старая и новая - сосуществуют. Вероятно, общий стиль и жанр текста может диктовать выбор варианта.

Ср.: I. **Everyone likes her, doesn't he?**
Everyone likes her, don't they?

2. **When a person has no will to live, he is often difficult to help.**
When a person has no will to live, they are often very difficult to help.

3. **Someone threw himself off a cliff.**
Someone threw themselves off a cliff.

Примечательно, что несмотря на распространение новых норм и правил, старые традиции, благодаря их, вероятно, естественной человеческой природе, преобладают, и все новообразования со словом, например, "person" безоговорочно относятся носителями языка к женскому роду. Если в случае с "chairman" речь, без-

условно, идет о мужчине, то "chairperson" воспринимается однозначно как представительница слабого пола. Цель, поставленная борцами против сексизма, не достигается, все усилия оказываются напрасными. Здесь уместно привести высказывание газеты "Санди Таймс": True justice to a steamed pudding can only be done by a true trenchman; I use the term abusedly, for I have never met a trenchperson whose curves could expand to accumulate a second helping". [1. P.46] .

Интересное и ироничное замечание делает Ф.Говард [2] по поводу антисексистских тенденций в английском языке. Дело в том, пишет он, что ведь само слово "woman" (Old English - "wifman") содержит в себе суффикс с четко выраженной принадлежностью к мужскому роду. Не приведет ли активность борцов за родовую нейтральность английского языка к появлению какого-нибудь "woperson"? [2. P.95] .

Для нас, не носителей языка, данное явление создает немало трудностей в нашей ежедневной переводческой и преподавательской деятельности. Конечно, при переводе прагматическая адаптация требует учета всех современных тенденций и особенно такого болезненного вопроса, как различного рода дискриминация, ведь это вопрос, в первую очередь, политический. И ошибки могут вызвать весьма далеко идущие последствия. Причем учет отношения к сексизму в среде адресата не ограничивается одним использованием местоименных форм, он может затрагивать и форму, и содержание переводимого текста.

В связи с этим интерес представляет реакция редакторов - носителей языка на статью, опубликованную в газете "Moscow news". Статья посвящена XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве. Содержание этой статьи признано интересным и важным для британского читателя. Однако отдельные формулировки оказываются неприемлемыми для современных англичан и могут свести на нет весь пропагандистский заряд публикации.

Замечания касаются самого первого абзаца статьи. Это "lead" или "intro", который, как известно, является наиболее важным в структуре газетной статьи, так как он вкратце дает информацию обо всем содержании статьи и привлекает внимание читателя.

Первый образец статьи «Getting to Know Each Other, We Gain Strength", начинается фразой: "All girls look fresh and lovely, but far from all look intelligent. This is why people were so impressed by the alert and intelligent eyes of the girls gathered at the Festival's Centre for the Rights of Young Women. Their discussions of the role in the social and political life of their countries equally impressed me. Women delegates were speaking about themselves, about the organizations they represented, and about women's problems. (Moscow news, 11.09.85, N 32, 13).

После прочтения подобной фразы, вполне безобидно звучащей в русском оригинале, английский читатель вряд ли захочет ознакомиться с дальнейшим содержанием статьи. Но это еще полбеды. У адресата может вообще сложиться неправильное впечатление о социалистической демократии и положении женщин в СССР.

Не говоря о том, что для английского языка нехарактерно обобщение (традиционно предпочтителен индивидуальный подход к людям), употребление слова "girls" в данном случае неприемлемо по отношению ко всем молодым женщинам. Во-первых, это невозможно из-за серьезного стиля статьи, а серьезный стиль в отличие от стиля массовой буржуазной прессы диктует свои требования. Во-вторых, это статья о женском движении, о борьбе женщин за равноправие и против сексизма. Здесь, как нигде, следует быть осторожным к способу выражения мысли. (В письме редакции газеты "Soviet Weekly" по поводу данной публикации замечено, что в серьезной прессе на английском языке никогда не используется слово "boy" применительно ко всем молодым мужчинам).[1]

Продолжение фразы "look fresh and lovely", помимо некоторой игривости, характеризуется несоответствующей расстановкой акцентов. Получается, что внешние данные занимают преобладающее положение в характеристике молодых представительниц демократической молодежи. Это опять же неприемлемо для стиля серьезной газеты. Следующие слова "far from all girls look intelligent" звучат почти оскорбительно, так как они подразумевают, что по первому внешнему впечатлению можно сделать окончательный вывод о внутренней культуре молодой женщины. Внешние факторы в настоящее время

I Письмо было опубликовано в "Moscow news" (II.09.85, № 32).

несколько утратили свое значение для западного общества. Кроме того, сексистское отношение к женщине прослеживается в этой фразе, так как она подразумевает, что молодые мужчины, вероятно, всегда выглядят более совершенными в интеллектуальном отношении.

Таким образом, англоязычный читатель после самых первых строк получает неблагоприятное впечатление об идейных позициях авторов статьи.

Несколько в меньшей степени, но также неудачным оказывается и второй абзац статьи: "Because of her cropped haircut Sylvie Dieu, a slim and unpretentiously dressed young woman from France, resembles a boy. As it turns out, however, she is a serious and dedicated worker and an activist of the Communist Youth movement". (Moscow news.11.08.85, N 32, 13).

Подобное описание женщины можно встретить в западной массовой прессе.

Ср.: "Jane Smith, 43, blonde, busty mother of four". (The Mirror, 4.06.86,4). Оно подразумевает опять же преимущественно физические характеристики женщины. В серьезной же статье серьезной газеты подобный подход неуместен.

В таком же ключе развивается и продолжение фразы: "Sylvie Dieu, a slim ..... young woman from France, resembles a boy". Во избежание обвинений в сексизме следует поставить на первое место то, что говорит и делает эта женщина, а не ее внешность.

Фраза вместе с ее продолжением "As it turns out, however, she is a serious and dedicated worker, an activist of the Communist Youth Movement", по мнению англичан, имеет два возможных варианта прочтения:

I). Характеристика героини положительная, так как она женщина, хотя внешне и похожа на мальчика.

2). Несмотря на стройность и простоту героини, удивительно, что она может быть серьезным и преданным делу активистом.

И то и другое толкование неприемлемо для советской газеты и, как представляется, не отражает замысла самих авторов статьи.

В заключение хотелось бы сказать, что для переводчика чрезвычайно важен учет общественных тенденций в жизни стран носителей языка и их лингвистически опосредованное выражение. Без учета этих факторов нельзя говорить об адекватности перевода.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. J.Coates. Language and Sexesm. The British Association for Applied Linguistics. - Newsletter, N 23, 1985. - P.41-65.

2. P.Howard. New Words for Old.- L.:UNWIN Paperbacks, 1977, 125 p.

3. K.Wales. Problems of Pronoun Concord or No one's Sexist, Are They? // UEA Papers in Linguistics. - L.: UEA Press, 1984. - P.28-45.

Н.А.Кириченко

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Цель перевода - точно и адекватно передать средствами другого языка смысловое содержание оригинала, сохранив его стилистические характеристики. В том случае, когда язык перевода (ПЯ) является национально-негомогенным, то есть используется не одной, а несколькими нациями (например, английский язык включает национальные варианты Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и других англоговорящих стран) в задачу переводчика входит также учет особенностей национального варианта ПЯ, отражающего специфику языка и культуры данной нации.

Обширное географическое распространение английского языка, а также значительный объем выполняемых им функций объясняют и вызывают своеобразие функционирования языка в каждом из англоязычных государств. Однако, по мнению П.Стривенса, все страны, для которых английский является родным, могут быть поделены на две группы: страны, тяготеющие к американскому варианту (American English family), и страны, тяготеющие к британскому варианту (British English family)[I. С.18]. Данная классификация не означает игнорирования национального колорита английского языка в каждой из зон распространения или подчиненного положения какой-

либо из его разновидностей, она лишь указывает на возникновение такого деления вследствие "языкового контакта" с Великобританией или США [I. С.I8] .

Переводческая служба в Европе, замечает Ч.Берлиц, проводит четкое разграничение между американским и британским английским: "Клиента непременно спрашивают, на какой из этих "языков", по его желанию, следует перевести материал" [2. С.292] .

В этой связи особый интерес вызывает изучение черт сходства и различия американского (АЕ) и британского (ВЕ) вариантов как двух основных вариантов английского языка, для современного этапа развития которых характерно их взаимодействие на всех уровнях языка.

АЕ и ВЕ обнаруживают ряд расхождений фонетического, морфологического, лексико-семантического и синтаксического характера, многие из которых были предметом специальных исследований. Наименее изучены межвариантные расхождения в структуре и лексическом наполнении словосочетания, то есть вариативность словосочетания как один из аспектов вариативности языка вследствие его функционирования в разных ареалах.

Важность изучения словосочетания обусловлена тем, что именно в словосочетании лексическая единица реализует свои потенциальные возможности, что словосочетание как "единица в строении речи" (термин А.И.Смирницкого) и как минимальный осмысленный отрезок речи через предложение входит в сферу коммуникации, одним из актов которой является перевод.

В статье ставится задача выявить своеобразие функционирования лексических единиц в АЕ и ВЕ на уровне словосочетания, определить факторы межвариантных расхождений и показать необходимость и важность учета этих расхождений для осуществления адекватного перевода. Объектом исследования послужили свободные (переменные) словосочетания и устойчивые сочетания нефразеологического характера.

Новые условия существования английского языка на американском континенте, непосредственно связанные с отдаленностью и изолированностью американских колоний от Англии, спецификой американской действительности, а также широкие контакты с языками аборигенов

и колонистов из других стран способствовали формированию отличительных черт английского языка в США.

В основе отклонений американского варианта от британского литературного образца, носителями которого были первые переселенцы из Англии, лежало частичное несовпадение языковых инноваций, возникавших в двух странах. Центром инноваций, как правило, была Англия, но далеко не все инновации достигали США. Инновации возникали и в США, но нерегулярность связей между колониями и метрополией приводила к тому, что эти явления носили разновременный и отличительный характер в Америке и Англии.

Поэтому одним из факторов, обусловливающих расхождения в сочетаемости языковых единиц между AE и BE, следует считать использование одним из вариантов языка в составе словосочетания элементов, архаичных для современного состояния другого варианта.

Выходом из употребления в Англии и сохранением в США fall в значении "autumn" мы обязаны таким словосочетаниям в AE, как fall fashions, fall leaves, etc. (словосочетания autumn fashions, autumn leaves, etc. относятся к общеанглийскому ядру (GE).

The air was briskly cool, <u>fall leaves</u> were blowing in a gusty wind ... (A.Hailey, 96).

С другой стороны, в словаре BE имеются единицы, уже не встречающиеся в AE - fortnight ("two weeks"), fortnightly, поэтому словосочетания, в состав которых они входят, характерны лишь для BE: a fortnightly visit, fortnightly orders, sailings to Bombay.

Возникновение в одном из вариантов локально маркированного, то есть территориально ограниченного, лексико-семантического варианта (ЛСВ) в семантической структуре общеанглийского слова вызывало расхождения в словосочетаемости единиц в AE и BE. Поэтому вторым фактором, объясняющим межвариантные расхождения в структуре и лексическом наполнении словосочетания, является наличие в AE и BE локально маркированного ЛСВ в структуре слова, принадлежащего к общеанглийскому ядру.

Как правило, большинство значений этих слов совпадает в обоих вариантах, и лишь часть присущих им значений характерна для AE и BE, что проявляется в специфике сочетаемости этих единиц в каком-либо варианте. Так, например, у переходного глагола to

check - общеанглийские значения "to stop, restrain" - to check the fire, the enemy's advance, "to test, verify" - to check figures, statements, "to find out and note" - to check the temperature сосуществуют с американскими: I) "to send (baggage) on a traveler's ticket to a particular place" - I shall check my bag through to Chicago [3. P.347]

2) "to place (something) somewhere to be looked after" - In the next club there was a strip show. Elaine followed Benjamin through the door, removed her coat and checked it (C.Webb, 98).

В семантической структуре глагола to hire наряду с общеанглийскими значениями "to get the use of (something) for a special occasion on payment of a sum of money" - to hire a boat, clothes; "to employ (someone) for a time for payment" - to hire a teacher, a consultant, a caterer имеется значение, специфичное для AE "to borrow money at interest" - to hire money. Глагол to adopt в сочетании to adopt a candidate используется в значении "to accept as the candidate of a political party for election" только в BE.

Американизмами или бритицизмами в данных сочетаниях являются глаголы в своих отдельных значениях, а не во всей полноте семантического объема, то есть ЛСВ общеанглийских слов, что находит свое проявление в дистрибуционных различиях, показателем которых служит переменный лексический контекст.

Более широкую сочетаемость в AE имеют такие глаголы, как to fix, to raise. Переменный лексический контекст конструкции "to fix + существительное" свидетельствует о реализации серии ЛСВ глагола, характерных для AE - "to repair, get ready, cook, comb, concoct, put in order" - to fix breakfast, coffee, a drink; to fix one's hair, one's face.

В аналогичной конструкции глагол to raise преимущественно распространен в AE в значениях "to produce, cause to grow or increase, and look after (living things); bring up (children)" - to raise a family; to raise horses, chickens; to raise wheat, potatoes. The farmer raises chickens and corn [3. P.1725].

Особенности лексической сочетаемости глагола to christen в

BE выявляются из сочетаний to christen a car, motor-cycle, etc., где глагол используется в значении "to use for the first time":

Have you christened your car yet? [4 . C. 183] .

Преимущественно в AE прилагательное cheap реализует значение "careful with money, tight" в сочетаниях a cheap man,boy,etc.

He's the cheapest man in town, he's never bought any of his friends a drink [4 . C. 175] .

Независимый путь развития английского языка в США и Англии создавал предпосылки для своеобразной реализации в каждом из ареалов возможностей, заложенных в системе английского языка, что проявилось, во-первых, в формировании у общеанглийских единиц синтаксических особенностей (AE - to protest a decision : GE - to protest against at a decision), и, во-вторых, в образовании локально маркированных ЛСВ с отличительными синтаксическими потенциями в структуре общеанглийских слов.

Именно синтаксическая модель словосочетания to visit in/at some place выявляет присущее лишь AE значение "to stay": Anyone who's visiting in Edinburgh ought to go and see the castle. We always visit at the Savoy Hotel when we're in London 4. C.1227 .

Особенностью AE является и использование глагола to visit в сочетании to visit with a person - " to talk socially with a person".

Совокупность лексического и синтаксического контекстов глагола to close сигнализирует о реализации в AE в сочетании to close out goods значения "to try and get rid of (goods) by selling at reduced prices" и в BE в сочетаниях to close with a person, an offer значений "to come to an agreement with a person; to agree to an offer".

This shop is closing out everything next week.

The 2 ministers didn't close with each other until near the end of the meeting. [4. C. 198] .

Третьим фактором, предопределяющим расхождения между AE и BE на уровне словосочетания, следует назвать семантические сдвиги, которые привели в несовпадению семантических объемов ЛСВ общеанглийских слов в AE и BE. Так, например, в AE to graduate (from) означает to complete an educational course и сочетается не только с существительными college, university, как в BE, но и high

school, a school of cookery, etc., то есть с названием любого учебного заведения (в BE ему соответствует глагол to leave - to leave school).

You still look as though you're just about to graduate from high school.(I.Shaw, 54.)

ЛСВ глагола to hunt - "to chase in order to catch and kill (animals and birds) either for food or for sport" используется в AE для обозначения любого вида охоты - на птицу и на зверя, в BE он употребляется лишь для номинации охоты на зверя (как правило, на лошадях с собаками) - to hunt foxes, hares, deer, etc., а to shoot для обозначения охоты на птицу - to shoot ducks, geese, etc.

AE - to go hunting <
- BE - to go shooting - to go after animals or (more often) birds
- BE - to go hunting - to chase the animal using a number of dogs

He goes to Scotland every year to shoot wild duck.[4. p.1029].

Совмещением в семантическом объеме глагола to rent в AE значений to pay rent for the use of a room, house, etc. и to pay money for the use of a car, boat, suitor clothes объясняется его более широкая сочетаемость в AE по сравнению с BE, где употребляются два глагола to rent и to hire для выражения соответствующих понятий.

В условиях самостоятельного функционирования английского языка на американском континенте и Британских островах номинация новых предметов и явлений окружающей действительности в каждом из вариантов осуществлялась как путем использования имеющегося лексического материала, так и путем создания новых единиц, специфичных для данного ареала. Поэтому в качестве четвертого фактора расхождений между двумя вариантами можно указать использование различных средств номинации для обозначения одних и тех же предметов и явлений в AE и BE.

Новые локально маркированные единицы включались в состав словосочетаний, которые иногда обнаруживали полный параллелизм в двух вариантах, например, AE - to take the subway : BE - to take the tube; AE - to buy on (the) instalment plan : BE - to buy on hire purchase.

В других случаях происходило полное или частичное изменение структуры словосочетания:

AE - to stand in line : BE - to queue (up).

Особенности процессов номинации в каждой из зон распространения английского языка проявлялись также в использовании разных языковых средств для описания одних и тех же отрезков действительности: AE - to run for congress : BE - to stand for parliament.

Наибольший интерес для исследования расхождений в сочетаемости между AE и BE представляют те случаи, когда при идентичности синтаксической модели словосочетания и ее лексического наполнения в обоих вариантах словосочетание имеет разные, а нередко противоположные значения в AE и BE. Словосочетания такого рода можно объединить в группу лексико-семантических дивергентов, у которых при общности плана выражения наблюдаются расхождения в плане содержания.

Г.Хоруилл в предисловии к своему словарю пишет, что "многие знакомые слова употребляются в Америке в другом значении или с подтекстом, отличным от того, который они имеют в Англии" [5.С.V].

A homely woman в AE означает "невзрачная, некрасивая женщина", в понимании англичанина a homely woman - "милая, простая в обращении женщина". Наличие негативного компонента в семантической структуре прилагательного homely в AE определяет своеобразие семантики словосочетаний, в составе которых имеются существительные, обозначающие человека, его внешность или окружение, как например, a homely child (ugly), homely household (not attractive in appearance).

"The child was homely, bruised in the face and shoulders, scratched, dazed. His lip was swollen and discolored." 6,P.290 .

"This household was plain, homely, even slovenly." 6,P.330 .

В тех же самых сочетаниях в BE прилагательное homely будет употребляться в значении simple, plain, unpretentious.

Разные значения реализует прилагательное sick в AE и BE в сочетаниях to be (feel) sick : AE "ill" и BE "vomiting or inclined to vomit".

"The last man I was with", she said slowly, "was always going to the doctor, but it didn't help too much. He was always imagining he was sick". [6, P.327]

"In the covered tunnel leading out of the circus tent, among the pushing crowd of people, Kingshaw was violently sick" [7. P.209] .

Следует отметить, что расхождения между двумя вариантами наблюдаются только при функционировании sick в качестве предикатива, все другие словосочетания, где sick выступает в функции атрибутива, принадлежат к общеанглийскому ядру (a sick man, sick thoughts, etc.).

В большинстве случаев не один компонент словосочетания (например, homely), а все словосочетание обнаруживает дивергентные свойства в AE и BE.

Разное содержание вкладывается в сочетание contested election в двух вариантах английского языка - AE "challenged election result" ; BE "election in which there are two or more candidates". Как утверждает де Фуньяк, ссылаясь на Oxford English Dictionary, современное американское употребление данного словосочетания было ранее свойственно и BE [8. C.22] .

Словосочетание to stand in line (AE), британским аналогом которого является to queue (up), употребляется в BE, по данным анкетного опроса информантов, проведенного нами в 1977 году, в том случае, когда речь идет о построении солдат в значении "to stand side by side": The soldiers stood in line to be inspected.

(из анкет информантов-англичан)

I met a guy while I was standing in line at the movies.

(из анкет информантов-американцев)

Интересный случай для анализа представляет собой словосочетание an open town (city), где противопоставление, в отличие от всех вышеупомянутых дивергентов, проходит по линии GE : AE - (formerly) a town (city) without fortifications; (modern use) a town (city) which, its inhabitants declare, will not be defended if attacked, e.g. Paris, Rome in World War II : a town in which gambling, drinking saloons, etc. are allowed without restrictions, e.g. Las Vegas. 9. P.598 .

Таким образом, сочетание an open town по-разному будет интерпретироваться в зависимости от того, европейский или американский город имеется в виду.

Сугубо американское значение словосочетания to break up a

person - "to amuse greatly" прямо противоположно общеанглийскому "to (cause to) suffer severe anxiety and pain", что выявляется только на фоне всего предложения: His funny story broke me up. The bad news will break him up. [9. P.121].

Такого рода словосочетания могут служить источником недоразумений, когда они используются в контекстах, где отсутствует указательный минимум. Н.Мосс [10. С.124] приводит пример недопонимания, возникшего на Женевской конференции по разоружению в 1962 г. между американской и английской делегациями, когда представители Великобритании предложили to table their motion, что очень удивило американцев, так как они нашли проект англичан довольно разумным. Источником недоразумения в данной ситуации явилось наличие у глагола to table в сочетании to table a motion, (proposal) противоположных значений в AE и BE : "отложить обсуждение предложения" (AE) и "выставить предложение на обсуждение" (BE).

Для конкретизации значения словосочетания-дивергента требуется указательный минимум, позволяющий определить, какое именно значение реализуется у данного словосочетания - американское, британское или общеанглийское.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что для адекватной передачи содержания в переводе на английский или с английского языка необходима достаточно четкая ориентация переводчика в нормативных расхождениях между AE и BE на уровне словосочетания. Проблема межвариантных расхождений связана при переводе на английский с выбором одного из конкурирующих вариантов словосочетания, а при переводе с английского - со смысловой и стилистической интерпретацией исходной фразы.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. P.D.Strevens. British and American English. - Collier-Macmillan Publishers, 1972. - 104 p.

2. C.Berlitz. Native Tongues. - Granada, 1983. - 340 p.

3. The World Book Dictionary Ed.by Barnhart C.L., Barnhart R.K. - Chicago : Doubleday & Co., 1976. - 2430 p.

C [illegible] English. - Longman,

5. H.W.Horwill. A Dictionary of Modern American Usage. - Oxford Univ. Press, 1935. - 360 p.

6. J.C.Oats. Wonderland. - Greenwich, Conn : Fawcett Publications Inc., 1973. - 480 p.

7. S.Hill. I'm the King of the Castle. - Penguin Books, 1974. - 223 p.

8. W.Q. de Funiak. American-British Dictionary and Helpful Hints to Travelers, 3d. ed. - San Francisco: Orbit Graphic Arts, 1967; - 188 p.

9. A.S.Hornby. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 3d Edition. - Oxford: Oxford Univ. Press. 1977. - 1055 p.

10. N.Moss. What's the Difference? British/American Dictionary. - 1973. - 153 p.

Цитируемая литература

A.Hailey. Wheels. - L. : Pan Books LTD, 1976.

C.Webb. The Graduate. - L. : Penguin Books 1970.

I.Shaw. Nightwork. - L. : Pan Books LTD, 1976.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в сборнике материалы, разумеется, не исчерпывают той сложной и многогранной проблемы, которая вынесена в заголовок сборника. По сути, все переводческие проблемы семантичны, ибо давно уже миновало то время, когда наивно полагали, что перевод - это лишь "замена знаков". Чем больше мы углубляемся в семантику перевода, тем сложнее и многоаспектнее вырисовывается эта проблема, но и тем яснее становится тот факт, что наука о переводе не может замыкаться на его чисто лингвистических аспектах, что она выходит и в общую литературоведческую теорию текста, и в лингвострановедение, и в целый ряд других наук, разнообразным образом связанных с изучением деятельности человека.

Наука о переводе - это одна из наук о человеческой деятельности, и, по-видимому, именно в этом ракурсе ей и предстоит обрести дальнейшее развитие.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Б.С.Кандинский — Аспекты тактики текста и проблемы перевода 4

Г.В.Аликаева — Имплицитность оригинального и переводного текста 14

Т.В.Дудина — Стилистические трансформации текста при переводе 22

А.Ю.Патрикеев — Структура образа как критерий выбора замены при поэтическом переводе 28

В.В.Гусев — Семантика коммуникативного намерения и ее интерпретация в процессе перевода 37

М.Ю.Жемчужникова — Смысловые связи в тексте и перевод 45

В.Г.Кузнецов — Пояснительно-конкретизирующие отношения в тексте и их передача при переводе 55

Е.Я.Проскурина — Смысловой вывод и равноценность перевода оригиналу 65

Л.Л.Вагапова — Сопоставительный анализ формально-смысловой структуры высказываний при двуязычной коммуникации 75

Л.Г.Безрукова — Семантическая двуплановость и ее передача при переводе (на примере двойной актуализации) 81

В.К.Ланчиков — Субстандартная лексика в прессе: проблема оценочности 91

Г.В.Порозинская — Способы передачи глаголов, указывающих на содержание речевого акта, с русского на английский язык 99

Нгуен Тует Май — Ситуативная семантика речевого этикета (на материале вьетнамского, русского и английского языков) 108

С.Я.Шмаков — Сексизм: новая тенденция в языке и переводческие проблемы 117

Н.А.Кириченко Лексико-семантическая вариативность словосочетания в американском и британском вариантах английского языка как переводческая проблема I24
Заключение I34

Сборник научных трудов
Выпуск 33I
Московский ордена Дружбы народов государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза
Редактор И.И.Осмоловская
Корректор С.В.Титов

Подписано в печать 15.09.89. Объем 8,5 п.л. Уч.изд. 7,5
Формат 60x90 I/I6 Тираж 400 экз. Цена 80 коп. Заказ I7I7
Ротапринт

Адрес редакции: Москва, ул.Остоженка, 38.
Телефон: 245-33-23
Типография ВАСХНИЛ